

Альманах

№ 21

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 21

Составитель: В.М. Авцен

WIRmachenDRUCK GmbH (DE), 2021. – 292 стр.

*«Семейка» – альманах для взрослых
и детей, из которых, собственно,
и состоит этот мир...*

© Авцен В.М., составление

© Лозенко В.И., обложка

© Маша Лавринюк, рисунки обложки

ISSN 1862 - 7781

*Литературно-художественный
альманах*

Семейка

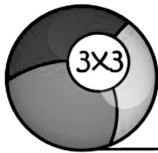

выпуск двадцать первый

*Вупперталь
2021*

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für Ihre Unterstützung:

Wuppertaler
Elternverein
„3x3“ e.V.

Für Kinder, Eltern und die ganze Familie

Caritasverband
Wuppertal/Solingen e.V.

*А также сотрудницу
Каритаса Маргариту
Фризен, много лет помо-
гавшую работе нашего
Вупперлиткафе.*

Уважаемые читатели, взрослые и маленькие!

Моя попытка закончить издавать альманах 20-м выпуском в 20-м году не удалась по причине накопившихся в портфеле материалов на новый сборник. Перед вами очередной 21 выпуск «Семейки».

В разделе «СТИХИ И ПРОЗА», как обычно, широко представлены различные жанры литературы. Открывается альманах стихами нашего великого современника – поэта Александра Городницкого. А в разделе «ОНИ СОШЛИСЬ» после большого перерыва вы вновь встретитесь с ещё одним ныне здравствующим классиком – автором поэзии для детей Вадимом Левиным.

Некоторые авторы (Елена Ханен, Татьяна Лешкевич, Рената Вольф) опубликовались сразу в нескольких разделах и рубриках, что можно смело трактовать как их бенефис. Мне думается, вам будут интересны материалы, размещённые в разделе «ЛЁД И ПЛАМЁНЬ», а также под рубриками «Бардклуб», «Зал переводчика» и «Иных уж нет...»

В 21 выпуске присутствует некий перекосяк в сторону переводных текстов, наверное, потому что составитель сейчас сам увлечён этим занятием. Кстати, о составителе. С момента выхода предыдущего номера у него кое-чего написалось и напереводилось, и ему захотелось с вами этим поделиться, что не составило большого труда – своя рука владыка... Есть в номере элементы здоровой семейственности – альманах ведь не случайно называется «Семейка».

В выпуске приняли участие авторы из Германии, Израиля, России, Украины.

Приятного чтения.

Берегите себя!

Составитель

Стихи

и проза

Александр ТОРОДНИЦКИЙ

Гамбург

Из новой книги «Избранное. Стихи, песни, поэмы»

Патефон в окне

Начало вспоминается весны
И солнечные в облаках прорехи.
Тревожные мальчишеские сны,
Сулящие любовные утехы.
Мне на моём последнем вираже
Опять припоминается упрямо
Наш дом, где на последнем этаже
Когда-то жили с папою и мамой.
И, сколько мне прожить ни суждено,
Забуду я когда-нибудь едва ли
Единственное в комнате окно,
Которое на зиму закрывали.
Мне было счастье редкое дано
Порой весенней школьною когда-то
То зимнее расклеивать окно,
Ножом из щелей вынимая вату.
И не было прекрасней ничего,
Чем в небо, где кружили птичьи стаи,
В весенний мир распахивать его,
На подоконник патефон поставив.
Холодный воздух, терпкий, как вино,
В убогую врывается коммуналку,
Озвучивая сразу, как в кино,
И шум машин, и птичью перепалку,
Колоколов далёкий перезвон,
В соседних окнах радостные лица.

Не для того ли создан патефон,
Чтобы с другими счастьем поделиться?
Тот век незабываемый ушёл.
Обратно не вернутся годы оны.
Не выставляют в окна радиол,
Из обращения вышли патефоны.
Мне горестных не сосчитать потерь.
Мой день окончен, на исходе вечер.
И поделиться счастьем мне теперь,
Пожалуй, не с кем, да уже и нечем.
Так почему же снятся мне опять
Мой патефон, стоящий на окошке,
И облака сияющая прядь,
И голуби, что склёвывают крошки?

2021

* * *

Стреляет в полдень пушка в Ницце,
Над нами небо цвета ситца,
Маяк, стоящий на скале,
И птиц весенних вереница,
И время солнечное длится
На отдыхающей земле.

Стреляет в полдень пушка в Ницце,
И я, попавший за границу,
Услышав этот звук извне,
Припомню, как во время оно
Палила пушка с бастиона
На Петроградской стороне.

Стреляет в полдень пушка в Ницце,
И мне приснятся ночью лица
Тех однокашников моих,

Что растворились в серой дымке,
И остаются лишь на снимке, –
Я скоро вновь увижу их.

Стреляет в полдень пушка в Ницце,
Дымок над горкою клубится,
И жизнь проходит стороной.
На Альпах отдыхают тучи.
Здесь побывал когда-то Тютчев,
Уже усталый и больной.

Стреляет в полдень пушка в Ницце,
И мне привидится синица
За питерским моим окном.
И очень жаль, что мир не познан,
И начинать, пожалуй, поздно
Жить в измерении ином.

2021

* * *

Жизнь промчалась, мерцая, как киноэкран,
Принося мне то радость, то горе.
Я искал на хребтах смертоносный уран
И суда, затонувшие в море.
В батискафе на дно погружался не раз,
Поднимался на горные пики.
Я в болотах искал возгорающий газ
И в базальт запечатанный никель.
Всюду, где бы я ни был, вблизи и вдали,
Изучая и воду, и камень,
Раскрывать я пытался секреты Земли,
Недоступные людям веками.
Побывал по пути я во множестве стран,
И по нашей поездил стране я,

Только тайны земные – не нефть, не уран,
Открывать их гораздо сложнее.
Пролетевшая птица роняет перо,
У окошка сижу я устало,
И скрипит подо мною земное ядро,
Что, скорее всего, из металла.

2021

Альбрехт Дюрер

Гравёр и живописец Альбрехт Дюрер,
Что родился и умер в Нюрнберге,
Всю жизнь гордился городом своим,
В который неизменно возвращался,
Из Базеля, Венеции, Кольмара
И европейских городов других,
Где постигал он тайны мастерства
Или позднее получал заказы.
Он там входил в муниципалитет,
И Лютера поддерживал упорно,
Который был сродни его гравюрам,
Лишённым оптимизма и улыбки.
Недаром этот город Нюрнберг,
Стоящий на баварской речке Pegnitz,
Что сохранить старается поныне
Свои средневековые черты,
Всегда считался истинно немецким,
В себе германский воплотившим дух.
Не оттого ли были в Нюрнберге
И первый съезд нацистский, и последний,
Где расовые приняты законы,
Родившие Треblinkу и Освенцим?
Не потому ли именно отсюда
Коричневая двинулась чума,
Сжигая европейские народы?

Не потому ли древний этот город
С историей его тысячелетней,
Где было всё: крестовые походы,
Народные восстания и Лютер,
И Дюрер, и художники другие,
Где пели майстерзингеры когда-то,
Не этим будет славен для потомков,
Не пряниками вкусными своими,
А Нюрнбергским памятным процессом,
Что в страшной той главе поставил точку,
А, может быть, всего лишь многоточье?
Когда теперь я думаю об этом,
Я Дюрера гравюру вспоминаю,
Увиденную как-то в Эрмитаже,
Что называлась «Рыцарь, смерть и дьявол»
И горестный пророчила финал
Наследникам империи франконской,
Гордившимся своим немецким духом,
Где рыцарь – это, видимо, народ,
А дьявол – воплощение нацизма,
Веками соблазняющий его,
И всё ещё, возможно, повторится.

2021

Девятое ноября

От Хрустальной ночи до Хрустальной ночи
Плач по убиенным выедает очи.
От Хрустальной ночи до Хрустальной ночи
Кто на их могилы принесёт венок?
Месяц над домами в небе обесточен,
Кружится над нами дым Хрустальной ночи.
Трудно жить евреям меж народов прочих,
Там, где в небе реет дым Хрустальной ночи.

Ветровое меццо гибель им пророчит,
Некуда им деться от Хрустальной ночи.
Нож убийца точит, – далеко не очень
От Хрустальной ночи до Хрустальной ночи.

2021

Ночной дозор (Рембрандт)

Нам тяжела господня эта данность,
Что предсказал когда-то Нострадамус.
Каких бы мы ни вынесли страданий,
Нам новые страдания грозят.
Звучат курантов мерные удары,
Посторонитесь, господа и дамы,
Ночной дозор идёт по Амстердаму,
Как проходил столетия назад.

Ночной дозор, подвыпивший и грузный,
Под тяжестью согнулся аркебузной.
Кто узнан был из них, а кто не узнан,
Их лица в темноте не разобрать.
Не положить предела в век иной нам
Разрухе, оккупациям и войнам.
Любимый город не уснёт спокойно,
На их хмельную полагаясь рать.

Свой век был ими прожит без остатка,
А в нынешнем, похоже, им не сладко.
Не может навести сейчас порядка
Их караул, что, видимо, устал.
В канале, где подтаявшая льдина,
Валяются шприцы от кокаина,
Над городом, где храмы нелюдимы,
Горит в ночи оранжевый квартал.

Ни слыша ни проклятий, ни рыданий,
Ночной дозор шагает в Амстердаме,
Как будто пребывает он годами
В другой стране, во времени ином.
Чтоб, на вопросы не найдя ответа,
Пока округа темнотой одета,
В музейный зал вернуться до рассвета
И снова стать недвижимым полотном.

Ночной дозор идёт по Амстердаму.
Его заметить можем без труда мы.
На площадях безлюдных и у дамбы
Он в темноте холодной растворён,
Но у вокзала и в районе порта,
Хотя следы на мостовой и стёрты,
Мы слышим стук тяжёлого ботфорта
И алебард негромкий перезвон.

В осенний дождь и под весенним градом
Ночной дозор проходит с нами рядом,
И кажутся сегодня маскарадом
Его костюмы из былых времён.
Он в темноте высматривает зорко,
Где Анны Франк убогая каморка,
И нам с тобою неизменно горько,
Что защитить её не может он.

2019

Клавдия ЛЕЙБОВА

Ратинген

Я киевлянка. Родилась, выучилась, работала, детей растила – в Киеве. И уехала из Киева. Сразу хочу сказать – ностальгию в виде болезненного состояния запретила себе на корню, просто позволяю себе свой город любить, помнить, скучать, посещать время от времени с удовольствием. Ибо, кроме города (который иногда не узнаю) остались еще там, слава Богу, близкие мне люди.

Окончила Киевский политехнический институт, электроакустический факультет. Тридцать восемь лет до отъезда в Германию работала на авиационной фирме «АНТОНОВ». Из них двадцать два года в отделе летных испытаний самолетов. Инженер без попыток к писательству. Но не без дружеских «подначек» или стишков по поводу. Ни на что более серьезное времени не было.

Жанр моих попыток посерьезнел в Германии, когда свободное время вдруг обрелось.

Публиковалась в журналах «Оазис» (Дюссельдорф), «Женский мир» (Нью-Йорк), «Грани» (Нью-Йорк-Лондон-Париж-Москва), «24 часа» (Сан-Франциско), сборник «Война народная» (Гамбург), сборник «У озера» (Ратинген).

Издала две книжки – «Двор», 2005 и «Три собаки и Феллини», 2013.

Накопилось на третью, да смысла не вижу...

Зато не отказываю себе в удовольствии приобщать широкие русскоязычные массы к прелесть поэзии XX века. Двадцать пять готовых программ – от Блока до Бродского.

ФБУЧНОЕ

1.

Ну вот. Опять первое января, время навестить свою страну в фэйсбуке – как-то так получилось, что в последние годы я ее посещаю первого января. Да, думаю я ободряюще, традиция есть: Пушкин писал стихотворение на каждое 19 октября, Пастернак с Бродским – Рождественские стихи. Не дадим традиции умереть. Шутка.

Сегодня напишу-ка я маленький рассказик под названием «Котлетки».

Развращенная буржуазным западом, где можно самой ничего не готовить, а купить в магазине, редко-редко затоскую по чему-нибудь рукотворному. Ну, вот котлетки, например. Поскольку редко, то уж по полной бабы Лизиной программе.

Берешь мясо, желательно говяжье и свиное. Фарш готовишь сама. Хорошую луковицу туда же. Замоченную предварительно в молоке черствую белую булочку. Зубочек чеснока. Всё туда же. Проворачиваешь два раза, чтоб уж совсем нежные получились котлетки. В готовый фарш даешь соль, перец по вкусу, для чего приходится сырой фарш пробовать, потом яйцо.

Сковороду подготовить надо по той же бабылизиной схеме – раскалить на ней крупную соль, протереть этим дно как следует, чтоб потом ничего не приставало, само отскакивало. И вот на чистой сковороде в горячее масло кладешь сформированные по вкусу – круглые или продолговатые – котлеты, которые лепишь, предварительно смочив ладони в мисочке с холодной водой. Ух! Помню, когда дети были маленькие, крутились вокруг котлетоизготовления, – не успевала я готовые со сковороды снять, как они тут же и исчезали. А что, и вправду божественно вкусные, понять можно.

Но не для того я сюда пришла, чтобы поделиться сохранившимся в памяти и в душе рецептом изготовления котлет бабы Лизы. А вот для чего.

Несмотря на все соблазнительные достижения и навязчивые предложения буржуазного запада, фарш этот вышеописанный я «перекручиваю» на самой примитивной ручной мясорубке. Она у меня не тяжелая-стальная-мамина-послевоенная, она у меня легкая и покрытая белой эмалью. О ней и речь.

Однажды, примерно в начале семидесятых, 14 декабря пришли две мои подружки, Софуля и Галочка, и принесли эту самую мясорубку, беленькую и легкую, в подарок. Подарок был по случаю нашей с Гришей годовщины свадьбы. Сами по-

нимаєте, что для русского интеллигента день этот ассоциируется с известными событиями российской революционной истории. А тут мы со своей годовщиной. Само собой, мясорубка – удачный символ этой самой истории. Вечно живой, как оказалось. Хранимый мною по сей день. Как и любовь к моим подружкам.

...А что еще более жизнеутверждающее можно написать первого января две тысячи двадцать первого года, наступившего после недоброй памяти две тысячи двадцатого, который хочется забыть, как страшный сон?..

2.

Всякий раз, случайно набредя на фб, вижу прямо поставленный вопрос: что у вас нового? Обычно на него не отвечаю.

Ну, вот год новый, 2020, до которого мои самые смелые мечты и не достигали, а вот ведь и правда – первое января 2020.

У меня есть несколько знакомых, родившихся в этот день. Наглецов, не давших маме нормально встретить Новый год. Один был профессорский сынок, его в семье называли «Новогодик». Его ученый папа занимался проблемой поворота рек – кто еще помнит про этот большевистский бред? Новогодик был племянником наших близких друзей Фани и Бори. Боря люто ненавидел поворотчика рек, и тень этого отношения как-то невольно и незаслуженно падала на племянника. Мы с ним не дружили.

А еще в этот день родился мой друг Ваня Нетудыхата. Ну, понятное дело, какой дурак празднует день рождения первого января. Тут бы от наканунешнего ликования глаза продрать, не до гостей, чай. Но в те поры, когда 31 декабря условно считался еще рабочим днем, естественно, в дружеском коллективе отмечали его день рождения. И однажды отметили так, что более молодые и стойкие бойцы повели Ваню домой. А хоть и молодые, суровый норов жены Майки знали. Потому привели, прислонили к входной двери, нажали на звонок – и,

не дожидаясь лифта, горохом посыпались с лестницы. Суровая Майка дверь открыла. Ваня на нее упал. Майка сделала шаг назад, и бедный Ваня простерся на коврике, именуемом по-киевски «дорожка». Так и спал до утра.

Да, так бы вспоминала и вспоминала. Ну, как говорится, фэйсбук не забор, много не напишешь. Пора честь знать.

С Новым годом.

3.

На вопрос фб «что у вас нового» отвечаю буквально – новая электроплита. Старая почилла, отслужив верой и правдой двадцать лет. А вот новая обрелась с приключениями, не ожидаемыми в приличной европейской стране.

Но, увы, всё на свете портится и становится всё страньше и страньше. И не то переживали. Вот когда нам после войны вместо обычной деревенской печки в старом доме в старом аристократическом Печерске устанавливали газовую плиту о четырех конфорках, и ошалевшая от счастья мама спросила, можно ли регулировать температуру в духовке, установщик обиделся и сказал: «Мадам, может, вы хотите, чтоб она вам еще и детей рожала?»

Кургуазный. Видимо, был из «бывших».

4.

12 апреля 1961 – 12 апреля 2021.

Страшно сказать, сколь лет тому назад, я только начинала свой трудовой путь на ЛИИДБ фирмы АНТОНОВ, тогда еще КМЗ. Для тех, кому нужно раскрыть эти непонятные аббревиатуры:

ЛИИДБ – летно-испытательная и доводочная база

КМЗ – Киевский механический завод

Шифровались, как все секретные советские предприятия.

База наша была к моему приходу еще младенец. В пригороде Киева, подле военной части, в чистом поле. Взлетно-посадочная полоса, несколько финских домиков, где располага-

лись бригады, обслуживающие самолеты, и два двухэтажных деревянных домика. В одном из них в первом этаже располагались т.н. лаборатории – тензометрическая и термометрическая, а на втором этаже – синоптики и летная служба. Много, много страстей вмещало еще это наше пристанище, но не об этом сейчас речь. А вот о чем.

Был обычный рабочий день. Апрель, почти середина, и почти весна по тем киевском метеорологическим временам. Среда. Про которую Самуил Маршак написал стишок:

*Быстро дни недели пролетели
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико – Среда.*

*Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, – неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день ее – Среда.*

*Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.*

Ну, конечно, отсчет у него с Воскресенья, как у евреев водится. Ну, это так, реплика в сторону.

И вот в эту прекрасную среду мы с подружкой Анкой сидим себе в своей тесной комнатухе, как вдруг откуда-то с неба, как нам показалось, раздался – не голос, не возглас, не крик, а мощный рев мужских голосов. Довольно долгий. Мы замерли. Я сказала: или война, или человек в космос полетел.

Мы ринулись наверх. Летная служба стояла на ушах. В прямом и переносном смысле. Потому что, раздобыв красную краску и кисть, ребята «вывесили» кого-то из молодых из

окна, и на стене появился довольно коряво осуществленный крик их душ:

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА!!!

А не коряво вверх тормашками не написать ведь.

И ах! – как же каждому из наших летчиков хотелось в эту минуту быть ТАМ!

И столько, сколько простояли эти углые домики, хранившие память нашей авиационной молодости, наших любовей, надежд, дружб, радостей и печалей, – красовалась эта не требующая пояснений надпись между первым и вторым этажом, постепенно выцветая под снегом, дождем, солнцем, – Временем! – но вот же сохранившаяся в памяти и душе двух, по крайней мере, свидетелей этого восторженного порыва – меня и Анки.

Ибо путь у нас короче тех путей, что намечает взгляд...

5.

Вот конкретный эпизод из дня девятого месяца мая года 1945.

Мы в Киеве уже год после эвакуации. У нас на теплое время во дворе среди травы, где всякие лютики-одуванчики-незабудки, есть еще и «калачики», которые мы умудряемся есть, – так среди этого зеленого коврика устроено нечто вроде кострища. Там стоят два кирпича, на которые надо утречком успеть поставить свою кастрюлю. Мама успела, а меня к ней приставила, и наказала крикнуть, когда вода закипит.

Это ужас ужасный, все уже гоняют во дворе, договариваются играть в войну (которая еще идет), разбиваются на наших и немцев, и, если я еще тут буду торчать, рискую точно в немцы попасть. А вода эта никак не закипает, я босыми ногами от нетерпения перебираю, как застоявшаяся лошадь какая-нибудь. Наконец, едва появляются первые бульки, ору:

– Мама, кипит!!!

Выходит мама на крыльцо, и совсем не сердито, как обычно на такое восклицание, а как-то буднично говорит:

– Мама не кипит. Война кончилась. Победа.

Мне семь через три дня, и в год Победы я пойду в первый класс.

6.

Полезно быть бумажным Плюшкиным. Дошли руки до какой-то завалящей папочки, а там... а там чего только нет.

Вот, например, клочки бумажек с американскими впечатлениями 2007-го года. Американские подружки заранее позаботились, зная мою сердечную привязанность к импрессионистам, и мы поехали в Филадельфию в музей, собранный Альбертом Барнесом (если я правильно помню) в двадцатые годы двадцатого века.

Столько прекрасного одновременно и непрерывно трудно-вато вынести. Впечатление еще усиливалось некоторой «домашностью» экспозиции. И от такой концентрации impression'a, видимо, и нацарапалась – еле различимая сейчас – кляюза:

*От виденного сердце замирает,
Чтоб описать, мой слишком беден слог.
Такого слишком много не бывает,
Как не бывает слишком длинных ног.
Как хорошо с Матиссом и Утрилло!
Здесь жить возможно, что ни говори.
И все же мне чего-то не хватило...
Мне не хватило Жанны Соафи!*

И ее там среди огромного количества Ренуара таки не было.

7.

Ну, не вспоминать же этот постылый год 2021. У нас в таких случаях говорили – хай йому грець!!! Вспомню лучше еще один новогодний эпизод.

В бригаде, занимавшейся проблемами шумов в салоне самолета во время полета, трудились трое выпускников моего факультета, на два-три года ранее окончивших институт. Сре-

ди них прелестная, невозможной красоты, кротости, милоты Олечка А. Я к ним забегала поболтать по старой памяти.

Среди этих моих старых знакомых был один нрава непереносимого. Миша Б. Оля говорила мне – ты единственный человек, по поводу которого не выливается ушат грязи, как только за ним закроется дверь. Мы правда с Мишей приятельствовали, несмотря на его желчность. Да и где тут взяться доброму характеру, когда папу замели на глазах сына, потом расстреляли. потом в Ленинградском институте киноинженеров, куда он после школы поступил, пытались сделать из него стукача, считая, – почему бы не стать им сыну врага народа. А он жестко сказал – нет. Нашли предлог и поперли из института. Он перебрался в Киев, тогда наш факультет в Политехническом был еще киноинженерным институтом.

Второй наш с факультета был Витя А. Очень крупный, фанат Вертинского, которого знал и при случае приятно и чисто напевал. Даже слегка грассировал.

В общем, крутая бригада была.

И вот после очередного Нового года получаю я такой рассказ. Надо сказать, что в те времена на фирме никто не препятствовал предпраздничным выпиваниям и закусываниям прямо на рабочих местах. И ребята не заметили, как Олечка выпила лишнего и потеряла контроль над действительностью. Единственное, что она твердо помнила – что надо забрать сына Женьку из детского сада. Детсад был ведомственный, неподалеку от фирмы. И вот мои доблестные рыцари взяли Олечку под белы ручки, и, как могли, приволокли в детский сад. Детей уже в ожидании разбора вывели во двор. Олю прислонили к надежной стенке. Затем воззвали:

– Дети, чья это мама?

Бедняга Женька мужественно сознался. И тогда уже их обоих транспортировали домой.

Нет уже ни Олечки, ни Миши, ни Вити. «И все они умерли... умерли» – как написал русский классик И.С. Тургенев в своем бессмертном опусе про то, «как хороши, как свежи были розы...»

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ

(1947– 2006)

ВМЕСТО СТАТЬИ...

Как-то поэт Ольга Бешенковская, жившая в Штутгарте, в одном из своих стихотворений написала: «А умирать – на родину, дружок...» Возможно, обращаясь к некоему абстрактному иммигранту, она проговаривала своё тайное желание – быть похороненной в родном Питере. Не случилось... Умерла и похоронена Ольга в Штутгарте. Осенью 2021 года исполнилось 15 лет со дня её ухода.

Много лет назад ещё при жизни Ольги, защищая её от нападок недоброжелателей в Штутгартском клубе авторской песни, я сказал, что они сейчас вытирают ноги о большого русского поэта, которым город со временем будет гордиться. И не ошибся. Вскоре после её ухода Международная гильдия писателей (руководитель Лада Баумгартен) организовала фестиваль имени Ольги Бешенковской, а журнал «Русский Штутгарт» увековечил её, поместив фото на обложке рядом с

двумя знаменитыми женщинами города... Но в первую очередь надо отдать должное её вдове Алексею Кузнецову, который все эти годы делает всё возможное, чтобы память об Ольге и её творчестве жила. Разбирает, превращая в книги, многочисленные рукописи её стихов

На логотипе журнала портреты великой княгини Екатерины Павловны, королевы Вюртемберга (1788-1819), великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртемберга (1822-1892), и большого русского поэта Ольги Бешенковской (1947– 2006), прожившей в нашем городе последние 14 лет.

и прозы, размещает в Интернете литературное наследие Бешенковской, рассылает друзьям и знакомым письма, подобные этому...

«Дорогие друзья! Хочу продолжить традицию рассылки литературных текстов Ольги Бешенковской всем тем, кому близка и дорога её прекрасная поэзия. Если же кому-то подобные электронные письма в тягость, убедительная просьба честно об этом написать, и я данный адрес исключу из общего списка.

Стихотворение, точнее, поэтическое эссе, или даже маленькая поэма «Вместо статьи», посвящена петербургскому поэту Александру Кушнеру, творчество которого в поэтическом становлении Ольги Бешенковской играло особую роль. А. Кушнер вышел из замечательной плеяды поэтических шестидесятников, и в то же время всегда стоял от них несколько особняком. Этот замечательный поэт на многие последующие годы стал как бы олицетворением всего того лучшего, что и тогда, и сейчас принято называть «Петербургской поэтической школой».

Ольгу Бешенковскую и Александра Кушнера многие годы связывала творческая и чисто человеческая дружба, и не удивительно, что именно она смогла в этом своём произведении понять и передать извечную трагичность (даже при всём внешнем благополучии) судьбы подлинно талантливого художника в несвободное время и в несвободной стране. С уважением, Алексей Кузнецов».

Ниже – то самое стихотворение-размышление о поэте и поэзии...

В.А.

Вместо статьи...

А. Кушнеру

Большие люди – маленького роста...
И трудно жить, и затеряться просто
В очередях за пивом и луной...
Пока над пеной моря или кружек
Они себя в толпе не обнаружат
И в свет не выйдут, шумный и дневной...

И улыбаясь встречному, и ёжась,
Свою на всех сыновнюю похожесть
Поэт не прячет фиговым листком,
А тянет горечь общую и лямку,
И в жизнь входя (и выходя за рамку...),
Всегда отринут ею и влеком.

Приходит он. Садится робко с краю,
(С трудом и это место выбираю)
Всегда смущённо комкающийся в горсть
Не снег – так скатерть.
В том его отличие,
Что он, приняв хозяина обличье,
Забывать не может, что всего лишь – гость...

Всегда желанный и всегда – некстати,
Во фраке – в свете, в сумерках – в халате,
(футляр – какой предложат времена)
Он ест и пьёт, вставляет мысль в беседу,
Икнёт сосед – сочувствует соседу,
И шепчет муз простые имена...

А между тем, курносенькие музы,
Его не с вами связывают узы –
Неотвратим осенний перелёт...
И шелестят, как лебеди, страницы,
И над подбитой больно распрямиться,
И угодить приятно в переплёт...

Поэт, уже стесненный переплетом... –
Теперь совсем без отчества живет он –
Отечества побочные сыны!
И негром должен быть он по идее
Или хотя бы просто иудеем,
Чтобы взглянуть чуть-чуть со стороны...

Лишь отстраняясь, увидишь многогранность,
И граней блеск, и внешнюю сохранность,
И разветвлённых трещин черноту.
Но сам, не раз порезавшись, ни разу
Не променяешь, вслушиваясь в разум,
Ты эту чашу горечи на ту...

В сухих губах поэта и еврея
Дворняжья жажда родины острее –
Не малосольным пахнет огурцом,
А солью слёз и пота вперемешку...
(Вглядишься, читатель, в грустную усмешку
Меж двух штрихов, намеченным резцом...)

Меж двух огней, меж тысячи сомнений,
Веков и дней, погромов и гонений,
Дрожащей сигареткою дымя,
Вдвойне богат и беден он при этом,
(И не опасны крайности поэтам,
Родившимся под звездами двумя...)

Поэт стоит на бруствере окопа
И пьёт настой смороды и укропа,
Доверчивостью утренней лучась...
А у виска свистят шмели и пули
Со всех сторон...
И в солнечном июле,
И в феврале, который через час... –

Кто знает, сколько времени осталось
Поэту, погруженному в усталость –
С младенчества поручено пасти
Ему отары звёзд на склоне неба,
Да и стиха – когда названья нету,
Да и бутылки... (Господи, прости...)

Днём к чёрту шлёт, а ночью ищет Бога,
То веря вдруг во всех, которых много,
То – вовсе нет... (Ещё или уже?)
И сам пугаясь собственных гипотез,
Живёт, о бренном суетно заботясь,
Но и – на всякий случай – о Душе...

И пусть поэта дёгтем кормят с ложки,
И в 23 копейки на обложке
Оценена открытая душа,
Приучен он довольствоваться малым:
Чужой солонкой... Ласточкой... Бокалом...
Звонком – вздох, и словом – не спеша...

И плащик есть... Но – Господи – плащи-то –
Такая ненадёжная защита
От морозящей грусти сентября...
И зябнет радость ПЕРВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ
В НОЧНОМ ДОЗОРЕ смутности осенней,
Дыханьем тёплым воздух серебра...

Куда идти? Ещё не знает сам он,
Весь – в мимолётных искорках лавсана,
Помимо бед мирских принявший сан
Святейшего из грешников – Поэта...
Во исполнение лунного обета
Идет поэт в далекий город Санкт...

(Зарывшись ночью в жёлтые страницы,
Так переходит времени границы
Душа – к Душе – подросшею сестрой...
Не потому, что лучше там (О, Боже...),
А просто близких родственников больше,
По крайней мере, кажется порой...)

Судьба и подвиг (не медальки ради) –
С пером в перстах родиться в Ленинграде.
И счастье...
Блещет строгая вода...
(В награду нам за пешие привычки
Со дна «Невы», закованной в кавычки,
Всплывешь ли ты, «Полярная звезда»?..)

И глух гранит, но сердце бьётся сладко –
Не крылья пусть, но всё-таки крылатка
Растёт...
И с невским ветром заодно
Легко дышать... И думается просто
На сквозняках, где выгорели ростры,
А солнце в лето кануло давно.

Иного нет пристанища.
Природа?
Там без тебя достаточно народа
Тень городов наводит на плетень...
И всё равно увидишь почему-то
Листвы цыплячьей ветреную смуту
И ястреба распластанную тень...

Фантастика? Для прозы – тривиально,
А для поэта – вовсе нереально,
Да и настигнет время беглеца...
...И аморальна в чём-то мудрость басен:
Глагол – он жжёт и шёпотом, и басом,
Но только лишь от первого лица...

И фейерверк метафор – не спасенье:
Ещё видней в хаосе дождь осенний –
Сквозь звёздный снег и солнечную рожь...

И не спасенье, если всё прогоркло,
Что не тоска тебя берёт за горло,
А ты её за горлышко берешь...

И есть о чём сказать, но как-то нечем...
И боль саднит и колет под предплечьем,
Как будто сердцем Бог не начинил...
И, наконец, уже вконец измучит
Век изобилья шариковых ручек
И дефицита внутренних чернил...

Пусть говорят, что кто-то пишет кровью,
Доверья больше к тем, кто, сдвинув брови,
Глядит в окно, и в книгу, и в глаза,
Не очерняя, и не обеляя
Ни жёлтый свет, ни сырость – штабелями.
И не возводит образ в Образа...

Большой поэт, когда ему под сорок,
К ПРИМЕТАМ жизни пристален и зорок,
Устав от всех Сицилий и Харибд...
Чем он мудрей, тем больше он ребёнок,
Светлеет взгляд, и чистый голос тонок:
Его устами Муза говорит:

«Прекрасна жизнь...»
Но это так пристрастно...
А если жизнь, действительно, прекрасна?
Топлёный снег... Творожная зима...
Вкус бытия, молочный, как вначале,
Когда прозрели губы...
До печали –
До голубой трагедии ПИСЬМА...

Уходит грусть в безадресном конверте...
Возьмите в руки, на слово поверьте.
Поэта грусть – и всем, и никому.
И так прекрасен риск её и абрис.
И на конверте есть обратный адрес...
Побродит и воротится к нему.

И до подхода рая или ада
Живет он с ней в пределах Ленинграда.
Аэрофлота ангелы...
Метро...
В нем всё уже при этом свете наго,
И щит поэта – вещая бумага,
А меч поэта – певчее перо.

Р.С. от автора. «Первые впечатления», «В ночном дозоре», «Приметы», «Письмо» – названия книг А. Кушнера. В те же годы А. Кушнер написал стихотворение «Вместо статьи о Вяземском». Отсюда – название поэмы...

Анна ЦЕАФ
Меттман

МИНИАТЮРЫ

В 20 номере альманаха впервые появились миниатюры Анны Шаф с трудно определимым жанром – что-то типа импровизаций, основанных, как правило, на документальных исторических фактах. Это не всегда миниатюры, но читать их очень интересно.

В.А.

* * *

18 февраля 1535 года.

– Месье Аллар, он не дышит, – слуга почтительно поклонился.

Главный казначей французского города Гренобля не вздрогнул.

– Да, он сказал мне, что умрёт сегодня в полдень. Он просил вызывать его дух и обещал приходить к своим почитателям во все века.

Казначей задумался.

Агриппа Неттесгеймский – теолог, родившийся в Кёльне, придворный секретарь императора Священной Римской империи и короля Германии Максимилиана, воин австрийской армии, храбро сражавшийся во многих странах Европы, секретарь Луизы Савойской, матери французского короля, умер как бездомный больной у своего благодетеля Аллара на жесткой деревянной кровати в углу подслеповатой комнаты.

Месье Аллар встряхнулся и приказал властным тоном:

– Тело обмыть и положить в гроб!

У входной двери зазвонил колокольчик.

– Кого чёрт несёт? Не ко времени... – Аллар накинуд камзол на плечи.

– Месье, хозяин трактира «Званный гость» с визитом, – слуга склонил голову.

– Зови!

В богато обставленную залу бочком вкатился плешивый человек.

– Простите великодушно, – прошепелявил он. – Ваш постоялец снова рассчитался обычными ракушками. Прошу покорно внести за него плату за три пинты пива.

Брови казначея сдвинулись:

– А ты куда смотрел?

– Простите, принял ракушки за золотые франки.

– Сам и виноват! Пошел прочь! Не до тебя теперь...

Человечек развёл руками и был таков. Месье Аллар занялся важными бумагами.

Утром следующего дня после завтрака казначей позвал слугу.

– Тело обмыто? Агриппу надо похоронить скромно, чтобы никто не знал, где его могила. А то неприятностей с его последователями не оберёшься.

– Никак нет, не обмыто, – беспристрастное лицо слуги-немца вызвало раздражение Аллара.

– В чём дело? Говори!

– Слуги боятся дотронуться до тела. Колдовская сила может перейти с чародея на простого человека. Все в доме знают, что Агриппа мог разговаривать с умершими, что его книги обладают собственным разумом. Он был известным чернокнижником, еретиком, спорил даже с инквизицией. Никто в доме не решается подойти к нему.

Аллар был взбешён.

– Правдолюбец, живая энциклопедия, учёный, мыслитель, гуманист, бесребренник не заработал себе ни копейки на похороны. Его ещё и закопать в землю по-человечески не получается! Этот насмешник Франсуа Рабле пару лет назад к тому же славы астролога и хироманта ему добавил!

Чтобы унять накатившуюся волну гнева, Аллар подошёл к высокому окну и посмотрел на засыпанный лёгким снегом парк. Слуга безмолвствовал.

– Ну, хорошо, – наконец проговорил месье. – Положите в гроб в той одежде, в которой он находится, и сегодня же унесите его в церковь.

Голос слуги не дрогнул:

– С огромным сожалением сообщая, что священник отказывается хоронить колдуна в пределах церковной ограды.

– Боже мой! – воскликнул месье Аллар. – Великий маг, властитель дум королей всей Европы, больше тридцати лет занимавший умы народов, входивший в царские покои, как к себе домой, легенды о котором при жизни повторял и простой народ, и богатейшая знать, и воинство, – должен быть похоронен под забором как собака!

Никакого чувства не отразилось на сухощавом лице слуги.

Месье Аллар махнул рукой.

– Делайте, как знаете... Чтобы сегодня же покойника в доме не было! – Аллар опустился в кресло.

– Будет исполнено, – слуга почтительно поклонился.

Железная Рука

23 июля 1562 года, замок Хорнберг.

Гёц фон Берлинхинген оторвался от чтения рукописи – он перечитывал перед сном написанное за день. Вот уже несколько лет он занимался мемуарами, надеясь остаться в памяти потомков. Жизнь в замке казалась ему невыносимо скучной, и воспоминания о бурных годах, проведённых в боях и походах, крепили его силы в старости. Он дожил уже до восьмидесяти одного года, и среди людей, окружавших его, давно уже не было сверстников.

Старый рыцарь остался доволен написанным – мемуары были почти закончены.

Он привычно отстегнул железный протез, потёр левой здоровой рукой культю. Тогда, в 1504 году, ему было только 24 года... При осаде замка Ландсхут, где он воевал во имя гер-

пога и хороших денег, он потерял правую руку. Ядро противника попало в рукоять его меча, и рука, по локоть срезанная, повисла на лоскуте кожи. Доблестный рыцарь, не показывая вида врагам, спокойно удалился с поля боя.

– Хе, хе, – сам себе ухмыльнулся старик, – тогда я себе заказал у кузнеца первую железную руку. А через двадцать лет у меня появилась клацающая и щелкающая рука – чудо современной техники! Она отлично держала оружие, меч колот и дробил головы и тела! А сейчас она крепко держит перо.

Гёц, грузный и грозный, словно успокоившийся бык, пошёл отдыхать к резной деревянной кровати. Проходя мимо секретера, он положил на столешницу свою хваленую железную руку.

Дверь неслышно отворилась, и перед хозяином предстал его преданный слуга и секретарь Томас Мазерс. Мерцающее пламя свечей подчеркивало особенную бледность его лица. Гёц почувствовал неладное.

– В чём дело? – спросил он резко.

– Дворовые люди принесли... – Томас протянул листок бумаги. – Это было приколото на наружных воротах замка.

Старик быстро взглянул на лист, где стояла четкая аббревиатура «S.S.S.C.C.»

Гёц знал, что это вызов на тайный трибунал, судей которого не знал никто, но было известно, что приговор бывает беспощадный.

Глаза слуги горели:

– Мой господин! Я буду с Вами навсегда, навеки, что бы ни случилось!

– Смерть пришла! – воскликнул старик.

Страха он не почувствовал. Он просто не знал, что такое страх. Беспощадный наёмник, он обожал хорошую драку, настоящий бой, увлечённо сражался в любой битве, которыми полна была жизнь рыцаря в шестнадцатом веке. Разбой в лесу и на дорогах, сражения, участие в Крестьянской войне, в Реформационных войнах, игра в карты, займы, погоня за золо-

тыми монетами – нет, он не знал страха, ведь рисковал собой постоянно. Таков был образ его жизни.

Бездеятельно ждать смерти – это не его удел!

– Томас! Готовься к отъезду! С собой берём только самое необходимое из одежды и еду на первое время. Сумку с золотом приготовлю сам. Пусть запрягают тройку лучших лошадей. Поторопись! К утру мы будем уже далеко!

Слуга вышел.

– Нет, не возмёшь! Поцелуйте меня в задницу! Я не ваш! – Гёц стал искать в секретере нужные бумаги. – Я и не в таких переделках побывал: в тюрьмах сидел, в осаде и выходил из всех передрыг живым! – Он поперхнулся, остановился, на миг задумался. – Да, но такой охоты за мной ещё не бывало...

У старика подкосились ноги. Он понял, что сейчас упадёт, и судорожным движением попытался удержаться за открытую столешницу. Железная рука, лежащая там, соскользнула на пол, пальцы её впились в шею. Гобелен на стене зашатался, и перед глазами рыцаря поплыли разноцветные круги.

Когда Томас вернулся, неся в устах фразу: «всё готово, господин!», он увидел тело рыцаря, бездыханно лежащего на полу. В секунду оценив обстановку, верный секретарь и слуга бросился к тайнику с золотом. Набив сумки добром, на уже запряженной тройке, он умчался в город Штутгарт.

Вольная жизнь Томаса, полная плотских радостей и удовольствий, закончилась быстро. Его тело обнаружили в роскошном доме с кинжалом в сердце. Рядом лежал листок с буквами «S:S:S:C:C:». Что это обозначает, не знает никто до сих пор.

А железная рука доблестного рыцаря и разбойника Гёца не давала покоя Гёте и Моцарту, бюргерам и кинорежиссерам, военным, фантастам, журналистам на протяжении многих лет и даже веков.

7 мая 1915 года.

Британский трансатлантический лайнер «Лузитания» стремительно рассекал акваторию. Огромный плавучий дворец, хваленый «король Атлантики» извергал в небо клубы чёрного дыма.

Я сидел за маленьким столиком, пил виски и наблюдал, как дельфины стайками прыгали в пенистые валы за кормой. Мирная голубая страна неба и моря одухотворяла и укачивала. Джина ждала меня в каюте, но я не торопился. «Какого черта, вообще, эта девка делала в Джерси-Сити рядом с рестораном «Манхеттен», где я её отловил? Куда девать её в Ливерпуле? Не вести же её на явку с русским разведчиком Незнамовым в следующую пятницу»... Но сожаления о потраченных долларах не было – эти итальянки так хороши в постели! Я стряхнул пепел сигары на выдраенную матросами палубу. Мимо профланировали респектабельные пары в легких нарядах: туман рассеялся к полудню, и стало тепло.

«Впрочем, – продолжал я рассуждать, – моя южная прелестница может пригодиться. Если Незнамов упрётся и не даст за предлагаемую сумму тайных сведений о готовящемся в России государственном перевороте, я подкину ему Джину на недельку. Не всё же ему одной Родиной сытым быть! Хотя, как сказать, русские в большинстве своём патриоты-фанаты. Придётся, видимо, искать обходные пути».

За столиком справа расположилась молодая пара. Хорошенькая американка держала на руках младенца, который недовольно кряхтел и, по-моему, собирался заплакать. Я встал и прошёл к противоположному бортику, украшенному яркими спасательными кругами. Вдалеке виднелись зелёные берега Ирландии – наш турбоход был примерно в двенадцати милях от берега.

Я улёгся на шезлонг и задремал. В мозгу прокручивалась предстоящая встреча, перемешиваясь с бурными событиями,

произошедшими со мной в Нью-Йорке за последние месяцы. Глупый умник, я не знал, что Бог уже распорядился моей судьбой: через четверть часа лайнер «Лузитания» будет торпедирован вражеской германской субмариной. Машина корабля опрокинется килем вверх и начнёт быстро тонуть. Она погрузится в воду за восемнадцать коротких минут в тринадцати километрах от берега, и только шесть из сорока восьми спасательных лодок с людьми удачно спустятся со стороны правого борта. Джина, охваченная паникой, побежит в толпе безумных от страха людей, станет кричать и звать меня на помощь. Я оттолкну её протянутые руки, и с ужасом увижу, как огромные волны, поднятые взрывами, смывают пустые шляпки и несут их вдаль. Потом увижу уходящую под воду голову Джинны и капитана Тернера, стоящего на мостике до тех пор, пока его не накроет вода. Я буду плыть и плыть меж кричащих людей, потом один среди солнечных бликов и мягко опущусь в вязкую глубину моря, последним из тысячи двухсот погибших пассажиров и матросов злополучного рейса Нью-Йорк – Ливерпуль № 201.

11 января 2011 года в возрасте 95 лет умерла Одри Пил – одна из немногих чудом выживших пассажиров самого на тот момент быстрого в мире лайнера. Во время катастрофы ей исполнилось три месяца.

Зинаида Райх

Бывший машинист-железнодорожник Август Райх, по-русски его звали Николаем, был недоволен дочерью. Зина родила двоих детей, будучи замужем за Сергеем Есениным, теперь жила в Москве с великим режиссером Мейерхольдом. Отец знал, что и в этом браке тоже были размолвки со скандалами. Добропорядочный обрусевший немец твёрдо верил, что пролетарии всех стран должны соединяться, а в семье обя-

заны царить взаимопонимание и мир. Но Зинаида была особа с характером – красавица, великолепная актриса, звезда театра в это сложное время молчания и страхов так и не научилась скрывать своё мнение ни перед кем, включая Сталина и Ежова, не то, что перед мужем и отцом.

Зинаида Райх жила со вторым мужем в шикарной квартире в центре столицы на Брюсовом переулке. Детей она забрала к себе, супруг усыновил их, любил и баловал.

Однажды вечером, переговорив с женой, Николай позволил дочери:

– Зинушка, мы решили перебраться из Орла в Москву, к вам поближе. Мы с матерью стареем, а внуки растут без нас. Мы так привязались к Танечке и Косте, ведь пока ты училась после развода со своим нищеводом, мы поднимали внучат. Всеволод Эмильевич будет не против, как ты считаешь?

– Папа, ты, правда, находишь, что мое сходство с роковой Верой Холодной даёт мне много преимуществ?

– Как здоровье детей, Зина? Ты меня слышишь?

– Нормально всё. Приезжайте. Ну, а что Всеволод? Он всё устроит, как я скажу.

После страшной расправы НКВД над родной доченькой, исплаканный и измученный горем отец обратился к знаменитому артисту Москвину:

– Иван, помоги похоронить дочь. Скажи, почему, когда была жива моя красавица и зять ещё не сидел в застенках как японский шпион, у них всегда был полный дом гостей, а похоронить зверски убитую дочь не помогает никто. Ведь она ваша коллега, ваш друг.

– Общественность осуждает вашу семью. Правильно вас выселяют из квартиры и забирают имущество! – раздалось в ответ.

Недолго люди могли наблюдать высокого, статного мужчину на Ваганьковском кладбище на той могиле, что рядом с могилой Сергея Есенина. Потом сгинул и он.

— Ну, ты, Васька, давай, наливай! Чего телишься, как тёлка-первородка? — прошепелявил уже окончательно набравшийся Алексей.

Василий Сталин расстегнул верхние пуговицы кителя.

— Ты мне не тыкай, хреновый ты депутат Верховного Совета, орденоносец. Ты мне в подмётки не годишься, червяк земляной. Ста-ха-а-а-нов... Стаканов ты — вот кто. Не зря прозвали, вот и наливай — в стакан. — Василий зло засмеялся.

— Смотри, Васька, не гордись сильно, я ведь народ! Советский народ! Это понимать надо. А ты хоть и летчик, и генерал, и командующий военным округом, а ни хрена не понимаешь. — Шахтёр, который олицетворял, по его мнению, весь народ, презрительно ухмыльнулся.

— Это я не понимаю? Уж лучше тебя понимаю. Ты хоть и Герой труда — но ты деревня дремучая! Удар не держишь! От славы голова закружилась! — У Василия глаза налились злобой, а в уголках рта появились мелкие пузырьки.

— Да, я деревня! — горячо воскликнул уязвлённый шахтёр. — А ты папочкин сынок, ты ему пожалуйся, что тебя обижают.

— Отца не трожь!

Василий размахнулся и, резко выбросив руку вперёд, врезал кулаком в подбородок сидящему напротив собутыльнику. Тот покачнувшись на стуле, но удержался и треснул знаменитого сынка по носу. Выступила кровь. Оба вскочили и начали тужить друг друга куда ни попадя. Тела их сплелись, и они покатились по полу.

Официанты ресторана «Метрополь» боялись приближаться к знаменитой парочке. Вот гордость нации, осененный славой шахтёр, встал на корячки, пошатался на четырёх точках и приподнялся.

Дамочки с соседнего стола, визжа, теснились у стены. Алексей увидел на столике початую бутылку вина, выхватил её изо

льда и с размаха пустил в соперника. Василий пошатнулся, бутылка влетела в огромное зеркало, украшавшее стену.

– Ну, ты даёшь, Алёшка! Папашка ведь прибьёт за такое дело. Директор ресторана, хоть и лезет мне в товарищи, но доложит кому надо, у него не задержится.

– Прости, друг Вася, – отрезвел Алексей, глядя на осыпавшиеся блестящие в свете хрустальных люстр, осколки зеркала. Официанты со скорбными лицами стояли полукругом, опустив руки.

– Алёшка, нам бы протрезвиться... Под душ бы сейчас!

– Да ладно! Смотри – вон аквариум. Идём к нему, освежимся.

Обнявшись, два друга, шатаясь, подошли к аквариуму, где покачивали плавниками пестрые рыбки, и по очереди засунули туда свои беспутные головы.

Шахтёр предложил:

– Давай, поймаем рыбку на закуску! Мы с ребятами в детстве из речки на удочку ловили. И эта вкусная, наверное. Смотри, как они тут все встрепенулись!

Лётчик оттолкнул друга и сам, засунув руку до плеча, стал гонять мечущихся рыб по всему аквариуму. Волосы сосульками падали ему на глаза, тонкие струйки воды бежали по лицу и скатывались на китель. Так друзья ловили рыбок, пока не свалились от усталости на ковёр. Тут их забрала охрана, кремлёвский водитель «Победы» развёз их по домам.

Прошли весёлые времена этих друзей. Умер истинное воплощение зла, исчадие ада Сталин, на смену ему пришел «лояльный» Хрущёв. Оба героя нашего документального рассказа плохо закончили свою жизнь: Василий в сорок два года в ссылке, а Алексей позже – в психушке.

Остановись, читатель! Прикоснись к проникновенной поэзии Эльзы Ласкер-Шюллер, ощути щемящее чувство радости и одновременно печали по забытому прошлому, вкуси плоды изумительного дерева фантазии, отдай долг гражданина целой эпохе, в которой жила и творила прекрасная поэтесса и художница Эльза. Отрешенная от страшного мира Первой и Второй мировой, она все же неяркими лучами освещала его в своей выдуманной стране принцев и апостолов. Удивительная, странная, до конца непонятая волшебная её натура пленяла ровесников и пленяет потомков.

Я спросила её: «Как удаётся тебе писать такие восхитительные строки?» И она ответила: «Я вытряхиваю мои стихи из рукава и осыпаю ими землю с небес».

Когда я наклонилась к земле, чтобы подобрать хоть несколько её строчек, они наполнили мою душу радостью.

Острый ум и мудрый взгляд не избавили Эльзу от неумения жить: многие годы она оставалась бездомной, не понимала значимости денег, была неприкаянной в быту.

Такую плату взял с неё Талант.

Прошлый век. Начало девяностых.

Он нашел её по объявлению в газете «Земляки»: «Немец. Ищу сопровождающего в Россию. Посещу могилу деда возле Перми. Языком не владею. Заплачу достойно».

Она – ностальгирующая русачка – клюнула.

Ехали двое суток с приключениями на границах и на дорогах. Под Воронежем пришёл пипец: мерс остановили бравые ребята с автоматами:

– Давайте 150 евро!

Они не дали. Пошла бешеная погоня.

– Только не бросай меня тут! Женюсь! Денег море!! Люблю!!!
Повезло: она смогла договориться с гаишниками. Охраняли до границы за 150 евро.

В Дюссельдорфе помахал ручкой на прощанье и уехал навсегда.

* * *

Чечня. Январь 1995 года. Наш танк ползёт по проспекту Ленина. На тротуаре трупы, некоторые солдаты оскальпированы. Сбоку на мгновение тень.

– Ваш грёбанный шайтан!

Башня БМП загорелась. Вылезаем, попадаем под пули. Мёртвый, я падаю на асфальт рядом с земляком.

* * *

28 сентября 2019. Фойе Пауль-Людвиг-Хауса.

Мать невесты вышла вдохнуть свежего воздуха. Огромный зал за спиной дружно скандировал: «Горка, горка, горка!» – русская немка выходила замуж за корейца. Мать огляделась. От еды, расставленной на столах вдоль стен, шел сложный крепкий запах. Слева широкая барная стойка скрывала бочки с пивом, ящики с вином и напитками. Бармены улыбались. У входа сидели пожарные и врач. Пусто и тихо. Вдруг застучали каблучки, и милая узкоглазая девушка спросила:

– Что вы делаете тут в Германии, русские? Как вы сюда попали?

Мать:

– Мы швабы. В этой земле лежат кости моих предков. А что делаете здесь вы?

Психотерапевт

Скрысиными глазками, тощая как вобла, в красном сарафане психотерапевт рассказывала русачке:

– Хочу остаться в Германии. Ищу богатого, умного из Интернета. Приехала на две недели.

Русачка:

– Я тут 25 лет и всё холостая. Где возьмёшь суженого?

Крыса:

– Найду!

После нескольких встреч с бюргерами выводит крыса под очи русачки красавца в Армани. Кольца блестят на солнце.

– Тогда найди и мне, – взбрыкнула русачка.

– А! Что ты в идиотах понимаешь? Сиди уж! – окрысилась психотерапевт.

В мире животных

Включаю сегодня телевизор. Идёт какая-то передача типа «В мире животных». Показывают бурого медведя в лесу среди семьи: братишки, сестрёнки и огромная мама-медведица. Мишка этот косит на меня одним глазом, рот его движется – мишка причавкивает. Диктор объясняет, что медведь этот искусственный, что это робот, повторяющий жесты его образа, а в глазу у него видеокамера. Так наблюдают фауну в настоящее время. Вот мишка катится с горы вместе с братишками и падает в ручей. Он отряхивается и вылезает на бережок, глаз его немного косит, он наблюдает за поведением семьи медведей и передаёт информацию биологам. А я наблюдаю за мишкой и с печалью констатирую, что отстала от жизни, старею, не иду в ногу со временем. Прогресс уже вон где, а я тут вот сижу и удивляюсь работе специалистов по новым технологиям. Для меня это странно, а для внучат – обыденность.

Между тем, передача идёт дальше: на экране белочка. Она прыгает вместе с подружками-белками и косит на меня одним глазом. А вот и бобёр. Семья бобров валит кустарник и тащит его себе на запруду. Чужака они не кусают, потому что он не пахнет бобром, значит, не опасен. Вот летит орёл. Он не взмахивает крыльями, но головой крутит и приземляется рядом с другими орлами. Похожесть почти полная, но движения несколько угловаты. Вот северные олени. Летит снег, в стаде животных один косит на меня. Робот. Меняется картинка на экране. Лето, жара. В стайке обезьян одна не ест бананы, но прислушивается и приглядывается к сородичам, косит глазом. Опять игрушка. На берегу тюлени лениво возлежат под неярким солнцем. Ну вы поняли уже – один-то наш.

Передача заканчивается. Теперь идёт информационное шоу. Политическую тусовку хочу тоже посмотреть, чтобы быть в курсе разных мнений о событиях в мире. Ведущий с явной харизмой, передача интересует меня. Приглядываюсь к гостям: один из них косит глазом в мою сторону. Ох, и здесь что ли казачок засланный?!

Берегитесь себя!

Раннее утро. Просыпаюсь, выхожу на кухню попить воды. Яркое солнце заливает пространство. Давно не было такого света: июль, а уже почти три недели четырнадцать градусов тепла по утрам и хмурь. А мне особенно и не надо было другой погоды: упала, лежала, болела – время утекало бесконтрольно. Из Челябинска звонили, с Родины, там давно тридцать пять жары.купаются в озерах, загорают, как на пляжах южных морей.

Муха жужжит на стекле. Я её выпущу – пусть летит, крыльями машет, жизни радуется. Я сейчас тоже бы в синее небо полетела: после долгих дней, полных страдания и боли, когда, как бочонок с гвоздями на голове, – вдруг отпустило. Вот уж поистине «всё течёт, всё изменяется». Включила кофеварку, оторвала листок календаря, открылось красное число. Воскресенье – божий день.

Благодарю, Господь, за то, что снова даёшь выздоровление, не устаёшь поддерживать и утешать меня, грешницу. Вот ведь какого рожна я полезла наверх поправлять штору, так неосторожно оступилась, и теперь я дрова дровами. Никто ведь не пришел, не стукнул, сама себе сделала! Дети приедут и поправят, так нет – самой надо лезть! Вздыхаю с глубоким сожалением.

Открываю окно:

– Добрые люди! Пусть этот день будет для вас радостным и продуктивным! Берегитесь себя!

21.01.2020 Орлингхаузен. Группа Саша Рифера.

Сидим на семинаре в гостинице «Вилла Вельшен». Тема: отлучия осси от весси после почти тридцатилетия объединения Германии. Дискуссии горячие – у каждого человека свой опыт жизни, своё мнение. В широкие окна зала задумчиво смотрят погибающие пихты и brave буки.

В перерыве все выходят в холл, усаживаются в кресла, на диван, кто-то просто стоит на ковре, насиделся ведь на занятиях, некоторые идут в маленькую уютную кухню выпить сок или чашку чая. И я туда.

Восемь женщин расположились вокруг стола, выложили на тарелочки печенье, конфеты. Пьют чай, шутят, смеются, предлагают мне сладости. Посреди пёстрых леденцов лежит одна большая, толстая, шоколадная конфета. Мне хочется её взять... Но она ведь одна, а нас много. Я в смущении: взять, не взять?

Громко спрашиваю:

– Кому из вас хочется похудеть?

Все дружно:

– Мне!

Я радостно:

– Тогда я скушаю вашу шоколадную конфету!

В кухне взрыв хохота – мне ведь тоже не мешало бы похудеть.

Татьяна ЦВЛЕВА

Эссен

* * *

Спят этажи, безмолвствуют ключи.
Склонилась ночь над городом и домом.
Окно – утомлено дневным содомом –
Мерцает маяком в густой ночи.

Кто там живёт? – А там живёт поэт.
Он ходит днём по острой грани бритвы,
А по ночам вершит свои молитвы...
Пока он жив, в ночи пребудет свет.

* * *

Когда смотрю во тьму – черна и глубока,
В ней сонмы ярких звёзд, и нет конца им!
И среди них одна – светла и далека,
Так далека, что лишь едва мерцает...
В раздоре голосов земного бытия
Где хрупко всё, как тонкий абрис блюдца,
Мне слышен тайный глас:
– Тянись! Звезда – твоя!
И рядом с ним другой: – Не дотянуться!..

Август, 2021 – Париж

О нём

Приходил – желанный и неверный,
Так драгун являлся на постой...
По чужим разменивал тавернам
Мой подарок – крестик золотой.

Сердце девы билось – не разбилось,
В пекле закалилось, стало – сталь.
Знать, недолговечна божья милость:
Был – отрадой, а печалью – стал.
Но зачем печаль так непомерна?
И зачем сомненьями томлюсь?
Всё о нём – желанном и неверном –
Плачу и печалюсь, и молюсь.

Зимние сны парижских горгулий

Юре Радзиковицкому – в благодарность за его новую книгу, на обложке которой притаилась горгулья...

Притихшие, – и в радости, и в горе, –
Кляня под маской бедственный удел,
Сидим, как те горгульи на соборе,
Который ярким пламенем горел...
Ах, нынче всё горит, дотла сгорая,
Чернеет смог над чёртовой трубой...
Да то ли ещё будет! – Двери рая,
В который верили, захлопнут пред тобой.
– Дела – труба! – воскликнешь ты невольно. –
Господь отрёкся... Вот и все дела.
...И только юный ангел сердобольный,
Спасая нас, раскинул два крыла.

Колокола

Друзья звонят – звонят и говорят:
«Сбываются библейские пророчества!».
Грозит война. Горят леса. Моря горят.
Весь белый свет в плену у одиночества.

Злодей, безбожный вирус, тать и вор
готовит свету светопреставление,
на мир он напускает страх и мор,
пророчит человекоистребление.
В неутлой лодке лодочник стоит
с веслом... – Какая сила принесла его?!
Ковид-один. И два... И три-ковид...
Тяжёл и страшен грозный взмах весла его.
Мне говорят друзья: «Опять Харон
Совсем уж близко к берегу швартуется...
Седой Харон – предвестник похорон.
Летальны стали сны. Пустынны улицы».
В ответ я ничего не говорю.
Кого утешат речи безутешные?
Я жду зарю – вечернюю зарю
и слышу звон... – Колокола нездешние.

* * *

Сколько пройдено – много ли, мало?..
След засыпан прогорклой золой. –
Знать, звезда кочевая устала
Между небом гореть и землёй.
Впереди плещет сумрак безбрежный,
Не пробьется в нём луч маяка. –
Но – чем сумрачней – тем безмятежней
Сны, что видятся издалека.
И всё явственней голос нездешний,
Тихий, словно камыш у пруда,
Вопрошающий: «Камо грядеши?» –
Ах, да если б мы знали, куда!

* * *

Синева, как синема,
На широком небосводе:
То тоской сведёт с ума,
То с ума надеждой сводит.

Что – за синью? Угадай!
В благодать и в утешенье
Там сияет светлый рай?
Или ждёт надежд крушение?

Стайки зыбких облаков
Рвёт и мечет дерзкий ветер:
Налетел – и был таков! –
За сюжеты не в ответе.

И прочесть нам не дано
Ни в рекламе, ни в буклете,
Чем закончится кино
Через тысячу столетий...

Vana Tallinn. Воспоминание

Под Рождество – по Vana Таллинну
Одна гуляю. – Снег лежит.
А надо мной, как над проталиной,
Седая птица ворожит.
Ах, чайка! Белое Высочество!
Тебе под стать морской простор.
И мне, бескрылой птице, хочется
Парить среди твоих сестёр...
Весь век свободная и смелая,
Лишь дерзкий ветер за спиной,
Мне будешь сниться – птица белая
Над (При)балтийскою волной.

22.12.21. Tallinn-Essen

Золотой гребешок

Для чего нужен мне золотой гребешок?
Отчего непослушна упрямая прядь?
И при чём здесь родившийся в полночь стишок?
И зачем – в ожиданье – открыта тетрадь?
Для того нужен мне золотой гребешок,
Чтоб со лба зачесать своевольную прядь, –
Так сподручней мне будет полночный стишок
Вдохновенно в тетрадный листок пеленать.

Елена ХАНЕН
Хайнсберг

КАК ЗОЛОТА И ЖЕМЧУТА ЛОВЕЦ¹

6 ноября, воскресенье

Эти записи я веду для самого себя, чтобы разобраться в произошедшем. Влип я в историю и, пока, как говорят юристы, в здравом уме и какой-то там памяти, пробую всё записать.

Меня зовут Гийом Бонне, мне тридцать два года, и последние восемь лет я живу в Париже. Я – художник, вернее, считаю себя таковым, хотя никаких дипломов у меня нет. Ничего больше в этой жизни я делать не умею, только рисовать, чем и зарабатываю себе на жизнь. И вечно сижу по уши в долгах.

Итак... Это началось в четверг, три дня тому назад. Я стоял на Пляс дю Тертр и пытался продать картины – сегодня их было шесть. Всё ещё шесть – за неделю я не продал ни одной. Холод был собачий, туристов мало. Конечно, в такую мерзкую погоду куда лучше бродить по Лувру или сидеть за чашкой горячего шоколада в кафе. Одни лишь жизнерадостные китайцы иногда появлялись на площади. Они всегда ходят группами, смеются и фотографируют всё подряд, но ничего не покупают. Точнее, у меня не покупают – им дорого.

В нескольких шагах расположилась вечно что-то жующая Бабетт. На её раскладном прилавке лежит штук сорок картинок – она малюет их быстро, как блины печёт. Уже много лет подряд – маленькие примитивные картинки: Эйфелева башня, наклонённая, как её знаменитая коллега из Италии. Туристы покупают эту халтуру и радуются, что за несколько евро получили картину на Монмартре.

¹ Автор выражает благодарность Тарасу Рудеву за участие и советы при работе над этим рассказом.

Мимо проковылял сгорбленный старичок, похожий на моего учителя литературы месье Барту. Он любил стихи и часто задавал нам учить наизусть. Я в детстве стихи терпеть не мог и запоминал их с трудом. Странно, многие помнились до сих пор, и иногда кто-то, сидящий внутри меня, начинал мне их наговаривать.

В тот день я мало говорил – было попросту не с кем, разве что с Бабетт перекинулся парой слов. Лицо занемело от холода, и было так тоскливо стоять одному. Вдруг снова в голове зазвучали стихи, что нам задавал месье Барту, и я начал вполголоса декламировать:

*Швырялся льдинками холодный ветер с неба.
Как золота иль жемчуга ловец,
Желаньем пить объят я разве не был?..¹*

И тут кто-то спросил:

– Артюр Рембо?

Я не видел, как он подошёл, и даже вздрогнул от неожиданности.

– Да, он самый. Вам нравятся его стихи? – ответил я, пытаясь завязать разговор с незнакомцем на всякий случай – а вдруг он купит у меня картину? Хотя молодые люди – а ему на вид было не больше тридцати – редко раскошеляются на мои творения.

– Он был талантливый поэт, – сухо ответил незнакомец. – Зачастую странный.

– Талантливые люди часто бывают странными, – кивнул я.

Парень говорил по-французски, но с акцентом, казалось – немецким. Да и внешне он был похож на немца – прямой, высоколобый, светловолосый, с тяжеловатым подбородком. Черты лица – из примитивных линий. Взгляд прозрачных светлых глаз – серьёзный, даже колючий.

¹ Перевод М.П. Кудинова.

– Вот, например, эти строки, как вы их понимаете? – спросил незнакомец и с серьёзной миной продекламировал:

*Как экскременты голубятни на меня
Мечты горячие нисходят, душу грея...¹*

В этот момент я вспомнил: этот тип уже приходил пару недель назад, когда в Париже ещё держались погожие солнечные дни и на площади было много народа. Тогда он долго смотрел на мои картины, но ничего не спросил и ушёл. Вот и сейчас, разговаривая со мной, немец рассматривал один из портретов. Что-то мне подсказывало – он хочет его купить. Я сразу оживился, начал быстро говорить что-то вроде:

– Это что, тоже Рембо сочинил? Никогда не слышал! Ха-ха, как забавно – экскременты голубятни! Надо же, месье так хорошо знает французскую поэзию! А вы ведь приходили сюда недавно? Тогда вы долго смотрели вот на эту картину! У вас отменный вкус!

Немец еле заметно поморщился – наверное, ему не понравился мой словесный водопад и что я сразу перевёл разговор с поэзии на живопись. Но я продолжал:

– Вы узнали, кто здесь изображён?

– Конечно, узнал, – спокойно ответил немец, – это Марсель Марсо, великий мим... – И назвал несколько фактов и цифр – прямо ходячая Википедия.

Даже не знал, что Марсо еврей и родился в Страсбурге, мне всегда хватало определения «великий».

– Сколько хотите за картину?

– О, месье, не хочу хвастаться, но это лучшее, что я нарисовал за последнее время... – ответил я, и это была правда.

– Назовите цену.

Я подумал – рискну, начну с высокой цены и выпалил:

– Три тысячи евро, месье... она уникальна!

¹ Перевод М.П. Кудинова.

Немец молча смотрел на портрет. Казалось, что Марсель Марсо отвечает ему исполненным печалью и мудростью взглядом. Без сомнения, это лучшая моя картина.

Я уж было приготовился снижать цену – ведь за этот портрет мне не давали даже трёхсот евро, но немец вдруг сказал:

– Хорошо, я бы мог купить этот портрет. За три тысячи. Но только у меня есть одно условие.

Я так удивился, что даже замолчал, а он почти приказным тоном велел сложить все картины и проехать к нему в отель – обсудить условие.

Ого-го-го, ну и шикарная у него машина! Когда я пролез в бежевое нутро иссиня-чёрного Мерседеса, мне стало не по себе – чувствовал себя вороной, которая залетела в королевский дворец.

Немец вёл машину не спеша, наверное, боялся поцарапать своё чудо. Я видел его холодные прозрачные глаза в зеркале, и гадостное предчувствие постепенно заползало в душу, даже живот занял от страха.

Мы вошли в тёмный из-за полузадёрнутых багровых гардин номер отеля. В кресле сидела невзрачная молодая женщина – простая стрижка, никакой косметики на носатеньком личике.

– Я не представился, извините, – сказал немец. – Меня зовут Норберт, я из Берлина. А это – Гудрун, моя жена. Она хорошо говорит по-французски.

Когда я увидел его жену, мои страхи почему-то улетучились. Театрально поклонившись, назвал своё имя и добавил: художник.

– Художник и, я считаю, талантливый, – сказал Норберт. – Гудрун, ты должна посмотреть на его картины. Может быть, одну стоит купить.

Я вынул из сумки-чехла картины и пристроил у стены, бормоча «вуаля, медам, месье». Портрет Марселя Марсо поставил в центре.

– Хочешь сравнить? – спросила Гудрун мужа.

Норберт вышел в соседнюю комнату и сразу вернулся – в руках у него была картина, которую он поставил рядом с портретом Марсо. Я ахнул! Это был ещё один портрет Марсо – в точности такой же... Лишь краски не успели заветриться и блестели чуть ярче.

– Откуда это у вас? Клянусь, я нарисовал этот портрет один единственный раз! Я не делаю копий! Поэтому и прошу дорого! – воскликнул я.

– Это я нарисовал копию с вашей картины, – спокойно ответил Норберт. – Помните, я приходил недавно, точнее – двенадцать дней назад. Тогда я незаметно сфотографировал портрет, а дома нарисовал. Присмотритесь, ведь ваша картина всё равно другая.

Я подошёл ближе – два одинаковых Марсея Марсо взирали с полотен, даже нечаянный мазок на фоне, сделанный мною по ошибке и не затёртый, был непонятно для чего скопирован. Но чем дольше я смотрел на полотна, тем радостнее становилось на сердце – Норберту портрет не удался, хотя он и очень старался. Едва уловимые отличия, но... его картина была... как бы поточнее сказать... была не живой... Мы встретились глазами с моим Марсо, и, казалось, великий мим лукаво улыбнулся...

Тут вдруг заговорила Гудрун:

– Ох, дорогой, ты прекрасно рисуешь – посмотри сам, ведь твой портрет в точности такой же! Я не понимаю, что тебе ещё надо!

Норберт довольно грубо сказал ей что-то по-немецки – я не понял, может «заткнись», потому что она сразу замолчала. Мне стало неловко за неё.

– У вас есть художественное образование? – спросил Норберт.

Для меня это болезненный вопрос. Вообще-то я нигде не учился рисовать – так, нахватался кое-каких приёмов у друзей, подсмотрел, поэкспериментировал. Так я ему и ответил.

– Я много лет учился в художественной школе. Работал по десять часов в день. Вы не учились, а рисуете лучше меня. Вот

он, пресловутый талант, – сказал Норберт, ткнув указательным пальцем в мои картины.

Конечно, мне было лестно, хотя яд так и сочился из его слов. Он меня совсем сбил с толку этой копией, но я всё равно помнил – мы собирались обсудить какое-то условие, и тогда он купит картину. За три тысячи! И я вежливо напомнил Норберту про это. Он посмотрел на меня, словно только сейчас вспомнил, что я тут, и сказал:

– А ведь вам талант и не нужен. Вы рисуете, картины на продажу, так? Но в большинстве своём люди невежественны, они не могут оценить ваш дар. И вы рисуете только ради денег. Хотя, конечно, вы не опускаетесь до совсем уж низкого уровня, как та дама, малюющая кривые Эйфелевы башни.

– Это вы про Бабетт? – спросил я.

– Не знаю, как её зовут и знать не хочу, – раздражённо ответил Норберт. – Но она права – если уж «творить» на продажу, то надо уметь угадывать потребности и не нести много затрат.

Я не понимал, к чему он клонит.

– Считаю, что это будет оптимальное решение, – обратился он к жене и, крутанувшись на каблуках, резко, без паузы – мне:

– Я предлагаю вам продать свой талант!

Мне стало не по себе. Не зря предчувствовал. Маньяк какой-то... Или меня разыгрывают?

Норберт не знал куда деть руки, поглаживал костяшки пальцев, нервно стучал ими в ладонь, меряя комнату широкими шагами. Наконец остановился на минуту, вероятно, подбирая и систематизируя аргументы:

– Творчество и духовность связаны между собой...

– Вы не бойтесь, – встряла в разговор Гудрун. – Всё будет проделано специалистами с применением передовых технологий. Профессор Витциг владеет методом трансформации мозга. Для этого ему нужна «матрица», то есть талантливый человек, чтобы скопировать участки коры его мозга и перенести в мозг Норберта. К сожалению, матрица, то есть в данном случае ваш мозг, может скорее всего после воздействия

несколько измениться, что поведёт к утрате художественного таланта. Но взамен вы получите те способности, которыми не обладали раньше – то есть способности Норберта.

Я разозлился, вскочил и стал складывать картины в сумку. Продать мой талант! Да что они такое говорят, чёрт побери?!

– Сесть! – рявкнул Норберт. – Дослушайте сначала! Если дадите согласие, вас подробно проконсультируют о ходе эксперимента. Всё пройдёт официально. Клиника – лучшая в Швейцарии. Профессор Витциг проведёт ряд анализов, и даст подтверждение совместимости... Я не разбираюсь в медицинских тонкостях, тем не менее, юридическую сторону можем освидетельствовать хоть сейчас. Мы оформим любые бумаги, страховые, гарантийные обязательства, расходы на реабилитационный период мы так же погасим.

– Мы вам заплатим, – срывающимся голосом произнесла Гудрун.

– И в придачу всунете кусок бездарных мозгов? – возмутился я. – Нет уж, извольте! А если я идиотом стану?

То ли от злости, то ли от багровой гардины, возле которой он стоял, лицо Норберта покраснело. Не глядя на меня, он произнёс:

– Да он и сейчас идиот, раз отказывается от миллиона евро! У меня пропал дар речи.

Вероятно, я слишком откровенно смотрел на Норберта, как на душевнобольного, потому что он вспылil:

– Я предлагаю вам миллион! – сказал немец. Потом он резко развернулся и вышел из номера, хлопнув дверью...

7 ноября, понедельник

Так вчера разволновался, что не смог дописать историю до конца. Весь вечер просидел в кафе – там оказалось несколько моих друзей. Мы славно посидели, выпили. Я всё же устоял и никому не рассказал о странном знакомстве. А потом остаток

вечера размышлял над тем, что каждый из нас совершенен, и по-своему неполноценен. Раньше об этом особо не задумывался, но после того, как Норберт вспылил и, хлопнув дверью, покинул номер, состоялся разговор между мной и Гудрун. Она сникла и казалась такой беззащитной и затравленной, что я отложил картины и вернулся в кресло. Я понимал эту женщину как никто другой: меня тоже некому было выслушать.

Сказать по правде, я хотел бы помочь, тем более за такие деньги... Да и дело не только в них.

Я покосился на картины. Они не изменятся, это точно, но могу измениться я и, судя по всему, кардинально.

В конце концов, что я теряю? Серый быт, голодные ночи, полные терзаний и тоски? Никто не мог гарантировать, что я переживу эту зиму в тепле и сытости. Последние месяцы продажи шли из рук вон плохо.

Наблюдая за мной и видя душевные колебания, Гудрун сказала, словно прочитав мои мысли:

– Взаимовыгодный обмен для вас... это шанс и для меня вернуть прежнего Норберта. Он не всегда был таким, – с мольбой произнесла она.

– А если эксперимент не получится? – спросил я.

Гудрун в ответ лишь горько улыбнулась.

Что ж, Норберту уже повезло, если с ним рядом такая преданная женщина...

Итак, завтра уезжаю с Норбертом и Гудрун в Швейцарию.

Как бы там ни было, скоро мой талант переберётся в учёные мозги Норберта, чтобы он стал не только образованным, но и талантливым. Взамен получу какую-то разумную долю мозга Норберта. На кой она мне нужна?

Портрет Марсея Марсо я тоже решил отдать, вернее, продать вместе... о, Господи... вместе с моим талантом. За миллион.

1 марта, среда

Уф, перечитал сейчас свои записи, которые делал до операции, и отлегло от сердца. Я ведь боялся, что меня эта авантюра может даже памяти лишить. А ничего не произошло – здоровый и бодрый, даже растолстел чуток – в клинике кормили отменно.

Неделю назад Норберт приглашал меня на свою выставку. Вот продуктивный, дьявол! Похоже, он в последние три месяца не ел и не спал, а только писал картины. Журналистов понабежало! Хотя, может, это он сам и подсуетился, чтобы в прессе про него побольше написали. Видел я отзывы – один другого лучше. Честно говоря, читать про его картины, что они гениальные и всё такое, мне больно... Сами понимаете. Это ведь они меня сейчас хвалят, а кто об этом знает?

Занимаюсь устройством своего быта. Домик в пригороде Парижа купил, машину – конечно, не такой шикарный мерседес, как у Норберта, но вполне ничего. Остаток денег вложил в одно дело и даже получил прибыль. Это, наверное, норбертовский талант ко мне перекочевал – раньше у меня деньги только тратились, а теперь – доход приносят.

Все краски и прочие причиндалы подарил Бабетт. Она никак не может понять, отчего я перестал рисовать. Я ей сказал – портрет Марсея Марсо был пиком моего творчества, я понял это и поставил точку. Так оно и есть, в сущности. Кстати, мы с Бабетт в последнее время часто встречаемся. Как-то разговаривались о картинах Норберта, а она говорит – если столько же денег на пиар ухнуть, то и её кривые Эйфелевы башни за шедевры сойдут.

Может, Бабетт и права, но я ей об этом не сказал. Я в последнее время вообще стал очень молчаливым. Жаль болтовней заглушать голос внутри меня, который нашёптывает...

Поначалу думал – это вспоминаются те строки, что месье Барту нам задавал.

А однажды понял – это мои стихи.

Эпилог

«А однажды понял – это мои стихи...» – произнёс профессор Витциг и положил исписанные размашистым почерком листы на письменный стол.

– Да, Гудрун, занятные записки оставил этот Гийом. Я подозревал, что у него произойдёт некоторая, скажем так, компенсация утраченных способностей к живописи. И не ошибся. Художник стал поэтом. Читали его сборник?

– Конечно, – ответила Гудрун.

Они сидели в кабинете профессора возле разожжённого камина и пили кофе. Профессор Витциг отметил, что Гудрун похорошела. Прошёл почти год с того времени, как Гиойм, Норберт и его преданная супруга покинули швейцарскую клинику. И теперь в канун Рождества Гудрун приехала, чтобы передать подарки и привезла записки Гиойма.

– Я по мере сил слежу за судьбой моих пациентов, и слышал, что у Норберта неприятности, – сказал профессор. – Судится с каким-то журналистом.

– Да, – вздохнула Гудрун. – Этот журналист написал, что от картин Норберта начинает болеть голова – до того всё заумно и перегружено смыслами... Вот Норберт и подал на него в суд за оскорбление.

– И что, выиграл процесс? – поинтересовался профессор.

– Понятия не имею... – Гудрун лукаво улыбнулась и, помедлив, произнесла: – Это пока секрет, но вам скажу... я скоро поменяю имя...

– О! Неужели?.. Мадам Бонне? Мадам Бонне! Гудрун Бонне! – затараторил профессор, кивая и радостно смеясь...

Татьяна ЛЕШКЕВИЧ

Иркутск

Живёт в Иркутске, работает переводчиком в Институте земной коры Сибирского отделения РАН. Занимается поэтическим переводом, пишет стихи, очерки, эссе, рецензии. Публикуется в местных, региональных, центральных и зарубежных периодических изданиях и коллективных сборниках. Участник ежегодного Международного фестиваля поэзии на Байкале. Финалист конкурса «Эмигрантская лира» 2019-2021 в номинациях «Свеча толмача» (переводы) и «Не оставленная страна» (поэзия). Участник Форума писателей в рамках Международного творческого фестиваля «Визит к Музам»-2019 (Крит, Греция). Участник литературного проекта Lockdown Legacy-2020 (Великобритания).

Кумир

«Не сотвори себе кумира», –
Ещё когда сказала лира.
Но не вняла совету младость
Не находить в кумирстве радость.

И я в какие-то года
Была банальна молода,
Скромна, наивно-романтична,
Восторженна, не прагматична.
И, разумеется, кумир
Мне заслонил собою мир:
Умён чертовски, остроумен,
Неробок, дерзок, вольнодумен,
В известном смысле неприступен,
А так довольно дружелюбен.
Харизматичен, как никто,
Короче, личность на все сто.

Закончив отпускной сезон,
Уехал восвояси он.
А я – в другую сторонú,
Как в давней песне про войну.

А дальше – дом, дела, работа,
И о родителях забота.
Шли годы, и менялся мир,
Но жив был в памяти кумир.
Как оказалось, неспроста:
Мне выпал шанс один из ста,
Один из тех, что правят миром –
Ещё раз встретиться с кумиром.

И я с ним встретилась опять...
Что я могу теперь сказать?
Не стар. По-прежнему не глуп.
Неискренен. Похоже, скуп:
В кафе, где были мы с кумиром,
Всё ограничилось пломбиром...
Слегка неловок, чуть смущён.
Какой досадный моветон!

Ну что ж, подведена черта:
Кумир всё тот же. Я не та.

* * *

Сад красив, уютен дом
В дальнем уголке Европы.
Неисповедимы тропы,
По которым мы идём.

Краток миг, но долог путь.
С глаз долой, но не из сердца.
Манит потайная дверца,
Так и тянет заглянуть.

Скрип калитки, стук в окно.
Чем-то сад необычаен...
Где же, наконец, хозяин?
А в ответ: «Так он давно
Отбыл на ладье Харона.
Нет, не передал поклона
Бывший милый твой. Оно
Жаль, конечно, что могилы
Твой навек ушедший милый
Не обрёл. Не суждено.
Был другой обряд содеян –
Прах разлучницей развеян
Пригоршнями, как зерно.

Милого ищи теперь
В глубине густого сада...
Девушка! Не плачь, не надо.
Не вернёшь его, поверь.

Не вернётся ничего:
Ни любовный штиль, ни шторм, ни...
Не срывай цветов. И помни:
Розы – страсть была его.
Попрощайся с ними взглядом.
Милый всё поймёт. Он рядом.
Ладно, девушка, всего».

Раз «всего», то посему
Через потайную дверцу
Выхожу с тяжёлым сердцем.
Или с лёгким? Не пойму.

Дни на радости скупы.
На цветах роса, как слёзы.
Разлучившей вышли розы,
Мне же выпали шипы.

Алексей КУРАЛЕХ

Донецк

«СНЫ ПЕНЕЛОПЫ» НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ

Предисловие

Пьесу «СНЫ ПЕНЕЛОПЫ» Алексея Куралеха мы готовили для литературной читки в нашем Вупперлиткафе. (Вролях: Пенелопа – Диана Штурм, Одиссей – Евгений Хурин, чтение ремарок и озвучивание голосов – Елена Ханен и Владимир Авцен, музыка – композитор Софья Шнитко.) Состоялось несколько репетиций, но, увы, ковид внес коррективы в нашу затею. Резко сократились, а потом и вовсе прекратились наши посиделки в Вупперлиткафе, стало сложно лишний раз собираться на репетиции. И мы отложили наши планы до лучших времён. Но желание поделиться этой пьесой если не со зрителем, то хотя бы с читателем осталось...

Перед вами сокращённый, журнальный вариант, на мой взгляд, одной из лучших работ автора. Солидарна со мной и критик Нина Дунаева: «Алексей Куралех однозначно входит в мой личный список авторов, за чьим творчеством необходимо и интересно следить. «Сны Пенелопы» – это вольная фантазия на тему возвращения Одиссея на Итаку. (...) Герои мифа используются лишь как оболочка, фантик для проигрывания автором истории вневременной – о мужчине и женщине. О вариативности жизни и нашего в ней поведения. О том, что можно или уже нельзя изменить. (...) «Одиссей. Ты боялась, что мы не встретимся? Пенелопа: Я боялась, что мы не узнаем друг друга. Теперь всё меняется так быстро: люди, их чувства, мир вокруг». Вот о чем, собственно, пьеса. (...) Живой материал. Отличные диалоги. Идея, структура... (...) Я полагаю, что подобные пьесы в небездарной постановке – золото для любого камерного регионального театра. (...) Если справятся, женщины в зале будут вытирать слезы».

Впрочем, не только женщины... Но об этом – в послесловии.

В.А.

СНЫ ПЕНЕЛОПЫ (журнальный вариант)

*Ветер от стен Илиона привёл нас ко граду киконув,
Исмару: град мы разрушили, жителей всех истребили.
Жён сохранивши и всяких сокровищ награвивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой
участок...*

«Одиссея», песнь девятая, пер. Жуковского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пенелопа

Одиссей

Комната во дворце Одиссея. Стены расписаны фресками. На видном месте – фреска воина. На стене – театральные греческие маски, мужские и женские. Из мебели – ложе, скамьи, сундуки, стол. Рядом с ложем – прялка и корзина с пряжей. На столе – две амфоры, с вином и с водой, чаши. На заднем плане – дверь.

Сцена первая

Сумерки. Пенелопа в тёмной одежде дремлет на ложе. В комнате – лёгкий беспорядок. В отдалении слышатся звуки свирели, шум волн, крики лебедей. Светлеет. Внезапно раздаётся резкий стук в дверь. Пенелопа просыпается, поспешно идёт к двери открывать, но не успевает. В дверь бьют ногой. От могучего удара она слетает с петель и падает. Входит Одиссей в военной форме, с мечом на поясе.

Одиссей (спокойно). Здравствуй, Пенелопа.

Пенелопа (взволнованно). Здравствуй, Одиссей.

Делает несколько шагов навстречу, раскрывает руки для объятий. Одиссей не замечает этого: проходит мимо, садится на скамью, закидывает ногу за ногу.

Одиссей. За двадцать лет климат Итаки ничуть не изменился – такой же паршивый, как прежде. Только светило солнце – и уже дождь как из ведра. Ночью дул Эвр, утром – Зефир, сейчас – Борей... В этом вся Итака: забытая Зевсом дыра, где даже на погоду ни на минуту нельзя положиться – сплошной обман!

Пенелопа. Когда ты вернулся?

Одиссей. Корабль вошёл в бухту рано утром. Дозорный на маяке увидел нас издалека. Вся Итака высыпала на берег. Нас встречали как героев: играли флейты, били тимпаны, женщины надели свои лучшие туники и украшения... Ты всё проспала.

Пенелопа. Ты не предупредил о своём возвращении.

Одиссей (*с насмешкой*). Не хотел обрадовать тебя раньше времени.

Пенелопа. Вы уже виделись с Телемахом?

Одиссей. Конечно.

Пенелопа. Как вы узнали друг друга?

Одиссей. Легко. На берегу, в стороне от толпы стояли два юноши. Один из них как две капли воды был похож на меня. Он бросился мне на шею и заплакал. Его друг, красивый, как Аполлон, смутился, покраснел, словно девушка, и признался, что его зовут Антиной. Он попросил...

Пенелопа (*поспешно*). У нас тут без тебя многое переменилось. Мы выстроили храм Геры из отборного дуба, вымостили дороги известняком. Ты уже успел это увидеть? Во дворце – новые фрески...

Одиссей. В Афинах давно строят храмы из мрамора, в Коринфе делают дороги из каменных плит, а фресками сейчас никого не удивишь.

Наливает из амфоры в чашу вино, разбавляет его водой.

Одиссей. Скажи, Пенелопа, отчего прошлое всегда кажется лучше, чем оно есть на самом деле? На чужбине вспоминаешь тихие лагуны, полные голубой воды, ночи, пахнущие морем и лавром, а, приехав, находишь только гнилой причал да дохлую рыбу у пирса.

(Пересказ отрывка. Одиссей рассказывает Пенелопе о победе над троянцами и о гибели Агамемнона от руки неверной Клитемнестры после десяти лет разлуки...)

Одиссей. Его не было всего десять лет, Пенелопа! Паршивых десять лет!!

Пенелопа. Тебя не было двадцать, Одиссей.

Одиссей. На то были причины. Я воевал за великую Грецию.

Пенелопа. В Трое. А потом?

Одиссей. И в Трое, и в земле кикон, и в Ливии, и в Египте, и в Тавриде мы воевали за великую Грецию!

Одиссей выходит на авансцену, вынимает из ножен меч, потрясает им над головой. Слышится шум множества голосов, звон доспехов – как если бы перед Одиссеем стояло большое войско.

Одиссей. Мои храбрые воины! Ахейцы! Троя пала! Вы бились, как львы! Потомки запомнят ваши имена! Аэды сложат про вас поэмы! (*Шум, радостные крики.*) На рассвете мы отплываем на юг. Если Посейдон будет милостив, через двадцать дней мы увидим берег родной Итаки!

Шум, крики.

Голос. Одиссей!

Одиссей. Говори, Эврилох!

Голос Эврилоха. Пленные троянцы сказали, что на севере, на берегах Понта лежит страна кикон. Туда редко заходят корабли. Земля их богата, стада неисчислимы. (*Пауза.*) До них всего десять дней пути.

Одиссей (*с насмешкой*). Трюмы наших кораблей забиты добычей, каждый из вас везёт домой наложниц и рабов!

Голос Эврилоха. Добычи не бывает много, Одиссей!

Одиссей (*с насмешкой*). Я слышал, киконов больше, чем листьев в лесу!

Голос Эврилоха. Они хорошие пастухи, но плохие воины!

Голоса. Их храмы украшены золотом! Их женщины славятся красотой!

Шум, крики.

Одиссей. Я ваш царь, ахейцы! И я решаю, куда плыть. Проверьте вёсла, наберите в меха ячменной муки, а в амфоры – пресной воды. Завтра, на рассвете... мы отплываем на север, в землю киконов!!!

Шум, приветственные крики.

Голоса. Одиссей! Веди нас, Одиссей! Слава Одиссею!!!

Одиссей салютует войску мечом и вонзает его в землю. Возвращается к Пенелопе.

(...)

Наливает в чашу вино, разбавляет водой, пьёт. Внезапно швыряет чашу на пол вместе с остатками вина.

Одиссей. Забери меня Цербер! Все чаши в золе. Ты верна себе, Пенелопа. Даже посуду не можешь вымыть как следует.

Пенелопа. Чаши мыла Эвриклея. Она постарела и стала совсем слепа.

Одиссей. Мы виделись с Эвриклеей. (...) Я угостил её вином, она рассказала про тебя много интересного.

Пенелопа настораживается, прекращает уборку.

Пенелопа. У Эвриклеи язык без костей.

Одиссей. Рабы должны говорить правду своему хозяину!

Сильно бьёт кулаком по столу. Посуда подсакивает. Со стены падает маска юноши. Одиссей подбирает и надевает её.

Одиссей в маске (*изменённым голосом*). Ты сегодня грустна. Что случилось, Пенелопа? (*Тонким голосом, изображая Пенелопу*) Ничего не случилось, Антиной!

Пенелопа. Ничего не случилось, Антиной.

Антиной. Я давно живу в вашем доме, я видел тебя разной. Ты не обманешь меня.

Пенелопа. Телемах ждёт тебя на берегу моря. Вы, кажется, хотели поплавать вместе.

Антиной. Ты плакала.

Пенелопа. Тебе показалось, мальчик. Чего ты медлишь? Иди!

Пауза. Антиной направляется к двери.

Пенелопа. Сегодня я ходила за водой к источнику Афродиты. Было тихо. Ветер не тревожил даже верхушки былинки. Кричали перепела. Я наклонилась и увидела своё отражение в воде. Вот и всё, Антиной. Больше ничего не случилось.

Антиной (*возвращаясь*). Ты испугалась старости и смерти?

Пенелопа. Я испугалась своей жизни. Я сучила пряжу, ткала полотно, молола зерно на ручной мельнице, следила за рабынями. А больше ничего не было, Антиной. Мне почти сорок, жизнь прошла, я состарилась, а так и не знаю, жена я или вдова.

Антиной. Одиссей, мёртв, Пенелопа!

Пенелопа. Откуда ты это можешь знать, мальчик?! Одиссей жив!

Антиной. Он мёртв. Война закончилась. Все, кто хотел, вернулись домой.

Пенелопа. Он жив...

Антиной. Он мёртв. Спроси богов, если не веришь. Пошли дары оракулу или погадай на внутренностях овна. Это – самый верный способ узнать будущее и прошлое.

Пенелопа. Что это изменит? Я – старуха.

Антиной. Ты женщина! На твоём лице – боль, страдания, горечь потерь, но оно прекрасно! Время добавляет морщины, но только годы могут наполнить красоту смыслом.

Пенелопа. Откуда ты можешь это знать, мальчик? Тебе нет и двадцати! Откуда ты можешь это знать?!

Антиной. Моя мать умерла, когда мне было восемь. Она была похожа на тебя. Предчувствие смерти наложило на её черты дивную красоту...

Берёт руки Пенелопы в свои.

Антиной. Я давно живу в твоём доме... Я благодарен за всё... Каждый день я могу видеть тебя: твоё лицо, твои руки, твои бёдра...

Пенелопа. Не надо! Не говори ничего! О боги! Антиной...

Объятия, робкий поцелуй. Внезапно Одиссей срывает с себя маску и отбрасывает её прочь. Смотрит на Пенелопу. Не выпускает её из объятий.

Пенелопа. Одиссей...

Следует поцелуй – долгий и страстный. Затем Одиссей резко отталкивает Пенелопу от себя.

Одиссей. Двадцать лет, Пенелопа, я думал, что у меня есть дом, жена, семья. В бою, на привале, в объятиях наложниц я знал, что у меня есть место, куда я могу вернуться, где меня

ждут. Что в очаге дворца трещат дубовые поленья, а на столе, дожидаясь меня, стоят хлеб и вино... Я перечитывал твои письма, я представлял, что каждое утро ты говоришь Телемаху: «Этот стол сделал твой отец!».

Опрокидывает стол.

Пенелопа (*покорно*). Этот стол, Телемах, сделал твой отец, Одиссей. Эту кровать сделал Одиссей!

Переворачивает кровать.

Пенелопа. Эту кровать сделал Одиссей.

Одиссей. Этот виноградник посадил Одиссей.

Пенелопа. Этот виноградник, сынок, заложил твой отец на третий день праздника в честь богини Деметры...

Пауза.

Одиссей (*дрогнувшим голосом*). Когда герой Главк узнал, что жена ему изменила...

Пенелопа внезапно падает на колени перед Одиссеем.

Пенелопа. Одиссей, не убивай его!

Одиссей. Кого?

Пенелопа. Антиноя.

Одиссей. Ты любишь его?

Пенелопа. Хуже. Я виновата перед ним. Он совсем мальчик, ровесник нашему сыну!

Одиссей. Главное – вспомнить об этом вовремя.

Пенелопа. Где он сейчас?

Одиссей. Эврилох учит Антиноя и Телемаха стрелять из лука.

Пенелопа. О боги! Эврилох...

Одиссей. Эврилох – верных друг и храбрый воин. Не знаю, за что ты невзлюбила его. Однажды на разведке мы вдвоём попали в засаду. Троянцы обступили нас со всех сторон. Мы стали спина к спине. Эврилоха ранили в грудь копьём, но он не двинулся ни на шаг, пока не подоспела подмога. И лишь потом упал мне на руки полумёртвым...

Одиссей достаёт из кармана письма.

Одиссей. Эти письма!.. Они были скучны и как две капли воды похожи друг на друга. В них не было ни слова о наших чувствах, а только нудные подробности о погоде, о ценах на зерно, о текущей крыше. *(Пауза)* Но когда я читал их, мне хотелось вернуться с войны живым. Зачем ты писала мне их, Пенелопа?..

Бросает письма к ногам Пенелопы.

Одиссей. Мне не нужна была твоя любовь, я хотел от тебя только честности! Я всегда знал: ты вышла за меня по расчёту.

Пенелопа. Неправда.

Одиссей. Правда! Я был сыном царя – это всё решило. Я всегда был противен тебе. Помню день, когда мы встретились первый раз. Это было на гонках колесниц. Я подошёл, протянул руку. Ты отшатнулась, словно увидела лернейскую гидру! В твоих глазах был страх и отвращение. Я запомнил это навсегда. Но ты приняла мои подарки и согласилась выйти за меня. Твой отец Икарий легко тебя уговорил. Ты думала не обо мне, а о будущих царских почестях, о дворце, где ты станешь хозяйкой...

Пенелопа. Ты убьёшь Антиноя?

Одиссей. Зачем? Неоптолем, сын великого Ахилла, собирает войско, чтобы идти на скифов. Ему нужны молодые воины. Я присоединюсь к Неоптолему в Эвбее. Антиной и Телемах поплывут со мной.

Пенелопа вскрикивает.

Пенелопа. Ты хочешь наказать меня? Сделать больно?.. Что ж, ты нашёл лучший способ. О боги! Как ты сумел заставить его?! Не отпущу!! Телемах! Телемах!!

Пенелопа бросается к двери, Одиссей пытается её удержать. В результате Пенелопа попадает в его объятия.

Одиссей. Не зови, Пенелопа. Он не ответит. Любой юноша в душе – воин. Стоит ему ощутить в руке тяжесть меча или услышать звон доспехов, как он забывает обо всём. Я никого не принуждал. Телемах и Антиной сами захотели плыть со мной. Неужели ты думала, что я могу причинить зло нашему сыну?..

Пауза. Пенелопа и Одиссей стоят обнявшись.

Пенелопа. Если бы ты знал, как чудно Телемах научился рисовать... Он мог бы стать хорошим художником.

Одиссей. Он станет хорошим солдатом.

Пенелопа. У него доброе сердце – как у тебя. Ему будет трудно убивать людей.

Одиссей. Он привыкнет.

Пенелопа. А ты, Одиссей? Ты снова уходишь воевать?

Одиссей. Я иду делать то, что умею. Что я забыл в Итаке, Пенелопа? На войне всё честнее, чем здесь. В бою люди становятся такими, какие они есть на самом деле – не лучше и не хуже.

Мягко отстраняет Пенелопу, идёт к выходу.

Одиссей (в дверях). Пенелопа!

Пенелопа. Одиссей!

Пауза. Одиссей и Пенелопа смотрят друг на друга.

Одиссей. Мы отплываем на вечерней заре – я отдал все распоряжения. Телемах с Антиноем сейчас возле старой оливы. У тебя есть время, чтобы проститься с ними.

Одиссей уходит. Пенелопа остаётся одна.

Сцена вторая

(Пересказ второй сцены. Одиссей является к Пенелопе в нищенских лохмотьях. Война сломала его, превратив из могучего воина в жалкого пьяницу. После взятия Трои Одиссей отказывается идти в поход на киконцов. Воины обвиняют его в трусости и провозглашают своим вождем Эврилоха. Одиссея продают в рабство к Калипсо – жене богатого торговца. Одиссею удаётся сбежать и после долгих мытарств попасть в Итаку. Но он быстро понимает, что у них с Пенелопой уже нет ничего общего, кроме сына. В прошлом они вспоминают только взаимные претензии и обиды. У Пенелопы – молодой любовник и благополучная жизнь, в которой Одиссею нет места. Одиссей покидает Итаку, не повидавшись с Телемахом, поскольку не хочет, чтобы сын увидел его опустившимся и жалким...)

Сцена третья

Сумерки. Пенелопа в тёмной одежде дремлет на ложе. В отдалении слышатся звуки свирели, шум волн, крики лебедей. Светлеет, но предметы по-прежнему тонут в полумраке. Пенелопа просыпается. На скамье напротив неё сидит Одиссей.

Пенелопа. Как ты зашёл? Дверь была заперта. А, впрочем, хвала богам, – ты здесь.

Пауза. Пенелопа поднимается с ложа.

Пенелопа. Когда человек гибнет на чужбине и тело его остаётся непогребённым, надо трижды окликнуть его по имени: «Одиссей! Одиссей! Одиссей!». Потом насыпать могильный холм и сверху положить погребальное покрывало. Так заповедали предки. Лишь тогда душа мертвеца сможет успокоиться и сойти в мрачное царство Аида. *(Пауза)* Каждое утро я выходила на берег моря и трижды окликала тебя: «Одиссей! Одиссей! Одиссей!», чтобы ты слышал мой голос и смог найти дорогу домой. Каждый день я начинала ткать погребальное покрывало, чтобы положить на твою пустую могилу. Каждую ночь я распускала его, потому что знала: ты живой. *(Пауза)* Я писала тебе письма – и они возвращались ко мне одно за другим, как вестники несчастья. Я складывала их в сундук и писала снова, потому что знала: ты жив!

Собирает письма, разбросанные на полу, кладёт их на стол.

Пенелопа. Тебя не было двадцать лет.

Одиссей. Там, где я жил, время течёт по-другому. Если долго идти на север, ты окажешься в стране киммерийцев, где никогда не всходит солнце и царит беззвёздная ночь Нюкта. Потом надо пройти земли гипербореев, где растут только ракиты и чёрные тополя, где туманы столь густы, что не увидеть протянутую перед собой руку. Потом на твоём пути встаёт река Океан, которая кольцом опоясывает землю. Там, за пределом земли лежат острова блаженных, где нет ни бурь, ни дождей, ни снегов. Там царствует вечная весна, и ласково быются о камни волны тёплого моря. Златокудрый Аполлон прилетает туда на колеснице, запряжённой белыми лебедями, а косматый бог Пан на зелёных полях день и ночь играет на своей свирели.

В отдалении слышатся звуки свирели, шум волн, крики лебедей. Одиссей и Пенелопа прислушиваются.

Пенелопа. Тебя не было двадцать лет.

Одиссей. Ты боялась, что мы не встретимся?

Пенелопа. Я боялась, что мы не узнаем друг друга. Теперь всё меняется так быстро: люди, их чувства, мир вокруг.

Одиссей. Самое важное остаётся неизменным: солнце Итаки, запах ночи, твои глаза... *(Пауза)* Когда мы ворвались в Трою, Менелай, забыв обо всём, бросился искать Елену, чтобы её убить. Он был страшен, он сеял смерть. Эринии, богини мести, направляли его путь. Менелай ворвался в дом Елены, убил её нового мужа, занёс над ней меч – и бессильно опустил. Он вспомнил. Вспомнил и простил... Потом она обнимала его, а он непослушными пальцами, испачканными в крови, гладил её поседевшие волосы. Они стояли вдвоём посреди горящего города. Будто всё прошло и уже никогда не вернётся: измены, предательство, война, смерть... *(Пауза)* Они поплыли в Спарту вместе, а потом боги перенесли их на острова блаженных.

Пенелопа. Откуда ты знаешь?

Одиссей. Я видел их там. Туда попадают лишь те, кто любил, Пенелопа.

Пенелопа. А мы любили друг друга, Одиссей?

Одиссей. Я не знаю. Прошло столько лет...

(Пересказ отрывка. Одиссей и Пенелопа, поочерёдно надевая маски родителей, разыгрывают сцену их сватовства...)

Пенелопа берёт со стола одно из писем.

Пенелопа *(читает)*. Здравствуй, Одиссей! Сейчас в Итаке всё время идут дожди. И ветер меняется почти каждый день, будто Эол, повелитель ветров, совсем обезумел. Соломенная крыша дворца течёт. Мы перестилаем солому, но это не помогает. Черепицы нигде не достать – из-за войны торговые суда обходят Итаку десятой дорогой. Хвала богам, продукты пока есть, хотя сильно подорожали. Зерна и оливок должно

хватить до весны. А там будет полегче. Телемах подружился с Антином – тихим соседским мальчиком. Антиной – круглый сирота: его отец погиб на войне в первом же бою, мать умерла от моровой язвы. Я позвала Антиноя жить с нами – он согласился. Телемах во всём помогает мне, он стал серьёзным и ответственным. Его хитон всегда выглажен, а сандалии вычищены. Война рано делает мальчиков взрослыми. А ещё Телемах любит рисовать и лепить из глины разные фигурки. Эвриклея стареет, хотя и бодрится. За ней часто приходится переделывать всю работу. Нам трудно, но тебе тяжелее, я это знаю. Я постоянно вспоминаю тебя – когда сажусь за стол, сделанный тобой, ложусь на кровать, которую ты вытесал из старой маслины, когда пью вино из твоего виноградника. Помнишь старый храм Геры, куда мы зашли в день свадьбы? Он сгорел при пожаре. Мы выстроили на его месте новый. В нём так же тихо и хорошо, как тогда...

Откладывает в сторону письмо. Встаёт, подходит к Одиссею.

Пенелопа. Помнишь старый храм Геры, в который мы зашли с тобой в день свадьбы? Мы были в белых свадебных одеждах. Я до сих пор храню их в отдельном сундуке. Каждую весну мы с Эвриклеей достаём их, стираем в реке, сушим, крахмалим и кладём обратно.

Достаёт из сундука белые одежды, Одиссей и Пенелопа облачаются в них и остаются так до конца действия.

(Пересказ отрывка. Пенелопа и Одиссей разыгрывают сцену их свадьбы...)

Пауза. Пенелопа и Одиссей разжимают руки и расходятся.

Пенелопа. Тяжелей всего бывает на исходе ночи, когда в комнате начинает светлеть, но предметы всё ещё тонут в по-

лумраке. Я открываю глаза – и меня охватывает страх. Мне кажется, я всё забыла: как ты теребишь пальцами бороду, когда волнуешься, как сжимаешь левую руку в кулак, когда пьёшь воду или вино, как особым способом завязываешь ремни своих сандалий. Я боюсь не вспомнить, какой ты настоящий. Какая я настоящая...

Подходит к фреске воина, рассматривает её.

Пенелопа. Когда Телемах нарисовал эту фреску, мне стало легче. Теперь я могу видеть тебя каждый день. Я смотрю – и не могу оторваться. Это невозможно, но наш сын помнит тебя лучше, чем я. Мне хочется, чтобы он стал художником.

Одиссей. Он станет художником, Пенелопа. Его фрески будут украшать стены храмов в Коринфе, Фивах, Афинах. Его труд будет угоден богам.

Пенелопа. Почему ты в этом уверен?

Одиссей. Потому что у него доброе сердце.

Пенелопа. Ему надо учиться дальше. Лучшие учителя живут в Афинах. Осенью Телемах поплывёт туда вместе с Антиноём. Я рада: вдвоём мальчикам будет веселее в чужом городе.

Одиссей. Тебе будет трудно одной.

Пенелопа. Я справлюсь... Я хотела дать Эвриклею вольную, но она отказалась. Сказала, что останется ждать тебя вместе со мной. Мне есть, чем заняться. Я буду сучить пряжу, ткать полотно, молотить зерно на ручной мельнице в опустевшем без мальчишек дворце. И представлять тот день, когда ты, наконец, вернёшься с войны...

Одиссей. С войны нельзя вернуться, Пенелопа. Разве ты этого не поняла?

Пауза.

Пенелопа (унрпно). Когда ты вернёшься с войны, первым делом я приготовлю тебе баню, а пока ты будешь занят омове-

ниями, принесу ячменный хлеб и вино. Мы будем сидеть рядом, взявшись за руки – день, ночь, новый день, новую ночь и рассказывать обо всём, что пережили вдвоем друг от друга. Твой голос охрипнет от усталости, а я буду просить рассказывать дальше...

Пауза.

Одиссей. Менелай прибыл ко мне последнему. До этого он побывал в Микенах, на Крите и Саламине. Итака лежит от Спарты дальше всего. В первый день мы принесли жертвы богам и славно попиrowали. Во второй устроили состязания колесниц. Я обошёл Менелая на целый стадий, хотя лошади у него были лучше. На третий день он уплыл обратно в Спарту.

Пенелопа. Утром ты проводил корабль Менелая, вернулся домой и запряг в повозку старого ослика. Его звали ...

Одиссей. Его звали Эфон. Я не стал брать лошадей – они не прошли бы по узким горным тропинкам...

Пенелопа. Мы остановились на маленькой поляне в горах. Была весна, цвели асфодели, летали шмели... Мы поели оливок и выпили вина. Меня клонило в сон. Большой живот мешал мне, и я никак не могла найти ему места. Наконец, я положила голову тебе на грудь и задремала.

Кладёт голову на грудь Одиссея.

Пенелопа. Когда я проснулась, солнце стояло уже высоко. А моя голова по-прежнему лежала на твоей груди.

Одиссей. Ты заснула, а я лежал неподвижно два часа, боясь пошевелиться. Было тихо, летали шмели.

Пенелопа. Одиссей, о чём вы говорили с Менелаем наедине, возле старой оливы?

Пауза.

Пенелопа. Скажи правду, ты всё равно не сможешь меня обмануть.

Одиссей. Троянский царевич Парис тяжко оскорбил Менелая: увёз его жену Елену и похитил сокровища из дворца. Менелай собирает войско, чтобы идти на Трою. Он хочет, чтобы я шёл с ним.

Пенелопа. Мне холодно, Одиссей!

Одиссей. Укройся овчинной накидкой.

Одиссей достаёт овчинную накидку, кутает в неё Пенелопу.

Пенелопа. Сегодня ночью наша собака принесла трёх щенят. Когда мы ехали сюда, я видела лань с детёнышем. А потом, когда ты доставал амфоры из корзины, я заметила в траве гнездо перепёлки. В нём было семь яиц, Одиссей! Семь! Это Гера даёт знак. Нечет – число мужчины. У нас будет мальчик. У тебя будет сын, Одиссей!

Одиссей. А если девочка?

Пенелопа. Боги не могут ошибаться.

Пауза.

Пенелопа. Что будет дальше?

Одиссей. Они не уступят – ни Парис, ни Менелай. Будет большая война.

Пенелопа. Неужели нет выхода?!

Одиссей. Я – царь, Пенелопа. *(Разводит руками.)* Что я могу?..

Пенелопа. Мне жарко, хочется пить.

Пенелопа сбрасывает накидку. Одиссей встаёт и идёт на авансцену.

Пенелопа. Ты куда?

Одиссей. Я принесу тебе прохладной воды. Здесь рядом – источник Афродиты.

Пенелопа. Откуда ты знаешь?

Одиссей. Знакомая нимфа рассказала.

Пенелопа (*возмущённо*). Какая ещё нимфа?!

Одиссей. Я пошутил. На самом деле мы нашли этот источник с отцом, когда преследовали диких кентавров.

Идёт на авансцену.

Пенелопа. Одиссей!

Одиссей. Пенелопа!

Оборачивается. Пауза. Одиссей и Пенелопа смотрят друг на друга.

Пенелопа. Не уходи.

Одиссей выходит на авансцену. Поднимает лежащий на земле меч. Слышится шум множества голосов, звон доспехов – как если бы перед Одиссеем стояло большое войско.

Одиссей. Ахейцы! Братья! Солдаты! Война закончилась. Мы сделали всё, что смогли. Будем помнить о наших павших. Будем милосердны к побеждённым. (*Шум, крики*) На рассвете мы отплываем на юг. Если Посейдон будет милостив, через двадцать дней мы увидим берег родной Итаки!

Шум, крики.

Голос Эврилоха. Мы не хотим возвращаться, Одиссей! Веди нас в землю киконцов!

Одиссей. Киконы не делали нам зла! Они – мирные пахари и пастухи. Завтра на рассвете мы отплываем в Итаку!

Шум, крики.

Голоса. Одиссей, мы не верим тебе! Нас поведёт Эврилох!
Эврилох! Слава Эврилоху!!!

Одиссей с мечом в руках стоит посреди сцены.

Голос Эврилоха. Брось меч, Одиссей, иначе умрёшь!

Одиссей. Пугаешь смертью солдата? Ты смешон, Эврилох! Это всё равно что пугать гончара мокрой глиной, а кузнеца – искрами из горнила! *(Смеётся)* Поплыли домой, Эврилох! Там – тихие лагуны полные голубой воды, а ночь пахнет морем и лавром. Когда над Итакой поднимается солнце – золотой бог Гелиос – он замедляет бег своих коней, чтобы полюбоваться на её красоту. Наши дети выросли без нас, наши жёны состарились без нас! Война закончилась!

Голос Эврилоха. Отдай меч, Одиссей!

Одиссей. Подойти и возьми, если сможешь! *(Меч Одиссея со свистом рассекает воздух)* Что же ты медлишь, Эврилох?! А ты, Перимед?! А ты, Эльпенор?! *(Одиссей делает несколько шагов вперёд)* Что вы пятитесь, словно волы, почуявшие волка?!

Смеётся. Пауза.

Одиссей. Никто из них не посмел приблизиться ко мне и вступить в поединок. Они отбежали и принялись издали пускать в меня стрелы. Я долго стоял, прикрываясь щитом, и насмехался над ними, пока стрела Эврилоха не пронзила мне горло. Тело моё расклевали хищные птицы, а сам я отправилась в странствие, которому нет конца...

Одиссей уходит. Пенелопа остаётся одна. Пытается навести в комнате порядок. Собирает письма, прячет в сундук. Достает из сундука большую амфору.

Пенелопа. Я нашла нашу амфору, Одиссей! Она лежала на самом дне большого сундука под грудой старой одежды. (Рас-

смаатривает амфору.) Здесь есть и свадебный пир, и рождение первенца, и жатва, и сбор винограда, и ночи любви на супружеском ложе, и погребальный костёр... На ней нет ни трещин, ни пятен, ни пыли – будто её только что сняли с гончарного круга. Она цела и невредима! Так и наша любовь, Одиссей...

Голос. Пенелопа!

Пенелопа замолкает, прислушивается.

Голос. Пенелопа, царица, проснись! Одиссей вернулся.

Светлеет. Некоторое время Пенелопа стоит на месте. Потом уходит вслед за Одиссеем – туда, где всё громче и громче играет свирель.

Занавес.

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?..

Послесловие

Прочитал новую пьесу Алексея Куралеа «Сны Пенелопы», а если честно, то перечитал, потому что в силу неких счастливых обстоятельств имею возможность и радость читать его пьесы одним из первых – ещё в рукописях, то бишь, в электронном виде (какие уж нынче рукописи?..) Читал и несколько раз сглатывал подступавший к горлу ком... Когда у зрителя спектакля по другой его пьесе «Перемирие», по свидетельству очевидцев, время от времени глаза на мокром месте, так это можно понять: там о войне в Донбассе, о гибели близких друзей, об обоюдном озверении недавно ещё нормальных людей, о возможности и шансе даже в таких условиях остаться человеком, – эти слёзы хотя бы объяснимы. Но тут-то с чего?! Какие-то бог весть когда жившие на этой земле и давно истлевшие Пенелопа и Одиссей, какие-то лично нас не касающиеся их взаимоотношения и страсти... Да

в том-то и дело, что касающиеся. Помните, как вопрошал Гамлет, потрясённый способностью талантливого актёра переживать чужое как своё? «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» Вот так и здесь чужое, пережитое и описанное автором как своё, волнует, задевает, будит у меня, читателя, воспоминания и мысли о себе самом, не всегда самые лучшие и весёлые. Оглядываясь назад, мы ведь иногда думаем, что всё у нас могло бы сложиться как-то по-другому, да вот личная наша единственная жизнь, как и история, увы, не знает сослагательного наклонения... Алексей Куралех как раз и проделал с героями такой эксперимент, дав им возможность прожить в трёх разных снах героини три возможные жизни-встречи: одну – во вражде, подозрительности и ненависти с вернувшимся через 20 лет Одисеем-воином; вторую – в горе и сострадании с Одисеем-нищим; третью – в любви с погибшим от рук друзей, но во сне возвратившимся живым Одисеем. А в финале автор наметил и четвёртую встречу-жизнь, которую каждый из нас может себе по-своему вообразить. Героиню, увидевшую третий сон о любви, будит голос, судя по всему, служанки: «Пенелопа, царица, проснись! Одиссей вернулся». Мастерская, как и в других пьесах автора, концовка. А в целом – настоящая литература и драматургия.

Владимир Авцен

Дената Вольф
Дуйсбург

Из жизни птиц

1

Роду-племени не знаю,
Просто с ней знакома я,
Ей частенько подпеваю
На закате дня.
Эта птица – и не птица,
Просто силуэт,
Опущу на миг ресницы,
А ее уж нет.

2

Надо спать, а я не сплю,
Вместе с птицею гулю.
И чего она не спит?
И о чем она гулит?
Все о жизни, о любви.
Ну гули, гули, гули...

3

На край окна присела птица.
Готовясь в дальний перелет.
Пуста, пуста моя страница,
И сердце песен не поет.

Ему так пусто, одиноко,
Оно готовится к зиме,
А птица там в краю далеком
Петь будет песни, да не мне...

Но есть надежда – возвратится
Всё в мире на круги своя,
Совет гнездо весною птица,
И песня сложится моя.

4

По-весеннему птицы щебечут,
Неспроста они тут собрались,
То садятся деревьям на плечи,
То взлетают в бездонную высь.

За окном суета и работа –
Гнезда вить да птенцов выводить,
Песни новые петь для кого-то,
Их ведь тоже непросто сложить.

ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

* * *

Летний субботний вечер. Женщины сидели на лавочке. Мимо шли жильцы соседнего дома. У одного в руках цветы.

– Какие красивые! – восхитились женщины.

– Вот, были на природе, нарвали на обратном пути. Можем поделиться.

И часть букета перекочевала к особенно восторженной соседке. На следующий день чуть свет у дарителя цветов раздался звонок в дверь. Открыл заспанный хозяин. Соседка, протягивая цветы:

– Заберите ваш букет. Он сыпется...

* * *

Возвращались поздним вечером из гостей. Настроение испорчено – муж изрядно выпил. Думала только о том, чтобы

благополучно добраться домой. От остановки до дома надо еще сотню метров пройти. Я шла впереди, время от времени оглядываясь на моего благоверного, которого мотало из стороны в сторону.

Вдруг он остановился:

– Слушай, ты можешь идти прямо? Туда – сюда... Туда – сюда... Я уже устал!

Дело было летом. Взрослые дяди купили десятилитровую канистру разливного пива. И пацаны, что под ногами во дворе вертелись, тоже получили понемногу на доньшке. Когда пиво в кружке закончилось, маленький Витя решил попытать счастья:

– Дядя Боря, налейте еще пива.

На что удивленный дядя Боря ответил:

– Нет, Витя. Хорошего помаленьку.

– А вы помаленьку давайте, – не растерялся пацаненок.

Урок математики в школе. У доски нерадивый ученик, кандидат на неуд.

– Ну, что, дружок, – спрашиваю, – учить кто будет за тебя? Пушкин?

Класс разразился громким дружным смехом. Я в недоумении. Они что, в первый раз эту фразу слышат?

– И что тут смешного? – интересуюсь.

А мне в ответ:

– Да у него кличка – «Пушкин».

Лена ХУПРИЯНОВА
Штутгарт

* * *

Яблоки падали тяжеловесные...
Штрифель и сочен был, и краснобок.
Хляби пока не разверзлись небесные,
С веток снимали мы на зиму, впрок.
Лестницу ставили. Дружною семейкою
Передавали. Цепочка вилась,
Прямо до младшенькой, что на скамеечке.
Мы ей грозили: «Сиди и не слазь!»
Яблоки в ящики с хрусткими стружками,
Словно младенцев... Был опыт у нас...
В школу – по яблоку. Делим с подружками.
Навитаминились... Можно и в класс.
Жизнь моя, точно, как яблочко с веточки,
Мягко упала в густую траву.
Вот я лежу, и сквозь ниточки-сеточки,
Взором ласкаю небес синеву...

* * *

Любовь сильна своей неправотой,
запутанностью судеб, нерешеньем
вопросов быта, тайной прегрешений,
свеченьем над вечернею водой,
где глубина – подводный лабиринт,
где истина – без выхода и входа...
В любое время дня и время года
взгляни на небо... Жизнь – метеорит...

Любовь сильна. Иного не дано,
она пройдет меж Сциллой и Харибдой,
но жертвуя надтреснутой харизмой,
с цикутой выпьет сладкое вино...
Любовь – росток, отринувший бетон,
любовь – березка на скалистом склоне,
твоя судьба – на горнем небосклоне...
И счастлив тот, кто ею награжден.

Осенний дождик

Осенний дождик топчет травку,
Что приготовилась ко сну.
Как ёж колючий полоснул...
Подставляю руку. Прикоснусь
К тем обжигающим булавкам.
И вновь отдерну. Бьют прицельно,
Как месть, как правда, как долги.
Дожди осенние долги,
Порою, не видать и зги.
Нет, не спасет и Авиценна.
Волшебной палочкой взмахнуть бы
И улететь на острова,
Туда, где моря синева,
Где пальмы, солнце согрева...
Свобода, лето... Пляж и судьбы...
Как хорошо, что шарик круглый,
Что не везде идут дожди.
Тут рифма просится «дождись»,
И будет лето, станет жизнь...
Какой? Узнаете, погуглив.

Поэты

Гул затих. Я вышел на подмостки.

Борис Пастернак

Душа, познавши тайну рифм,
Загадочно-метафорична,
То ищет выход хаотично,
Нарвавшись на подводный риф,
То рвётся в синий небосвод,
Где тишина звенит и нега,
Где скрыты альфа и омега
Ещё не познанных высот.
А пересохшая гортань
С утра выталкивает строчки,
Что приютятся на листочке,
Как в тесных ящичках герань.
Весь мир в тех строчках оживёт,
Какой он есть – святой и жёсткий.

Поэт выходит на подмостки.
Земля внимает. Жизнь идёт...

Людмила БАРОН

Дюссельдорф

Родилась в Ташкенте. Композитор, автор-исполнитель собственных и чужих песен. Лауреат нескольких фестивалей авторской песни. Вышло шесть дисков и готовится к выпуску седьмой. С 2002 года руководит Клубом АП в Дюссельдорфе. Активно концертирует по городам Германии и за её пределами.

МАМА

Сегодня твой 81 день рождения, мама. Третий без тебя...

Я никогда не забываю о тебе, но в такой день особо подробно вспоминаю жизнь, прожитую рядом с тобой. А рядом мы были почти всегда, и если приходилось расставаться, то я очень скучала. Эту историю я слышала от тебя пафу раз в жизни, и всегда в одном и том же месте голос твой срывался из-за спазма в горле. И приходилось ждать, пока ты перестанешь плакать и продолжишь... А недавно, перебирая твой архив, я наткнулась на рассказ «Случайности». Вот отрывок из него:

К 28 годам моей жизни институт был уже закончен, и я вышла замуж. Страстно мечтая о детях, я забеременела и... в Рождество Христово родила двух девочек: Люсю и Олесю. Я их на месяц раньше выплясала – была на дне рождения. Родились они слабые. Олеся – 2 кг, Люся – 1 кг 700 гр. Началась борьба за их жизнь. То одна совсем плохая, то другая. Люся болела тяжелее. Лежала я с ними в 10 детской больнице г. Ташкента, в 4-местной палате. Муж был в нескончаемых командировках. Раз в неделю ко мне приходила моя старенькая мама. Соседка по палате – 40-летняя женщина, удочерившая из роддома девочку. Ей всегда было интересно, почему ко мне в больницу не приходит муж.

– Ты под забором их нашла, что ли? – бесцеремонно спрашивала она меня. И делала вывод: – Кабы был мужик, пришёл бы.

А потом она негодовала:

– Кому надо детей – Бог не даёт, а кому не надо – даёт, да ещё двойню. А вот эта, – она показывала на Люсю, – всё равно умрёт.

Что-либо отвечать ей у меня не было никаких сил, потому что у меня на глазах действительно умирала Люся.

Я обежала всех врачей, просила их осмотреть мою дочь. Они обещали и не приходили. Медсёстры, сдавая смену, показывали глазами на Люсю. Это означало, что она – кандидат в покойники. Медицина была бессильна перед Люсиной болезнью. Все смирились с неизбежным концом маленькой, едва начавшейся жизни. Все, кроме меня.

Тело девочки посинело и стало холодным. Напрасно я подставляла к ротуку и носику двухмесячной крошки зеркальце, чтобы проверить запотеет ли оно от дыхания. Тогда я села на кровать и стала проклинать... Бога. Я кричала: «Если Ты есть, то зачем забираешь невинное дитя? Ты злой и коварный. Ты убийца. А если сатана желает смерти моей девочке, то почему Ты не помещаешь ему? Я проклинаю Тебя, Господи, слышишь?!» Вот такие страшные слова я кричала в гневе и в отчаянии. Снова побежала к главврачу. Ни его, ни других врачей и медсестёр на месте не было. Это был день медицинского работника, и они все торжественно отмечали его в зале. Я зашла к ним. Одна пожилая медсестра замахала на меня рукой, уходи мол. Я не уходила, стояла и плакала, содрогаясь в рыданиях. Тогда она вышла вместе со мной.

– Попробуем последнее средство, – сказала медсестра.

Она заварила полкастриули горчицы. Потом в пелёнку, смоченную горчичной кашцей, мы завернули бездыханное, синее,

Нам 1 годик

холодное тельце девочки. Медсестра ушла. Я со слабой надеждой стала смотреть на дорогое мне Люсино личико. Минута, вторая, третья... Казалось, проходит вечность. И вдруг! Дёрнулся слегка уголок ротика. Раз, два. Потом рот стал беззвучно открываться и закрываться. Послышался слабый, едва уловимый звук. Затем громче, ещё громче, уже чётко различимый крик. Крик набирает силу. Значит, лёгкие заработали. Лицо порозовело, значит, в работу вступило сердце, качая кровь. Я обливалась слезами радости. Когда мы развернули дочь, она была вся красная, как кумач, зато дыхание было хорошим и крепким. Ожила моя крошка Люся. Когда я пришла к медсестре с подарком и благодарностью, добрая и умная женщина ответила мне: «Благовари Бога!» Подарок она не взяла. А моя соседка по палате, разочарованная из-за того, что её прогноз не сбывлся, сказала:

– Тебе просто повезло, что такая медсестра попалась. Счастливый случай, а так... умерла бы твоя Люся.

30 лет спустя у одной писательницы я нашла такие слова: «Случайность – язык Бога». Конечно же, как это я сама не додумалась. Нет на земле случайностей, а есть Воля, Сила, Мощь и великая Любовь Бога!..

А я, мама, добавлю от себя, что есть на свете ещё одна великая сила – сила материнской любви.

Харина БАХМУТСКАЯ Дюссельдорф

Родилась в 1966 году. До приезда в Германию в 1997 году жила в Москве. Окончила юридический факультет МГУ. Там же преподавала, параллельно работала адвокатом. В Германии также получила степень магистра права (LL.M.), присяжный переводчик.

Стихи и прозу пишет с детства. Публикации в русскоязычных журналах, альманахах и сборниках в разных странах.

Пародии Поэтические забавы

*Словесный шторм не успокаивай!
Слезливой чепухе – шабаш.
Клянусь на томике Цветаевой,
Твёрд и остёр мой карандаш.*

*Цепями громких строчек лязгаю,
Равна их чувственность нолю.
Хмельного ямба дикой пляскою
Себе я сердце веселю.*

*Что, Муза – хитрая притворищица,
Отведала? Не скрою, рад.
Пуškai вихры мои топорищатся.
В печёнках пошлый маскарад.*

*Бессилен проволочность волоса
Умять засаленный парик.
Я не могу уже вполголоса,
Душа срывается на крик!*

Андрей Сапожников

Ты столько лет мозги мне пудрила,
Как тот державинский парик.
Довольно, лгунья присномудрая,
Я с бабой нюнить не привык.

Поленом я тебя попотчую,
Хмельное сердце взвеселю.
Как протрезвею и закончу я,
Так будешь ты равна нулю.

На крик срываешься? Оставь его,
Слезливой чепухе – кирдык.
Клянусь на томике Астафьева,
Кто взял полено – тот мужик!

Пускай потом печёнкой маяться
В тюрьме под лязганье оков.
Зато попомнишь ты, красавица,
Поэт вихрастый есть каков!

Волки как зеркало русской поэзии

*Его стая для славы растила,
Он привык побеждать. Но теперь
Кровь сочится в траву, и насилие
Рыщет по лесу раненый зверь.*

*На мгновение он выпал из круга,
И, стыдливо потупив глаза,
От него отвернулась подруга,
От него отказались друзья.*

*Только смерть где-то рядом, все ближе
Шаг за шагом. Чего ожидать?*

*Он матерый, он знает, как выжить.
Он не знает, зачем выживать.*

*Лишь мучительно чует, что это
Исключительно волчий вопрос,
И пока не получит ответа,
Он не сможет бороться всерьез.*

*На границе звериного лого
Он приляжет на хвойный настил.
Он поверил бы в волчьего Бога,
Если б тот за него отомстил.*

*Он не станет зализывать раны,
Гнать страдание, гордость и стыд,
И умрет оттого, что упрямо
Пораженья себе не простит.*

Андрей Галамага

Мать Андрюшу для славы растила,
Для свершений больших и побед,
И вполне сокрушительной силы
Из Андрюши сложился поэт.

Он путей не искал примитивных,
Мелкотемьем совсем не страдал:
Слишком много стихов позитивных!
Где же смерти звериный оскал?

Вот однажды, в студёную пору,
На натуру подался Андрей
И в лесу удивительно скоро
Встретил серых, но гордых зверей.

Волки сгрудились в грозную стаю,
Но промолвил лобастый вожак:
«Подождите, парнишку я знаю!
Ты ведь вроде поэт или как?»

«Да, поэт! – застеснялся Андрюша.
– Я творю от зари до зари!»
Тут волчица сказала: «Послушай,
Ты на руки его посмотри!»

Ей ответил главарь, усмехаясь:
«Кто же пишет теперь от руки!
Впрочем, пусть позабавится стая.
Почитай нам, Андрюша, стишки!»

«Мы ж одной, понимаете, крови!
Я стихи прочитаю про вас!»
Зазвенели чеканные строки
И журчащая речь полилась...

... «Н-да-а, – встряхнулся волчара поджарый
(тут протяжно завyli щенки).
– Коль по должности мы санитары,
Так распишем его на куски!»

Первогодка, поэта жалея
И стыдливо потупив глаза,
Попросила кусочек филея.
А в рычанье звенела слеза...

Жизнь насекомых

*Жила была Муха по имени Ксюха,
А муж у нее был Комар,
Была эта Муха прекрасной стряпухой,
А муж её был – кашевар.*

*На праздничный стол, чтоб
порадовать Ксюху
Готовил любезный Комар
Напиток чудесный, лесной – медовуху,
Душистую, словно, нектар.*

*И стряпала Муха по имени Ксюха
Для мужа весь день пирожки,
А он говорил ей с любовью: «Толстуха,
Пойдём, поиграем в снежки!»*

*В согласии жили и крепко дружили
Комар с молодой женой.
По льду на коньках, как по небу, кружили,
Танцуя хип-хоп озорной.*

Алексей Иванов

*Жил жук колорадский по имени Вася,
Жена его Жучкой звалась.
Хоть Вася, бывало, по-чёрному квасил,
Нить старой любви не рвалась.*

*Напиток чудесный, душистый, при этом
Прозрачный (отборная рожь!)
Готовил наш Вася зимою и летом,
Весною и осенью тож.*

Чтоб мужа порадовать, Жучка метала
На стол колбасу да икру, –
С хорошей закуской башка не трещала,
Взлеталось легко поутру.

Жук Вася и Жучка друг друга любили.
И жизнь их была хороша:
Что утром варили – то вечером пили
И пели про шум камыша...

Красотища

*Как хорошо, что мы разнообразны:
Умны, глупы, красивы, безобразны.
Что ничего на свете не напрасно,
И что Ньютон придумал свой бином,
Что может стать судьбой
любой прохожий.*

*Мир многолик, и клясть его негоже.
Он так прекрасен – что мороз по коже,
И зябко на ветру его шальном.*

Зина Палванова

Как хорошо поесть ракообразных –
омаров, крабов и креветок разных,
на вид ужасных, а на вкус прекрасных.
И жизнь вокруг восторгами полна:
я в новой шубке из песка – погладь-ка
(от зависти умрёт подруга Надька)!
Как хорошо, что в Киеве есть дядька,
а в огороде рдеет бузина.

Как хорошо, что мы писать умеем:
культурно, матом, ямбом и хореем,

что Ньютон был ни капли не евреем,
хотя его и звали Исаак.
А темой может стать любой прохожий.
Таблица умноженья нам поможет,
от книги телефонной польза тоже.
Стихов рулоны мы напишем так.

Как хорошо на канапе сидится,
как на диване здорово ложится,
а на кровати так чудесно спится!
Вся жизнь вокруг – один сплошной экстаз:
нам наплевать на критиков угрозы,
дублёным козам не страшны морозы.
Как хороши, как свежи были розы.
А свежесть мыслей – это не для нас.

Поэтпроцесс

*Минерва спит, не спит ее сова,
Все видит, слышит темными ночами,
Все шорохи, все вздохи, все слова,
Сверкая раскаленными очами,
Ни шепот не пропустит, ни смешок
И утром все Минерве перескажет,
А та на голове ее пушок
Пригладит и к руке своей привяжет.*
Александр Кушнер

Уснул поэт. В дремоте голова
поэтова. Но сон её не полон.
Всё крутятся какие-то слова,
Всё плещет океан, горяч и солон.

И шёпоты, и вздохи, и смешки,
а может, и на них намёки даже –

чтоб позже переплавилось в стишки,
всё голова поэту перескажет.

Ночь шелестит, шурша на посошок.
И раскалённой простыни касанье
наутро снова выльется в стишок.
Вот, вылилось. Спасибо за вниманье.

Альтернативная история

*Вот идёт по улице старуха,
Разгребая палкой грязный лёд.
У неё – морщинистое ухо,
На губах обветренных – налёт.*

*У неё в тяжёлых венах руки.
Сгорбленная жалкая спина.
Нету никого у той старухи.
Ковыляет, старая, одна.*

*Дома у старухи телевизор.
На плите – остывшая еда,
Потому, что к ней соседка снизу
Помогать приходит иногда.*

*У экрана долгое сиденье
И бутылка кислого винца.
Та старуха – вечное виденье
Моего грядущего конца.*

Наталья Резник

Из машины вышла молодуха,
уколов поребрик каблуком.
Ей брильянт оттягивает ухо,
На губах – помада от «Ланком».

По её спине манти струится –
мавзолей для множества шиншил.
Женские завистливые лица
Лучше пива придают ей сил.

Дома ждут мужчины у порога,
от ковра не поднимая лбов.
У красотки с дисциплиной строго,
не жалеет плётки для рабов.

(Нынче внучка младшая сказала:
«Ты, бабуля, мне во всём пример!»)
Это – бесконечное начало
вечной жизни поэтессы Эр.

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Лидия СИНЧУК
Днепр

ПРИПЯТЬ. ЭТЮД О ГОРОДЕ

*Не сон. Нет не сон. Это черная быль.
Покинутый город, смертельная пыль.
Расхожие сводки в центральных газетах,
Реальные – дозами в черных кассетах.*

Припять – какое светлое и простое имя твоё. Весь город, как большая гордая птица, окрылённая нашими надеждами, устремляется в будущее. Ты красив, наш город! Сколько людей искренне восхищались тобой! Сколько сердец ты сразил своей красотой! Осенью в закатных лучах солнца искрятся воздушные костры рябин и освещают улицу дивным тёплым светом. Вот в переулке островок хвойного леса, сказочно торжественный, настоящий. Пахнет грибами и покоем. Вот рядом проспект (здесь всё рядом): весной тут среди величественного цветения каштанов душа взмывает, охваченная радостью бытия.

Припятская набережная: роскошные ивы, жёлтый песок, ласковый шепот волн. Цветут акации, и соловьиная трель томит сердце восторгом. Это Припять. Это мой город, где пахнут мёдом липы. Где на зелёных лужайках горят огоньки роз, а рядом сгрудились, как лебединая стая перед полетом, берёзки.

В композиции улиц, площадей и дворов – гармония любви и доброты – неповторимая, живая красота, обещание жизни, вечности, счастливого завтра...

26 апреля 1986 год.

Оборвалось завтра.

О тебе сейчас мало говорят, Припять.

Почти совсем ничего.

Невыносимо больно видеть твои оглохшие, ослепшие окна
домов, твои безлюдные улицы.

Припять, родная, как помочь тебе?

К тебе летят наши сердца сквозь ночь, сквозь ветры и рас-
стояние.

Они безутешны.

Они с тобой.

Навсегда.

Припять.

Жина ПУСТОВИТ
Дортмунд

Кредо

*Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет...*

Б. Окуджава

Я пишу, как дышу,
Жизнь свою ворошу:
Все по правде пишу, все, как есть!
Если я загрущу,
Лист бумаги ищу –
Так рождается новая песнь.

Жизнь – крутая стезя,
Жить без песен нельзя –
Песня душу в пути согревает!
Посвящаю мой ямб
И родным, и друзьям,
И реке, что в лугах протекает.

Беззаботны деньки
У веселой реки –
Благодарна я этой поре:
Переулки глухи,
По утрам петухи
Нас будили всегда на заре.

Все там было впервой:
Небосвод голубой,
Там синели во ржи васильки,

Пробуждалась заря,
Первый слог Букваря,
Первых дружб зарождались ростки.

Голубела река,
Плыли в ней облака,
Словно лебеди, белую стаей.
Там судьбы поворот:
Мать стоит у ворот,
Незаметно слезу утирая...

Пролетели деньки
У той чистой реки,
След свой светлый оставили снам...
И был первый мой стих –
Очень робок и тих –
Дому, речке, полям, тополям!..

Денис САИТОВ
Дюссельдорф

ДЕНЬ, КОГДА УМЕРЛИ ПОСЛЕДНИЙ ЛЕВ И ПОСЛЕДНЯЯ ЛЬВИЦА

Когда огромный, мускулистый и независимый лев рухнул возле мертвого тела его львицы, мир перестал быть таким, каким он был доныне. Последние лев и львица на планете Земля... Пищевая цепочка прервалась. Всё порвалось, все законы природы, вся жизнь, которая стала невыносимой. Остались только люди. Люди-люди-люди, везде люди. Миллиарды людей, каждый день плодящиеся. Китайцы, индусы, русские, американцы, вьетнамцы, колумбийцы, албанцы, осетины, чилийцы, косовары, бельгийцы, немцы, египтяне, израильтяне, палестинцы, арабы, турки, монголы, конголезцы, непальцы, малазийцы, евреи, мусульмане, христиане, греки, пантеисты, атеисты, полицейские, подсудимые, социологи, художники, бледные, бедные, богатые, хиппи, материалисты, толстые, наркоманы, франконцы, ливанцы и многие-многие другие. Куда ни глянь одни люди. А ещё машины, компьютеры, технологии, алгоритмы, подземки, метро, супермаркеты, гипермаркеты, школы, продленки, детские садики, мастерские, металлургические заводы, интернет-сообщества, киоски, самолеты, аэропорты, психушки, кладбища, интеграционные центры, кружки игроков в шахматы и сексшопы, и много-много всего. И много телефонов. Очень много. И спутники, и рекламные плакаты, и фильмы, и музыка, и границы между странами, и пошлины, и чёрная икра, и контрабанда, и нелегально проданная шкура двух львов – льва и львицы, сильных и независимых, таких красивых и честных, как сама природа. Последних. Их шкуры тоже тут оказалась на продаже.

Сергей ПЛОТОЦКИЙ

Россия-Германия

Порошки

А в голове такая каша
подумал с грустью Алексей
съесть надо маслица кусочек
скорей

Сик транзит gloria к сожаленью
поэт печально произнёс
и только мунди остаётся
всерьёз

Вороне Кларе подарили
кораллов полное ведро
а ей хотелось кларнетиста
давно

* * *

Мне казалось всегда
что вселенная чёрного цвета
а недавно узнал я
доказанный факт
мы живём в мире света
с названием
космический латте
и малиною пахнет
вселенский наш сад

Вариант:¹

алым на белом
короткое слово
слово, ценнее которого нет

свежий глоток
вожделенного «снова»
слово, ценнее которого нет

время настало
отдам не жалея
слово, ценнее которого нет

ну, забирай же
и вешай на шею
слово, ценнее которого нет

алым на белом
короткое слово
слово, большее которого нет

свежий глоток
вожделенного «снова»
слова, желанней которого нет

время настало
отдам не жалея
слово, дороже которого нет

ну, забирай же
и вешай на шею
слово, тяжелее которого нет

¹ Иногда редактор, кроме небольших правок, может предложить автору свой, на его взгляд, лучший вариант текста. Автор либо соглашается, либо нет. В данном случае мы решили оставить оба варианта на суд читателю... В.А.

Дарья СТРАННИК

Вуппирталь

И ТУТ ПРИШЁЛ ЧУЧИК

Электрику Володе вся эта новогодняя суeta изрядно действовала на нервы. Он отказывался видеть смысл в украшенных мишурой колючих деревьях, которые надо сначала дотащить до квартиры, чтобы через пару недель снова оттуда вытаскивать – высохшие и осыпавшиеся. Его раздражали подвыпившие Дед Морозы со Снегурочками в дешёвых синтетических шубах. Салат «Оливье» – да вот такой неправильный человек – он не переваривал. Мандаринки никто не запрещает хоть каждый день есть – поди не застойные времена. А выпить можно и нужно ежедневно, это дело Вова любил и в особых поводах не нуждался. Подарки ему дарить было некому, да и получать не приходилось. А бодрствовать до полуночи считал бессмысленно-утомительным, являясь по природе своей жаворонком.

Ну имелись, конечно, тёплые, но смутные детские воспоминания... Что-то про хлопушку и игрушечную железную дорогу. Однако они давно погрязли в алкогольном тумане и взрослом цинизме.

Короче говоря, праздновать Новый год Володя не собирался. К тому же потенциальные собутыльники оказались все как один предателями и планировали провести вечер, ночь и утреннее похмелье в кругу своих благоверных стерв и любимых спиногрызов. Ну, каждому своё.

Вова открыл балконную дверь в спальне нараспашку. Он любил спать в хорошо проветренном помещении. Ночью придётся закрыть и завесить все окна – а то ещё петарду в окно закинуть додумаются. Нервирующие хлопки и вспышки в придачу. Погода снаружи тоже праздничному настроению не способствовала: каша из остатков снега и уличной грязи начинала уже подмерзать, обещая к утру стать серым гололёдом.

Шаркая тапками, Вова поплёлся на кухню, где весело кипели доваривающиеся пельмешки, и плотно поужинал, хлопнув перед сном традиционную соточку. Обычно Володя, перед тем как заснуть, немного смотрел телевизор, но сегодня он намеренно не стал включать ящик, понимая, что там всё заполнено нездоровым возбуждением и ненавистной мишурой.

Володя только собрался закрыть балконную дверь, когда в комнату зашёл чучик. То есть сразу стало понятно, что это чучик, но он ещё и представился вежливо:

– Здравствуйте, я – чучик, – смущённо поставил небольшой чемоданчик на пол и присел у стеночки, рядом с батареей, прямо на поцарапанный линолеум.

Вова схватил первое, что подвернулось под руку, готовый защищать розовым пластиковым будильником свою жизнь до последнего.

– Извините, не хотел вас испугать, но снаружи холодно, а я мерзнуть не люблю. – Чучик развёл двумя парами голубых лапок. – Кстати, можно закрыть? – он указал в направлении балкона.

Володя ошарашенно кивнул и, обойдя незваного гостя, захлопнул балконную дверь.

– Кто ты? – прошептал Вова, судорожно соображая, а не белочка ли это, в смысле горячка, так как на настоящую белку, как и на любое другое известное ему животное, пришелец не походил.

– Чучик, – ещё раз представился незванный гость. – А разве не видно? – Он смущённо погладил зелёный мохнатый живот.

– Кто бы ты ни был, убирайся немедленно отсюда, а то... – замахнулся хозяин квартиры, дешёвый пластик жалобно хрустнул в его руке.

– Не могу, – с сожалением вздохнул чучик.

– Почему, – оторопел Вова.

– Я несколько тысячелетий ждал в очереди на место жительства и теперь отсюда ни ногой, извините. А то сразу другие займут.

– Другие?

– Чучики, – вежливо пояснил гость.

– А эти другие сейчас тоже приползут? – настороженно осведомился Вова.

– Приползут? Вы имеете в виду – прилетят? Нет, весьма в этом сомневаюсь. Во всяком случае, не в ближайшее время. Я, знаете ли, самый предусмотрительный из себе подобных. Не такой легкомысленный, как некоторые, – не без гордости разъяснил пришелец.

– Что за чертовщина! – рассердился Вова. У него закралось подозрение, что это какая-то идиотская шутка, связанная с Новым годом. Несколько секунд хозяин квартиры и незваный гость изучали друг друга в полной тишине. Первым опустил взгляд и заёрзал чучик.

– А можно задать вопрос? Я понимаю, немного бестактный, но для меня существенно важный... Вы, извините, почему не вымираете?

– Чего? – обалдев переспросил Вова, чувствуя, что от такой наглости у него окончательно портится настроение.

Чучик открыл чемоданчик – мужчина вздрогнул, когда щёлкнули замки, – и достал оттуда нечто по виду бумажное и весьма помятое.

– Вот, – протянул он предмет Володе.

– Что? – хрипло спросил электрик, не понимая совсем ничего.

– Газета, на пятой странице прогноз, большинство живых существ на вашей планете должны были вымереть. Вот число, время... Это наше, а тут сноска на ваше исчисление, – дружелюбно и терпеливо объяснил чучик, протягивая газету мужчине.

Вова, нахмутив лоб, пробежался глазами по странице. Текст выглядел непонятным набором символов, но глаз зацепился за знакомые и вполне понятные цифры.

– Ха! – торжествуя ткнул Вова пальцем в число. – Ошибся, голубчик. Это же почти через неделю – шестое января, понимаешь?

– Действительно? – огорчился чучик. – Ох как неудобно получилось. Я, знаете ли, опаздывать не люблю, вот и перевёл часы немного вперёд.

– Выметайся! – приказал Вова.

Чучик покрепче вцепился в чемоданчик и застенчиво заёрзал.

– Извините, но нет. Куда я теперь подамся? Подожду уж здесь. Вы не беспокойтесь, не помешаю.

– Я тебе сейчас не помешаю! – рывкнул Вова и двинулся к незваному гостю с намерением схватить последнего за шкуру, спустить с балкона и наконец лечь спать. Однако, не дойдя до чучика, Вова наткнулся на невидимое, но ощутимо твёрдое препятствие.

– Ах ты...! – заорал он благим матом, прыгая на одной ноге, и запустил в гостя будильником, который до сих пор сжимал в руке. Пискнув на прощание, последний разбился об прозрачную стену и разлетелся на осколки.

– Хм? – отозвался пришелец, с интересом наблюдая за этими своеобразными действиями.

Вова присел на кровать и задумался, потирая повреждённую ногу. Планировать он не умел и не любил, потому прогноз вымирания на следующей неделе сначала отнёс по принципу «Это ещё когда будет!». Но от боли в ноге что-то в голове начало проясняться, и он озабоченно поинтересовался:

– Слушай, как тебя там...

– Чучик, – услужливо повторил пришелец.

– Да наплевать! Эти прогнозы ваши верные? У наших синоптиков они так себе...

– Восьмидесятипятипроцентная вероятность, – довольно кивнул чучик. – Отличный шанс на новое жилище, такой не каждую тысячу лет выпадает.

– А не написано в твоей газете, что именно должно произойти? Ну, отчего мы выйдем?

– Во время какого-то праздника на главной площади вашего города в полночь один человек взорвёт себя, многие будут убиты и ранены. Правительство расценит это как теракт какой-то

соседней страны и запустит туда бомбу. Это послужит началом длинной цепной реакции, в результате которой вся планета окажется ввязанной в мировую войну, если меня не подводит память, кстати, не первую в вашей истории. В этом вопросе, извините, не силён.

– Третья будет, – механически дополнил прибалдевший Вова, смутно завидуя инопланетным синоптикам. Во блин, как работать надо, а наши и дождь толком предсказать не могут.

– Во всяком случае последняя. К шестому января по местному времяисчислению радиоактивный фон будет очень приятным, как раз то, что нам нужно. А вы вымрете, так что мы друг другу совсем не помешаем, – успокаивающе заметил чучик.

Вова начал нервно ходить по комнате. Конец света через шесть дней... А он ещё очередной взнос за холодильник не сделал. Надо хоть на рыбалку в последний раз вырваться что ли... Нет, неправильные мысли какие-то!

Человечество ему по барабану, вымрут – ну и хрен с ними. А вот самому умирать почему-то совсем не хотелось. Володя даже остановился, с удивлением осознав вещь поразительную:

– А ведь я люблю эту долбанную жизнь! Да и столько всего сделать не успел! А особенно жалко стало каланхоэ. Вова уже и не помнил откуда у него появился этот заморыш-три-листка, но изредка, когда вспоминал о растении и было не лень, выливал в горшок остатки чая и другие жидкости.

– А без меня ведь загнётся зелёный, – пробормотал Вова.

Чучик непонимающе осмотрел свой зелёный мех.

– А если я спасу город, остановлю террориста, то что ты сделаешь? – неожиданно спросил Володя пришельца.

– Спать лягу, – развёл лапками чучик. – Буду ждать, может, второй прогноз сбудется. Сорокапятипроцентная вероятность вашего вымирания через пятьдесят лет.

– И ты тут на пятьдесят лет рассядешься?! – возмутился Вова.

– Ну не срываться же с такого потенциально хорошего места из-за пары десятков лет! – разумно возразил гость. – Впро-

чем, не переживайте, возможно, сбудется уже первый прогноз, и тогда проблема решится сама собой, – попытался он успокоить человека.

Володя схватил в охапку джинсы и свитер и побежал переодеваться в другую комнату. Пришельца он почему-то стеснялся, не в последнюю очередь из-за сомнений, он или она это нечто.

Наскоро всовывая ноги в ботинки, он бросил взгляд на часы. У него оставался час с хвостиком, чтобы добраться до главной площади, найти и обезвредить террориста.

На лестничной площадке он замер, судорожно соображая, как ему доехать до центра. Трамваи и автобусы, наверное, уже не ходят, удастся ли поймать такси – неизвестно. За соседской дверью раздавались звуки оживлённого праздника, наводя Вову на одну идею. Он решительно утопил кнопку звонка. Открыл сосед лично, шумная и весёлая компания продолжала застолье за его спиной.

– Владимир! – обрадовался сосед ему как родному. – Заходи, присоединяйся!

– Да нет, спасибо, я по делу... Слушай, срочно нужны колеса... Я осторожно... Никогда ни о чём не просил... – замямлил Вова.

На лице подвыпившего соседа нарисовалась удивление, тут же сменившееся прозрением:

– Вован! Баба?!

Вова завис на секунду, сообразил, что согласиться, пожалуй, быстрее и проще, чем объяснять происходящее и, слотнув, кивнул:

– Баба.

– Ну Вовик! Ай да молодец! Бери! – и хозяин протянул ему ключи от любимых «Жигулей».

– Спасибо! Не забуду! – от всего сердца поблагодарил он и бросился вниз по лестнице, с удивление мысленно отмечая, что не такой уж и отморозок сосед, каким Вова считал его раньше.

До центра он доехал быстро, благо улицы были почти пустыми. А вот найти место для парковки оказалось делом невозможным, и Володя остановился где попало, махнув рукой на грозящий штраф. Не до того. Осталось сорок пять минут до боя курантов. Он обругал себя, что не сообразил расспросить чучика о подробностях, может тот знал, как выглядит террорист или в какой части площади произойдёт взрыв.

Площадь оказалась, как и следовало ожидать, забита людьми. Они пели, танцевали, выпивали и не подозревали, что скоро станут первыми жертвами конца света. Вернее, конца человечества, ведь, судя по прогнозам чучика, жизнь продолжится, только не их. Играла громкая музыка; оставалось тридцать пять минут.

«Где же искать этого проклятого террориста?» – тоскливо подумал Вова, протискиваясь сквозь плотную толпу. – «Куда бы стал я на его месте?»

И неожиданно ответил сам себе, следуя чутью, о существовании которого и не подозревал:

«В центре, конечно».

Оставалось двадцать пять минут.

Орудя локтями, Володя начал пробиваться на середину площади, где кривенько, но гордо стояла ёлка. Достигнув цели, он принялся кружить вокруг неё – насколько позволяла плотная людская масса, – выглядывая потенциального террориста. Время шло неумолимо. Внезапно, уже второй раз за этот вечер, снова сработала проснувшаяся у Вовы интуиция, и он почувствовал – вот мерзавец, точно. Паренёк в толстом тёмно-синем пуховике мало чем отличался от окружающих, но Володя, не сомневаясь ни секунды, бросился на него, сбил с ног и прижал своим весом к земле. Удерживая запястья террориста одной рукой (откуда только взялись силы?!), другой рванул молнию синей куртки вниз. Почти не удивился, когда его взгляду открылась сеть тоненьких проводов, и закричал, перекрывая шум, царивший вокруг:

– Бомба!!!

Всё это заняло не более пары секунд. Следует отметить, что до сих пор Вовины действия заметили только несколько человек, стоящих вблизи. Но после окрика люди хлынули прочь, раздались крики. Те, кто не понял, что происходит, бежали, повинаясь стадному инстинкту. Зашевелились стражи порядка, до этого втихаря праздновавшие в сторонке. Но Володя понимал, что они слишком далеко, а бомба должна взорваться по прогнозу с минуты на минуту. Профессиональным взглядом опытного электрика он окинул цветную путаницу проводов, игнорируя слабые попытки террориста освободиться.

– Эх, дружок, ну кто же так замыкает? – пробормотал он и дёрнул за жёлтый провод.

Раздался бой курантов.

Как в замедленном фильме сквозь течение человеческих тел наконец пробились мужчины в униформе. На матерящегося террориста надели наручники и увезли, как надеялся Вова, далеко и надолго. Волна паники начала спадать, а ближайшие зрители заплодировали. К счастью, во время хаотичного бегства никто не пострадал.

– Молодец, – хлопнул Вову по плечу мужик с большой звездой на погонах. – Как это ты его вычислил?

Володя очень хотел рассказать правду, но понимал, что его истории о чучике вряд ли поверят.

– Чувство такое было... – неуклюже объяснил он.

Майор кивнул:

– Нам бы побольше с таким чутьём. Ну, с Новым годом!

– С Новым годом! – автоматически ответил Вова. И понял, что ужасно рад, даже счастлив.

К нему подошла симпатичная молодая женщина в красном пуховике и чёрном вязаном берете, из-под которого выбивались светлые пряди волос.

– Какой вы молодец! – с восхищением похвалила она Володю и представилась: – Ольга.

– Владимир, – почему-то покраснел он.

Когда Вова ехал домой, номер телефона блондинки, написанный ручкой на его ладони, приятно горел на коже.

На ветровое стекло начали падать огромные пушистые снежные хлопья. «Красиво-то как!» – растроганно подумал Володя.

Чучик сидел на том же месте, где его оставил хозяин квартиры.

– А! Вот и вы! – казалось даже обрадовался пришелец. – Значит, пока не вымираете? – добавил он уже тоскливей.

– Живём! – бодро заверил его Вова и добавил: – С Новым годом тебя, чудик.

– Чучик, – тактично поправил пришелец и принялся пускать слюни... То есть так показалось сначала.

Жидкость изо рта гостя застывала, превращаясь в паутину, в которую он стал укутываться.

– Это что такое? – осторожно уточнил Вова.

– Спать ложусь, на пятьдесят лет, – объяснил чучик с полным ртом паутины.

– А обязательно здесь? Давай я тебе на антресолях местечко освобожу?

Чучик пожал плечами, показывая, что ему всё равно. Володя быстро выгреб рыбацкие сокровища с антресолей, и чучик забрался туда, не забыв прихватить с собой и чемоданчик. Через полчаса на его месте оказался неподвижный и мягкий кокон.

– Ну и дела! – покачал Вова головой, закрывая дверцу антресолей. – Спи, чудо новогоднее.

С того памятного Нового года началась для Володи новая жизнь. Он прошёл курс обучения и был с распростёртыми объятиями принят в отряд по борьбе с терроризмом. У него действительно открылось то самое чутьё, почти шестое чувство, позволяющее молниеносно распознавать потенциальную опасность и реагировать. Начал тренироваться, завязал с выпивкой, подтянулся и помолодел.

С Олей всё очень серьёзно сложилось. Он даже задумался, что очень неплохо иметь бы сына... или двух. Вова, правда, не

спросил чучика о подробностях, но, очевидно, через пятьдесят лет снова придётся спасать человечество. Кому доверить такое дело, как не им?

Вот только ёлки Вова так и не полюбил, но Новый год праздновал с тех пор исправно, любовно украшая дождиком каланхоэ на кухонном подоконнике.

Андрей КОЛЕСНИКОВ

Самара

Эти тексты принадлежат Андрею Колесникову, но говорить об Андрее, не сказав о его жене Ирине, невозможно, потому они неразлучны не только дома, но и на сцене. Их семейный дуэт – по праву считается одним из лучших в жанре авторской песни.

Сначала об Ирине Колесниковой. По образованию она, как и Андрей, медик. Авторскую песню полюбила с 13 лет. В 1997 году стала лауреатом в номинации «Исполнитель» на фестивале им.В.Грушина, а в 1998 году лауреатом в той же номинации на фестивале «Петербургский аккорд».

Несколько лет выступала дуэтом с Петром Старцевым.

В 2005 году Ирина и Пётр стали лауреатами фестиваля им.В.Грушина, и 2008 году записали совместный диск «Осенний диалог».

В 2012 года начала петь с Дарьей Марченко.

Андрей Колесников научился играть на гитаре в 8 классе и почти сразу начал писать песни. На 3 курсе института написал мюзикл «Провинция», пользовавшийся популярностью в студенческой среде того времени. В 1988 году стал лауреатом Грушинского фестиваля, в 1990 году – лауреатом Ильменского фестиваля. К 2016 году написал более 100 песен. С 1987 до 2007 года пел в дуэте с Артемом Пименовым, в 1991 году записана совместная кассета. С 2010 года выступает в дуэте с Максимом Чикаловым. Работал членом жюри на фестивале

им. В. Грушина и «Платформа», является членом жюри и почетным гостем целого ряда фестивалей: «Агидель» (г.Уфа, Россия), «Песни Булата» (Колонтаево, Россия), фестиваль КСП «Странники» (США), фестиваль KSPUS (Восточное побережье, США) и др. Активно гастролирует по России, США, Канаде, Германии. Является одним из активнейших популяризаторов и меценатов жанра авторской песни в целом и творчества бардов Самарского региона в частности. По его инициативе было создано НП «Союз бардов Самары», целью которого является объединение творческих сил бардов г. Самара для развития и популяризации жанра. Один из организаторов и спонсоров фестиваля памяти С. Анцинова «А в сентябре...» (г. Самара), инициатор проекта поддержки творчества бардов самарского региона «Знай наших!»

Мне посчастливилось несколько раз слушать песни Андрея на фестивальной сцене и вне её.

Вот как очень точно пишет о них Дарья Марченко: «Очень интересные, нестандартные мелодически – эти мелодии потом долго «носишь с собой», напеваешь незаметно для себя. Свежие, удивляющие образы, смелые рифмы, хороший слог – вслушиваясь в тексты, начинаешь вспоминать, что наш язык не только для того, чтобы «продавать и продвигать», но и для того, чтобы выражать нечто большее. А какое жанровое разнообразие! Глубокая искренняя лирика – а многие ли в наш промо-век решаются на подобную открытость? Потрясающее чувство юмора. И вместе с тем – самый дефицитный «продукт» на нашем песенном столе сегодня – песни, где без ложного пафоса, очень аккуратно говорится о тех ценностях, про которые мы как-то стыдливо стали умалчивать: о дружбе, о преданности, о радости преодоления... Песни, которые наконец-то хочется петь ВМЕСТЕ».

Лучше, пожалуй, не скажешь.

Пережить потерю

Пережить потерю может не любой,
Особливо если боль в душе не стихла.
Не было бы счастья, да пришла любовь,
Не было бы горя, да любовь настигла.
Не было бы счастья, да пришла любовь,
Не было бы горя, да любовь настигла.

Может в жизни этой всё случится вновь,
А судьба, как сможет, по местам расставит.
Не был бы богатым, да нашел любовь,
Не бродил б с сумою, да любовь заставит.
Не был бы богатым, да нашел любовь,
Не ходил б с сумою, да любовь заставит.

А беда-разлука тянет свой улов,
Сети уж полнѣхи, только ей всё мало.
Может жил бы дольше, кабы не любовь,
Да вот помер сразу, как её не стало.
Может жил бы дольше, кабы не любовь,
Да вот помер сразу, как её не стало.

Пережить потерю может не любой,
Особливо если боль в душе не стихла.
Не было бы счастья, да пришла любовь,
Не было бы горя, да любовь настигла.
Не было бы счастья, да пришла любовь,
Не было бы горя, да любовь настигла.

Лодочка

Велика волна малой лодочке,
Светел день, ночь темна,
А беда посерёдке

А судьбу прости,
Что сулит напасть.
Коль беды не вкусил,
То и счастье не всласть.

И от страсти сгинь,
Коли суждено,
Без любви что за жизнь,
Так; название одно.

Велика волна малой лодочке,
Светел день, ночь темна,
А беда посерёдке.

Полочка

У судьбы свои козни и причуды,
Не ропщи на долю, Бога не гневи.
Ты храни в душе полочку для чуда,
Уголок – для счастья, ларчик – для любви.

Можно долго ждать вещего конверта,
Верить, что по вере выпадает счет –
Ведь не зря Творцом путь наш предначертан,
И тебя однажды к ней он приведет.

А она живет рядом, по соседству,
Просто не сложилось знать ее тебе.
Но замрет душа, и подскажет сердце
В миг, когда ты встретишь взгляд ее в толпе.

У судьбы свои козни и причуды,
В радости – откройся, в горе – не реви.
Ты храни в душе полочку для чуда,
Уголок – для счастья, ларчик – для любви.

Сердце

1.

Хвастать грехами –
Дело пустое.
Трогать руками
Сердце не стоит.

Доброе ль, злое,
Лёд или пламень,
Сердце – живое!
Сердце – не камень.

Припев:

В жизни любой,
Некуда деться,
Все – через боль,
Все – через сердце.
Спрятан в груди
Тот молоточек,
Что без любви
Биться не хочет.

2.

Хмелем поманит
Пьяна водица.
Сердце – не камень,
Может влюбиться.

Вьётся кругами
Гордая птица.
Сердце – не камень,
Может разбиться.

Припев:

В жизни любой,
Некуда деться,
Все – через боль,
Все – через сердце.

Спрятан в груди
Тот молоточек,
Что без любви
Биться не хочет.

Виктор ТАГИН

Штутгарт

Виктор Гагин – исполнитель в жанре авторской и самодеятельной песни, городского фольклора и романса, русского шансона, автор песен на собственные тексты и на стихи других поэтов. Лауреат песенных фестивалей имени Валерия Грушина 1987 и 1995 гг., Всесоюзных фестивалей песни, лауреат премии Коми комсомола примерно 1992 года, член жюри Международных фестивалей авторской песни «Санкт-Петербургский аккорд» 1996, 1998, 2000 гг. и т.д.

Вышло четыре альбома песен в исполнении Виктора, а может быть, и больше...

Тексты песен Виктора Гагина публиковались в коллективном поэтическом сборнике «Активированный день. Стихи воркутинских поэтов. 50 лет Воркуте». Воркута, 1994, а также в различных песенных сборниках.

ГРИБЫ НА КОЖИМЕ

Слова и музыка – Игорь Григорьевич ДЕЛОВ.

Мелодический вариант – Виктор Гагин.

Серёга, упоминаемый в песне, это Сергей Владимирович Шеркунов, воркутинский автор и исполнитель. По словам автора, Сергей всё время по-дружески пытался вытащить Игоря на природу, совершить какой-нибудь хотя бы небольшой для начала турпоход, приобщить товарища к радости общения с девственной природой Приполярного Урала, а Игорь, домосед и лежебока, сибарит, урбанист и ценитель благ цивилизации, всячески уклонялся от подобной участи. Коми республика, надо сказать, богата лесом, углем, нефтью, газом, горным хрусталём, лагерями с заключёнными, и так далее, а на севере её бежит золотоносная река Кожим – излюбленное место отдыха туристов и охотников, рыбаков и грибников. В итоге Игорь сочинил песенку о том, как он гипотетически выбирался на природу, на эту самую реку Кожим, и на этом счёл тему исчерпанной – закрыл тему. Песенка написана автором в 1994 году или раньше.

Виктор Гагин

01. Мы с Серёгой на Кожиме за грибами шли да шли
шли с корзинами большими – жилу золота нашли!
02. Накопали двести грамм, накопили триста...
Приближаются тут к нам тридцать два чекиста:
03. пожурили, отобрали, но расстреливать не стали –
у меня коронки сняли, у Серёги обручок.
04. И пошли мы по Кожиму, не сочувствуя режиму...
И на серебряную жилу вывел Серый-старичок!
05. Накопали двести грамм, накопили триста...
Приближаются тут к нам сорок два чекиста:
06. пожурили, отобрали, но расстреливать не стали –
с Серого кожанку сняли и с меня, заразы!..
07. И решили, что домой побежим мы сразу,
но тут споткнулся я ногой прямо об алмазы!..
08. Накопали двести грамм, накопили триста...
Приближаются тут к нам пятьдесят чекистов:
09. пожурили, отобрали, но расстреливать не стали –
майку и сандали сняли, выдали лопаты...
10. Мы с Серёгой твердили: «Грибники мы!» Нас побили,
но домой не отпустили, гады! Ну да ладно...
11. За колючкой мы ночуем, по тайге с кайлом кочуем,
медь и никель носом чуем, о семье скучаем...
12. Вот богатая какая наша Родина большая!
За грибами шли, не зная, а теперь вот знаем!..

Грибы на Кожиме

Слова - Игорь Григорьевич Делов. Мелодический вариант - Виктор Александрович Гагин.

Нотная запись, текстовая редакция - Виктор Гагин (программа MuseScore)

Живо

1. D^6 $D^{dim}D^6$ $D^{dim}D^6$ D^6 Fm^5b $A^5\sharp$ D^6
 Мыс Се-рё-гой на Ко-жи-ме

$D^{dim}D$ $D^{dim}D$ Em^7 $D\sharp m^7$ Em^7 $D\sharp m^7$ Em^7
 за гри-ба-мишлида шли,

A^7
 шли с кор-зи-на-ми бол-ши-ми -

$E\backslash A^7b$ - B^7 A^7 $6b$ Dm $A\backslash G\sharp$ Dm $A\backslash G\sharp$ A^7 $3\sharp$ $A^5\sharp$
 жи-лу зо-ло-та наш-ли!

2. Dm Dm^5b Dm Dm^5b Dm
 На-ко-па-лидвес-ти грамм.

Gm $Gm^7\sharp$ Gm $Gm^7\sharp$ Gm C^7
 На-ко-па-литрис-та. При-бли-жа-ют-ся тутк нам

C^7 F A^7 3. D^6
 трид-цать два че-кис-та: по-жу-ри-ли, о-тоб-ра-ли,

Em^7 A^7
 но рас-стредли-вать не ста-ли - у ме-ня ко-рон-кисня-ли, у Се-

Em^7 $A^5\sharp$ D^6 A^7 $6b$ Dm
 рё- ги об-ру-чок. //зна-ем!

Мелодии 10-го и 11-го куплетов соответствуют мелодии первого куплета.

Дал переводчика Д

Матьяна ЛЕШКЕВИЧ

Иркутск

Из Эдварда Лира

(1812–1888)

(с английского)

Сватовство Йонги-Бонги-Боя

I

Там, на острове Гремучка,
Где шумит морской прибой,
Жил в ограде без калитки
Некто Йонги-Бонги-Бой.
Стульев стареньких две штуки,
Полсвечи, кувшин без ручки –
Вот и все его пожитки:
В той ограде без калитки
Все свои хранил пожитки
Некто Йонги-Бонги-Бой,
Некто Йонги-Бонги-Бой.

II

Раз, по берегу гуляя,
Где шумит морской прибой,
К той скале, что мхом одета,
Вышел Йонги-Бонги-Бой.

Кто-то, куриц подзывая,
Ворковал, не уставая.
– Леди Джингли Джоунз это!
У скалы, что мхом одета,
Леди Джингли Джоунз это! –
Молвил Йонги-Бонги-Бой,
Молвил Йонги-Бонги-Бой.

III

– Леди Джингли! Леди Джингли!
Здесь, где так шумит прибой,
Будьте вы женой моею, –
Молвил Йонги-Бонги-Бой.
– Так устал тут жить один я,
Этот край такой пустынный!
Станете женой моею –
Я улучшить жизнь сумею.
Будьте вы женой моею! –
Молвил Йонги-Бонги-Бой,
Молвил Йонги-Бонги-Бой.

IV

– Здесь, у острова Гремучка,
Крабы плавают гурьбой,
Мы легко прожить смогли бы, –
Молвил Йонги-Бонги-Бой.
– Стулья есть, пускай две штучки,
Полсвечи, кувшин без ручки,
Волны в море, словно глыбы,
Здесь дешёвой много рыбы,
Мы в любви прожить смогли бы, –
Молвил Йонги-Бонги-Бой,
Молвил Йонги-Бонги-Бой.

V

Отвечала леди грустно,
Овладев с трудом собой:
– К сожаленью, не сумею,
Мистер Йонги-Бонги-Бой.
Точно так же мир мой пуст, но
(Нервно пальцами прихрустнув)
Мужа в Англии имею
И за вас пойти не смею.
Мужа я уже имею,
Мистер Йонги-Бонги-Бой,
Мистер Йонги-Бонги-Бой!

VI

Мистер Джоунз мой в отлучке,
Вдаль заброшен он судьбой –
Кур разводит за морями,
Мистер Йонги-Бонги-Бой.
Сохраните эти штучки:
Полсвечи, кувшин без ручки –
Мы останемся друзьями,
Джоунз кур пришлёт – семья мы, –
Поделюсь тотчас же с вами,
Мистер Йонги-Бонги-Бой,
Мистер Йонги-Бонги-Бой.

VII

Вы совсем не вышли телом,
Не следите за собой,
Шляпу так сейчас не носят,
Мистер Йонги-Бонги-Бой!
А теперь, для пользы дела,
Заявить хочу вам смело:

Вас в мужья никто не просит!
И чего вас черти носят?
Вас в мужья никто не просит,
Мистер Йонги-Бонги-Бой,
Мистер Йонги-Бонги-Бой!

VIII

По обрыву, словно птаха,
Вниз, где плещется прибой,
Прямо к морю-океану
Мчался Йонги-Бонги-Бой.
В бухте грелась черепаха,
Подбежал он к ней без страха:
– Друг, побудь катамараном!
Завтра, с утренним туманом,
Быть хочу за океаном! –
Молвил Йонги-Бонги-Бой,
Молвил Йонги-Бонги-Бой.

IX

Через штормы, через штили,
Панцирь оседлав рябой,
Увозя воспоминанья,
Ехал Йонги-Бонги-Бой.
Вдаль неслись морские мили,
Острова навстречу плыли.
– Леди Джоунз, до свиданья! –
Вот и всё, что на прощанье
И без капли состраданья
Крикнул Йонги-Бонги-Бой,
Крикнул Йонги-Бонги-Бой.

X

Леди с острова Гремучка
Вдаль с горы глядит с мольбой.
До сих пор она не знает
Где же Йонги-Бонги-Бой.
И на острове Гремучка
Слёзы льёт в кувшин без ручки,
И всё плачет, и рыдает,
Курицам зерно кидает,
И всё думает-гадает,
Где же Йонги-Бонги-Бой,
Где же Йонги-Бонги-Бой.

Лимерики

Знаю я одного старика.
Постарел он у кнопки звонка.
В дверь звонил ночь и день,
Неужели вам лень
Дверь открыть на звонок старика?

Один вредный старик из Уэста
Был замечен в жилете прелестном.
На вопрос: «Как жилет?»
Отвечал: «Хуже нет!»
Этот вредный старик из Уэста.

Жил на свете испанец один,
Беззаботный такой господин.
Сел, не зная тревоги,
И задрал кверху ноги
Этот странный на вид господин.

Одна старая дама из Праги
Преисполнилась редкой отваги;
На вопрос: «Это ложка?»
Отвечала: «Немножко!»
Эксцентричная дама из Праги.

В Парме некогда жившая дама
Постоянно молчала упрямо.
На вопросы – ни «да» и ни «нет».
Лишь глазами сверкала в ответ
Эпатажная пармская дама.

В Патни жил необычный старик:
Пауками питаться привык.
Ел их с чаем у моря
И не чувствовал горя.
Это был тот ещё озорник.

Как-то раз один житель из Гретны
Сиганул в кратер тлеющий Этны.
Кто-то ахнул: «Вот жуть!»
А из пекла «Ничуть!»
Крикнул старый обманщик из Гретны.

На нос дедушке стаи пичуг
Опускались, как будто на сук;
Но летели все прочь
В наступавшую ночь.
Отдыхал дедов нос от пичуг.

Вопросил один старый чудака:
«Убежать от коровы мне как?»
Сяду-ка на заплот,
Улыбнусь во весь рот
И задобрю корову вот так».

У почтенного жителя Дина
На обед была только маслина.
«Больше съесть не могу,
Силуэт берегу», –
Говорил мудрый житель из Дина.

В Брее бодренький жил старичок.
Днём и ночью он пел, как сверчок,
Своим уткам и свиньям
И кормил их ботвиньей.
Вот такой в Брее жил старичок.

Старец некогда в Уэре жил.
На медведе проехать решил.
На вопрос «Ну и как?»
Он ответил: «Пустяк!
Ведь медведь не скакал, а трусил!»

Жил да был себе в Файфе старик
И однажды вдруг как-то поник;
Ему спели балладу,
Поднесли лимонаду,
И воспрянул немедля старик.

Одна юная дама в России
Принималась кричать в истерии,
Всех разя наповал –
Так никто не кричал,
Как кричала та дама в России.

Жил один старичок на Камчатке.
Его пёс был толстенным, как кадка,
Но с походкой солидной,
Откровенно завидной
Для всех толстых собак на Камчатке.

В Тринге с дедом случился курьёз:
Он украсил колечком свой нос
И глядел на луну
Весь июнь потемну́,
Завороженный магией грёз.

Старичок из селения Бёртон
Был в словах своих крайне нетвёрдым.
На вопрос «Как дела?»
Отвечал «Добела!»
Бедный дед из селения Бёртон.

Дед с бородкой, устав от ходьбы,
Сел на лошадь, а та – на дыбы.
А ему: «Не беда!
Упадёшь вон туда.
Не уйти, борода, от судьбы».

Одна женщина в городе Тире
Всё водила метёлкой по лире.
И при каждом аккорде
Тихли ветры во фьорде
И добрели все жители в Тире.

Рената **ВОЛЬФ**
Дуйсбург

Из Норберта Лойшнера
(1948–2013)
(с немецкого)

* * *

Поэтам не нужны дома
не нужен замок на природе
не нужен городской пентхаус

поэзия может
жить под мостом
в туннеле метро
может ехать в электричке
или в вагоне для скота

дух витает не только
над лощеными тетрадами
но и над
исписанными полями газет

* * *

В мире
полном атомных бомб
трудно защитить себя
луком и стрелами

и все же слова
часто более
разрушительны

Самое важное
в жизни даётся даром
поля и леса
улыбка женщины
чудо времени
тяга к теплу
солнце на пляже
любовь ко всему
аромат цветка
познание счастья
звучание скрипки
чего тебе еще не хватает

Ты что-то потерял
долго искал
и вдруг пропажа нашлась

ты поднял находку
и хочешь так просто
засунуть ее в карман

тогда как ты должен
с большим вниманием
изучить её заново

потому что она изменилась
в этом
потерянном времени

* * *

Любовь
делает из нас
ангелов
только с одним
крылом

мы нужны друг другу
если хотим взлететь

* * *

Если бы ты
была дождевой каплей
я бы вывернул
свой зонт наизнанку

может быть ты
попала бы в него

подай только знак
чтобы я среди всех других
тебя снова нашел

* * *

Звезды светятся
даже если
я их не вижу

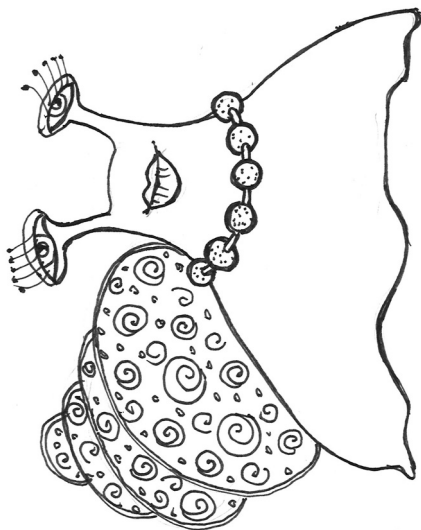
я знаю
что ты меня любишь
и даже тогда
когда взглядом
меня задушить готова

В моем
улиточном домике
есть еще место

место у стола
место в постели
место у окна
и у камина

в моем
улиточном домике
есть еще место

приходи как-нибудь
загляни
уйти
ты можешь
всегда

Нашел
разорванное фото

на одной половине
отец
на другой половине
мать

а ты

ты тоже
разорван
посередине

* * *

Старый громкий
шкаф и я
мы давно знаем
друг друга

и все больше
сходства между нами

мы оба жаждем
прикосновения

и если это
происходит
мы громко скрипим
петлями

* * *

Долго ждем мы
когда начнется жизнь
которую мы так красиво
придумали

пока когда-нибудь
не обнаружим

вот же она
все это время
уже была

наша жизнь

Ханох ДАШЕВСКИЙ
Иерусалим

Из еврейских поэтов

Иегуда Лейб Гордон
(1830–1892)
(с иврита)

Сестрица Рухама

Что загрустила, сестрица Рухама?
Есть ли под небом сердце без шрама?
Что на щеках твоих розы увяли
Так, словно их пальцы чёрные мяли?
Если возрастает всё, что греховно,
Ты ль насаждала, ты ли виновна?

Не осквернили твоей позолоты
Те, кто излил на тебя нечистоты.
Встань же, разгладь поскорее морщины –
Скорбные знаки, наследье кручины.
Нет на тебе ни бесчестья, ни срама –
Тебе ли стыдиться, сестрица Рухама?

Кто кровью твоею испачкан – ответит!
Так Авеля кровь лоб Каина метит.
Пылает клеймо, знак позора не скрытан:
Он в кожу убийцы навеки впечатан.
А ты свои раны по миру упрямо
Неси, не склоняясь, сестрица Рухама!

Неси, не стыдясь, свою тяжкую долю.
Мы вместе с тобой устремимся на волю.
Встань и пойдём: ни спасенья, ни чуда
Мы не дождёмся... Скорее отсюда!
От злобного воя, от гнусного хама...
Воспрянь же душою, сестрица Рухама!

Встань и пойдём! Материнский не прочен
Дом наш, и кровью порог оторочен.
Не будет нам здесь надёжного крова –
Пойдём же туда, где примут любого.
В приюте гонимых, вдали от бедлама
Рассвета дождёмся, сестрица Рухама!

Встань и пойдём! Даже в день непогоды
Там согревает сиянье свободы
Всех, угнетённых наветом и ложью,
Всех, сотворённых по Образу Божью.
Там ты посмотришь честно и прямо
Миру в глаза, сестрица Рухама!

Хаим Нахман Бялик
(1873–1934)
(с иврита)

Пустыня сердец

Мезуза висит у дверей ваших криво,
В пустыне сердец ваших демоны пляшут,
К тщете увлекают вас радостью лживой,
На празднестве буйном знамёнами машут.

Неведомо вам, что таится в пустыне
Отчаянье – сторож, невидимый взору.

Хранитель отвергнутой вами святыни
Метлой он прогонит глумливую свору.

Тогда огонёк ваш последний потухнет,
И встанет разбитый алтарь сиротливо,
И там, где ваш храм опозоренный рухнет –
Там кошка в руинах завоет тоскливо.

Яков Фихман
(1881–1958)
(с иврита)

Шуламит¹

Ты – Шуламит! Голубка молодая!
Одна в саду забыта, и в тоске
Душистый мёд лесистых гор вдыхая,
О друге гредишь в каждом уголке.

Твой гнев пылает, братьев догоняя,
А те смеются, скрывшись вдалеке;
И ранит мир краса твоя, сверкая,
Как острый меч в протянутой руке.

День опалил твой лик, созрела мгла
В тени твоих грудей, и ночь легла,
И пряный аромат в саду расцвёл.

Как до сих пор не встретился с тобой
В горах твой друг?! Ведь зов весенний твой
Всю землю Иудеи обошёл!

¹ На сюжет «Песни Песней».

Ури Цви Гринберг
(1896–1981)
(с иврита)

Стихи, написанные вдали от дома

Дом-гнездо я построил для детей и жены,
и сосну посадил я – нет выше сосны
в том лесу, где стреляют и зверя, и птицу.
И олива пророков посажена мной,
но пришло моё время – войду в колесницу
в предосеннюю пору, когда падает зной,
и умчусь далеко от калитки родной.

Я в тот солнечный лес возвращусь на заре,
где заветное имя любимой моей
тонким лезвием вырезал я на коре;
и оно – словно лезвия первых страстей,
тонко ранящих сердце, рубцы оставляя в груди...
Режут лезвия те, пока жизнь ещё вся впереди.

И приду я к потоку, как в юные дни,
на лесную поляну, где голые пни
вместо сосен стоят, и пошлю поцелуй
дорогому журчанью серебряных струй.
Он коснётся воды, словно рой лепестков,
словно птичье крыло, словно пух облаков.
И божественный свет поцелуем небес
в том ручье засверкает, бегущем сквозь лес
и звенящем прохладным своим хрусталём.
И стихи зародятся и вспыхнут потом
семицветною радугой в сердце моём.

Может, дождь с ароматом бальзама пройдёт,
в то мгновенье, когда я присяду на пне.

И медовую влагу прольёт небосвод,
и рубашка льняная намокнет на мне.
Подожду я, дождём орошённый, пока
разноцветными станут в огне облака,
и счастливые ласточки стаяй густой
устремятся к завесе зари золотой.
Не сумеют они одолеть этот путь,
чтобы в золото клювы свои окунуть,
и вернуться: уснувшие ветви встряхнуть...
А любимые будут всё время со мной,
но до них не смогу дотянуться рукой.

Перец Маркиш
(1895–1952)
(с идиш)

Твоя слеза

Меня к земле твой пригибает взор,
И прерывает мой повинный лепет.
В твоих глазах – мой суд и приговор,
А между век слезы прозрачной трепет.

В твоей слезе есть свет и глубина.
Она – сосуд, наполненный до края.
Не облик мой в ней отражён – вина.
Дрожит слеза, обиду не прощая.

Она не разобьётся, как хрусталь,
Но на ресницах будет серебриться.
В ней целый мир растёт и вширь и вдаль,
Её секрет в твоём зрачке таится.

Владимир АВЦЕН
Вунперталь

(с немецкого)

Август Генрих Гофман фон Фаллерслебен
(1798–1874)

Дорога в школу

Зимой, когда морозно,
Зимой, когда пурга,
Тогда дорога в школу
И вправду далека.

А прокричит весною
Кукушка из леска,
Тогда дорога в школу
Действительно близка.

Я обожаю школу
И честно вам скажу:
Туда в любое время
Я с радостью спешу.

Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!
– Вы здесь мёда не ищите,
вы на луг и в лес летите!
– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Там вас ждут на каждой кочке
ароматные цветочки!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Потрудились вы не даром,
возвратились вы с нектаром!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– В Рождество о вас мы вспомним –
мёдом блюдечки наполним!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

– Будут в праздник, без сомненья,
и медовые печенья!

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим

– Ж-ж-жим, ж-ж-жим, ж-ж-жим! –
мы везде жужжим!

Фридрих Рюкерт
(1788–1866)

Последнее украшение

Хочу, когда наступит смертный час,
Я стать цветком, украсившим могилу,
Чтоб та, что губит жизнь мою сейчас,
Его сорвав, опять меня сгубила.

Хочу, чтоб вы, живого не любя,
Хоть жизнь мою собою украшали,
Умершим мной украсили себя,
Не ведая, какой цветок сорвали.

Эдуард Готлиб Амтор
(1820–1884)

Когда бы я Всевышним был

Когда бы я Всевышним был,
то в мощь во всю свою
я б первым делом сотворил
огромную бадью.
В бадью размером в целый мир,
налил бы я вина
и, пригласив себя на пир,
всю выпил бы до дна.

Когда бы я Всевышним был,
пусть даже в стельку пьян,
вторым бы делом сотворил
огромнейший стакан.
Стакан до самой до Луны
и круглый, как Земля,

вы это тоже знать должны –
его бы выпил я.

И если бы в похмелья час
я возжелал вина,
но сколько бы бадью ни тряс,
не булькнула б она –
я на колени бы упал
и Бога б стал молить,
чтоб он ещё разочек дал
Всевышним мне побыть.

Христиан Моргенштерн (1871–1914)

Шнауцер и Мурка

Тра́мтата, тра́мтата, тра́мтататаш –
где наша мурочка? Где пёсик наш?

Пёсик у печки улёгся ничком
лизет он лапки свои язычком.

Чистит жакетик, присев у окошка,
наша любимица – юная кошка.

Тра́мтата, тра́мтата, тра́мтататайка –
с лестницы медленно сходит хозяйка.

Что ожидает от женщины кошка?
Шерсти клубок. – Ты права, моя крошка!

Серый клубочек похожий на мышку,
очень порадовал мурку-малышку.

Детка моя, а теперь угадай-ка,
что дарит пёсику наша хозяйка?

Правильно! Новый ошейничек модный
с надписью: «Пёс – бородатая морда».

Тра́мтата, тра́мтата, тра́могурец –
тут и истории нашей конец.

Ласка-эстет

Я речь поведу
об изысканной ласке,
сидящей на камне в пруду
в водолазке.
Такую в при-
роде
найти нелегко?
Могу рифмы
ради
я и не тако...

Забор

Жил-был с прорехою забор,
даря согражданам обзор.

Шёл архитектор мимо, за-
бор бросился ему в глаза.

Дыру он вынул, а потом
построил из прорехи дом.

Сплошной забор, стоящий тупо,
никчёмно выглядел и глупо.

Дыру напуганный Сенат
потребовал вернуть назад.

Но архитектор наш легко
сбежал в Афри-Америко.

Медведь

Перед берлогою медведь
сидит, расставив ноги,
он не боится никого
берлоги на пороге.

«Дом – крепость», – думает медведь
и, изловив шмеля,
блаженно лижет из него
медок здоровья для.

Но Клаус прячется ж не зря
в кустах три дня подряд –
тебя он словит и свезёт
в ближайший зоосад.

Семья филинов

На ветке дуба папа филин
свой поправляет сапогилин,
на грудке серую блузиху
застёгивает филиниха,
и чистит зубы филинёнок –
благовоспитанный ребёнок.

Приметит Клаус Буррман их,
Прицелится... – и через миг
навек запечатлит кассета
семью во время туалета.

Герр Ложка и Фрау Вилка

Герр Ложка сквозь ухмылку
сказал: «Закройте, Вилка,
рот из дешёвой стали,
мы все от вас устали!»

Сказала фрау Вилка:
«Болван с лицом из цинка,
каких не видел свет,
весь лоск твой, друг любезный,
я коготком железным
сейчас сведу на нет!»

Нож хохотнул: «Умело
ты наглеца поддела!»
А Ложка герр струхнул
и, чтоб избежать взбучки,
он фрау Вилке ручку
галантно лобызнул.

Три воробья

Зима. Три воробышки в ряд
на голой веточке сидят.
Тот справа – Эрих, слева – Франс,
а между ними наглый Ганс.

Живот к животику они
сидят, прикрыв глаза свои.
Их холодят мороз и снег,
но Гансу всё ж теплее всех.

И слышно троим, как сердца их стучат.
Возможно, они до сих пор там сидят.

Зимняя ночь

На башне колокол певучий
издал в ночи призывный звон...
На голос выпала из тучи
снежинка лёгкая, как сон...

Из перьев ангела пушинка,
пространства звёздного каприз,
уселась тихо на карниз
никем не зримая снежинка...

На башне колокол певучий
издал в ночи призывный звон...
На голос выпала из тучи
снежинка лёгкая, как сон...

А вслед за ней легли без звука
Мильон снежинок на поля...
И, как от ангельского пуха,
вся стала белою земля.

И, как от ангельского пуха,
вся стала белою земля.

Воронки

Подруг в лесу накрыла мгла.
Но лунный свет сквозь их тела
всю ночь им освещал везде
дорожки
стёжки
и т.
д.

Йоахим Рингельнац
(1883–1934)

Муравьи

Пошли две гамбургских мурашки
Пешком в Австралию, дурашки.

Но в Альтоне¹ на дороге
У крошек разболелись ноги,

И остальную часть пути
Они решили не идти.

Так быстро рушатся на деле
Благие замыслы и цели.

¹ Альтона – пригород Гамбурга.

Бумеранг

Бумеранг на свете жил,
длинноват немного был.
Улетел, чтобы домой
Возвратиться по кривой.
Зря не ждите! Он сюда
Не вернётся никогда.

Манфред Кюбер
(1880–1933)

Другой берег (пересказ)

Однажды, устав от скитаний,
что время пришло пойму –
от берега лодку отчаю
и парус тугой подниму.

Мне тихий, неведомый голос
на помощь ветра созовёт,
и, штормом гонимая, к дому
по Руру ладья поплывёт.

Из нетей повышли и шлют мне
в дорогу прощальный привет
те, кто до меня проторили
к приюту последнему след.

В песок золотой на рассвете
причалила лодку волна.
Прими своего пилигрима
в родные объятия страна!

Цных уж нет...

Улья ЛИРУЖ
(1938 – 2021)

ЛЮБОВЬ СЧАСТЛИВАЯ...

Трудно писать о любимом, особенно в момент, когда захлёстывает боль от того, что он только что ушёл из жизни. Но видя, какой шквал откликов вызвало сообщение о его уходе, скольким людям он помог, выручил, поддержал, вдохновил, вселил надежду, понимаю, что нужно, во что бы то ни стало, собраться с духом, чтобы сказать о нём.

Строки из биографии:

«Трёхлетним мальчиком в 1941–1944 гг. оказался с мамой в эвакуации в Новосибирске, с 1944 г. жил в Москве. С 1946 по 1956 г. учился в школе-десятилетке №103 и окончил её с серебряной медалью. В 1956 г. поступил на первый курс гидротехнического факультета МИСИ им. В. В. Куйбышева и в 1957 г. ушёл из института со второго курса. В 1957–1958 гг. работал в тресте СТАЛЬМОНТАЖ в качестве «монтажника 4 разряда». В 1958–1961 гг. срочная служба

в Советской Армии в Туркестанском Военном Округе. В 1961–1965 гг. студент МИСИ им. В. В. Куйбышева, факультет КИПС (промышленно-гражданское строительство, конструкторское отделение). С 1965 по 2011 г. работал в ЦНИИПСК им. Мельникова в должностях от инженера до заведующего отделом включительно. С 2011 г. пенсионер. Женат. Жена – Егорова Ирина. Кандидат Технические Наук, Лауреат Государственной Премии Совета Министров СССР, Почётный Строитель России. Поэт – автор 10 поэтических сборников».

За этими впечатляющими, но лаконичными сведениями стоит мощная личность, и в то же время изумительно живой, горячий, отзывчивый, щедрый, любящий человек, с прекрасным чувством юмора, вкусом, эрудицией; кроме таланта конструктора и поэта, наделённый способностью видеть и проявлять в людях всё лучшее, дружить, приходить на помощь в нужную минуту. Рядом с ним было легко и радостно.

Конечно, невозможно уложить в такой краткий формат и тысячной доли того, что накапывает вместе с чувствами и воспоминаниями. Об Илье предстоит ещё писать очень много. Но у нас есть возможность обратиться к самому Лифузу и почитать его стихи. Книги Ильи Леруа неоднократно становились победителями в российских и международных литературных конкурсах (см. раздел «КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ»).

Ирина Егорова

Детская песенка–99

Летит самолётик в далёких горах,
В нём лётчик с улыбкой на пухлых губах.
Он молод, побрит и надушен, –
Он Бог в океане воздушном.

Высокого солнца играющий блик
Порой освещает мальчишеский лик
И чёрный квадратик на карте,
И маленький крестик – в квадрате.

А ниже – земли увеличенный глобус.
По горной дороге петляет автобус.
Там девочка с кошкой – в оконце,
И обе мурлычут на солнце.

И обе, прижмурясь, глядят, как в полёте
Красиво под солнцем блестит самолётик,
И как он, лукаво блефуя,
Из глаз исчезает, бликуя.

И лётчик молоденький солнышку рад.
Он вывел машину в заветный квадрат.
И вот, сквозь помехи эфира,
Он слышит приказ командира.

И плавным движеньем, без дрожи в руке,
Он тумблер включил на приборной доске,
Как делал, когда на ученье
Пускал холостые в мишени.

На горной дороге взорвётся ракета, –
Где кошка, автобус и девочка эта,
Куда на крутом развороте
Уносится юный пилотик...

И где он сегодня, и как поживает, –
Быть может, он водкою душу сжигает,
Быть может, расстался он с миром,
А может быть, – стал командиром...

Из поэмы «Постель»

Юность **Первая женщина**

Темные сени, в избе запах щей и солений,
Свежая брага в стаканах – хмельная и мутная.
Здесь собираются парни окрестных селений,
Здесь появляется женщина эта минутная.

Статные парни и девки напротив – по лавкам
Тесно сидят за уставленным снедью столом.
С каждым стаканом мои опускаются ставки,
И поднимается брага, вставая колóm.

Надо уйти из натопленной хаты в холодные сени
И на крыльцо, чтобы там – в голубые сугробы
Выплеснуть эту окрошку из щей и солений
И успокоить жестокую пляску утробы.

Только вокруг всё предательски зыбко и смутно,
И опрокинуты девичьи лица в оскалы.
Но появляется женщина эта минутная,
Чтобы понять, увести и спасти от провала.

Чтобы потом мне проснуться в предутренней хмари,
В запахах спящего в люльке грудного младенца,
И осознать, что исчезли вечерние хари,
И ощутить её лёгкие руки у сердца.

И разбудить её спящие тёплые губы,
И получить эту влажную сладость крещения,
И возомнить себя сильным и властным, и грубым,
И испросить себе первое в жизни прощенье.

И навсегда с этих пор, как бы жизнь ни сложилась –
Жертвенной будет она, или будет беспутной, –
В сердце твоём остаётся, как высшая милость,
Первая женщина – женщина эта минутная...

Любовь отвегнутая
Льёшься сквозь пальцы рук

Руки мои – аркан.
Тело твоё – бархан,
Бархат песка пустынь.
Шепчешь: «Остынь, остынь...»

Кожи горячий ток
Чувствуют пальцы рук.
Ближе – к виску висок,
Чтобы услышать стук.

Нежность ли это? – Груб.
Рук безразделен час...
Если б изгибом губ
Отдан – иной приказ!..

В грудь – миража жар,
Вся голова – хмель.
Жизнь положу – не жаль:
Только в тебе – цель.

Словно пустынь песок
Льёшься сквозь пальцы рук.
Шёпот стучит в висок:
«Друг – ты мне только друг...»

Любовь счастливая
Шарада

Зеленой лозой винограда –
В ней бродит не сок, а вино –
Загадана миру шарада,
Разгадки, увы, – не дано...

Росток невелик и невзрачен
Болезненно тонок и крив.
Но, боже, как станет изящен
Ветвей его хищный извив.

Тогда – украшение сада –
Он, в самом конце сентября,
Подарит нам гроздь винограда
Прозрачней куска янтаря.

Мы срежем те грозди – и жаль их –
Но верен обычай веков.
Вино молодое – маджари –
Вольется в ленивую кровь.

В нём зной отошедшего лета
И солнечной силы заряд.
И губы твои – до рассвета
Его аромат сохранят.

И тело, подвластное соку,
Вошедшему в плоть из земли,
Раскроется медленно току,
Горячему току любви...

А утром представится взгляду:
В раскрытое настежь окно
Врывается лист винограда –
Прошитое светом пятно.

Алёна АКАТОВА
(1962–2019)

ЖИЗНЬ
ПРОШЕЛЕСТЕЛА,
СЛОВНО ВЕТЕР...

*«... где след любви,
где след воспоминаний»*

А. Акатова

Перед своим уходом она часто повторяла: «Когда меня не будет»... Но я и её друзья не могли в это поверить – и не верим мы до сих пор. Очень трудно писать о ней как о человеке, который нас покинул. И это не так, потому что она незримо с

нами каждый день. Мы читаем её стихи, смотрим на картины, которые она нам дарила, вспоминаем ее шутки и храним её в своих сердцах.

Почти половину жизни провела Алёна в Германии, в Кёльне. Она вышла тут замуж, родила второго сына. Детство самой Алены протекало в Москве, в профессорской семье. Любящие родители, тетя и бабушка, о которой с такой теплотой она вспоминала. Школа с углублённым изучением французского языка, рисование, которому учила мама. И, видимо, отсюда передалась любовь к творчеству Ван Гога. В доме царила любовь к живописи, поэзии и музыке. Чуть позже, повзрослев, Алёна записалась в «Клуб туриста». Сложные походы в горы даже зимой, песни у костра и друзья на всю жизнь – они и теперь в России, Германии и Америке вспоминают неустрашимость Алены в любых ситуациях, которые случались в их походах.

Образование Алёна получила в Москве по специальности молекулярный биолог. Но, мне кажется, что у неё было несколько образований, а уж про хобби и говорить нечего. На её даче благоухали цветы, кусты и травы-приправы, о которых она знала всё. Про грибы, когда мы ездили в лес, она рассказывала так, что мы могли даже уверовать в то, что и мухоморы грибы полезные.

Познакомилась я с Алёной благодаря... Марине Цветаевой. Благодарна до сих пор Лиле Фогельзанг, организатору Цветаевских костров в Германии, именно она дала мне телефон Алены в Кельне. Много лет подряд мы с Аленой ездили в первые дни октября к Лиле, где на горе Тюлленген зажигали Цветаевский костёр. Стоя у костра, взявшись за руки, мы начинали: «Красною кистью рябина зажглась...»

Звучали стихи и самой Алёны. Какие они глубокие, грустные, философские, проникновенные. Она любила осень. Сколько стихов мы прочли друг другу... Алена автор двух сборников стихов. В 2005 году совместно с В. Хохвайсом и М. Зарецкой появился сборник стихов «Настроения». Идея составления сборника принадлежала нашей подруге Лиле Фогельзанг. Печаталась Алёна и в различных альманахах, журналах, антологиях, в том числе в альманахе «Семейка».

У Алёны остались две внучки и внук. Её старший сын, который живет с семьей в Англии, изумительный пианист, а младший пишет завораживающие картины. Алёна рисовала и сама. Несколько выставок с её картинами и инсталляциями проходили в Германии и Москве. А ещё, ещё, и ещё... Ещё Алена учила японский язык и чертила иероглифы, рассказывала мне о значении многих из них. В моей комнате висит на стене её рисунок, тонкой кистью начертаны строки Басё... Алёна любила не только японскую поэзию, но и стихи Мандельштама, Цветаевой. Её любимым писателем был Ф. М. Достоевский.

Алёна умела радовать и удивлять друзей. Немногие знают, что она изумительно вкусно готовила. Собирала книги о кухне разных народов. В один из последних визитов к ней домой я была сражена. На окне её кухни сушились на веревочках... колбасы. Да, да, да, приготовленные моей подругой...

Невозможно остановить мои воспоминания. Нежная. мудрая. сильная, щедрая. Щедрая на внимание и время, которого так часто нам всем не хватает. А она, она его находила для всех!

«Эти шелесты – ушедших речи; ты поставь за них всех свечи...»

За окном дождь, о котором так часто писала в своих стихах Алёна...

Марина Зарецкая

* * *

Алена была человеком с удивительной душой поэта и художника. В чём бы она не выражала себя: в слове, краске, мысли – всё проходило через её чрезвычайно тонкую натуру. Она пыталась соединить несоединимое и у неё это получалось всегда.

Валерий Хохвайс

* * *

Хризантемы и Япония переплетались в поэзии Алёны. Её волновали танка Исикавы Такубоку. Она часами могла рассказывать о его творчестве и читать его танка.

В ночь ухода Алёны мне приснился сон. Она сидела на краю моей кровати и смотрела на меня полными печали и грусти глазами.

Утром мне позвонили и сказали, что Алёна покинула этот мир.

Наталья Герхард

* * *

Однажды Алёна показала мне лист бумаги, на котором был один только иероглиф. Оказалось, она по-японски написала слово «дружба». Её увлечение японским отражается во всём, что она создаёт как живописец и поэт. Если в Алёне сильнее говорит художник, то посланное вдохновение воплощается на холсте, если же в данный момент сильнее поэт – появляется новое стихотворение.

Лиля Фогельзанг

* * *

*Жизнь прошелестела, словно ветер**В роце с облетающей листвой.**И стоят прозрачные деревья –**Молчаливый времени конвой.**Алёна Акатова**Позвонила Марина Зарецкая.**– Володя! У нас горе. Умерла Алёна.*

Как часто бывает в таких случаях, кроме выдоха «о, Господи!», сразу ничего и не скажешь... Слова и мысли приходят потом. А ещё – воспоминания. Одно из них о треволнениях, связанных с выходом в свет сборника «Настроения» и моей вины перед его авторами...

2005 год. Творческое объединение АртеЛьВАМ, где В – поэт и художник Валерий Хохвайс, А – поэт и художник Алёна Акатова, М – поэт Марина Зарецкая, Л – вдохновитель, составитель и автор послесловия Лиля Цибарт (впоследствии Фогельзанг), задумали выпустить сборник стихов «Настроения». Лиля Цибарт и Марина Зарецкая, с которыми до этого мы не были знакомы, обратились ко мне с просьбой переговорить с донецкой типографией о возможности размещения у них этого заказа: при отличном качестве печати стоимость работ там была значительно ниже, чем в аналогичных германских. Я легкомысленно согласился, позабыв о своём еврейском счастье... Созвонился и списался с типографией, отослал туда подготовленный авторами макет. В одну из осенних пятниц я подрядился встретить автобус с тиражом, чтобы на следующий день привезти «Настроения» на Цветаевский костёр, где авторы пребывали в счастливом предвкушении презентации своей книги... В оговоренное с водителями время позвонил им, чтобы уточнить время прибытия, и услышал, что они обломились, едва пересекли границу Германии, что сломанная машина загнана в какой-то забытый богом бокс, и что сами они отдыхают далеко от этого неприветливого места. На вопрос, что с книгами, мне ответили: «груз в поломатом автобусе»... и отключили мобильник! В ужасе, что у авторов сборника срывается презентация, звоню директору автобусной фирмы, говорю, что готов прямо сейчас ехать поездом за книгами хоть на край света. Начальник мне популярно объяснил, что сегодня пятница, конец дня, и к злосчастному автобусу можно будет добраться лишь на следующей неделе. Но, «успокоил» он меня, в понедельник бесценный груз будет оправлен мне скорой почтой... Шок, который вслед за мной испытали авторы «Настроений», когда узнали о случившемся, трудно передать словами, как и сами слова, которыми они наградили меня в связи со срывом презентации их сборника! Скажу лишь, что книги в итоге ко мне, а потом и к участникам проекта всё-таки попали. Авторы, поостыв, признали, что я оказался в этой истории без вины виноватым, и великодушно меня простили. Свидетельством тому – бережно хранимая мною книжка «Настроения» с их трогательными надписями. Одна из них принадлежит Алёне: «Милый Володя, пусть наши «Настроения» вызывают у тебя только положительные воспоминания... хотя и бывали всякие настроения в процессе... А в будущем, надеюсь, в наших отношениях и в твоей жизни будут только улыбки. Обнимаю. Алёна».

Алёна Акатова оказалась пророком. Несмотря на столь драматическое начало знакомства, в дальнейшем между нами сложились не только творческие, но и добрые приятельские отношения: это и стихи участников сборника, увидевшие свет в моём альманахе «Семейка» (2005, №№3,4); это и мои поездки в машине Алёны и её мужа Рольфа Рёслера на Цветаевские костры (рассказ о седьмом из них «Если костры зажигают...» под псевдонимом Алексей Викторов я разместил в Семейке, 2007, №6); это и организованный мной большой творческий вечер Алёны Акатовой, Рольфа Рёслера, Марины Зарецкой и Карла Хенига в Вуппертальском немецко-русском шпирхгафе (точный год не припомню); это и мои посещения Алёниных художественных выставок в её городе; это и неспешные телефонные разговоры по душам обо всём на свете, инициатором которых обычно была Алёна и которые она так любила (правда, с годами телефонное общение наше становилось всё реже и реже, а потом и вовсе сошло на нет из-за обоюдной занятости и затурканности, а возможно, и по причине болезни Алёны, о которой я ничего не знал)...

Милая Алёна! Пусть жизнь твоя и, как у тебя сказано, «прошелестела, словно ветер», но ты оставила в наших душах тёплый след и свет. Мы тебя помним. Пусть будет тебе земля пухом.

А нам – в память о тебе написанные тобой хокку.

Владимир Авцен

Японские мотивы

* * *

Вот птица летит.
В золочёной раме
вышивка шёлком.

* * *

Опять ночь черна.
Одна я в неё смотрю.
Скверный характер.

* * *

Книги на небе.
Отражение в окне
комнаты ночью.

* * *

Кот засыпает.
Тревожит мурлыканьем
день уходящий.

* * *

Вот дом и уснул.
Лишь бродят мысли мои
в комнатах тёмных.

* * *

Красной герани
светятся так лепестки!
Сегодня туман.

* * *

Мак светит в ночи.
Это упал на него
свет из окошка.

* * *

Цветы на окне.
Они верят, что скоро
утро настанет.

* * *

Белые розы.
Светятся их лепесточки.
Лунные блики.

Нарциссы цветут.
Не зная, что осенью –
время хризантем.

Разбился кувшин.
В ладонях воду несу.
Вчера посадила цветы.

Дым из трубы.
Спешу к очагу гостеприимства.
Ах, это всего лишь туман!

Птица бьётся.
Спутала с озером небо.
Крылья ей не помогут.

Владимир КОЧЕРГИН

(1945–1991)

ВЕДЬ НЕТ ПРЕГРАДЫ ДЛЯ ЛЮБВИ И СЛОВА...

Тридцать лет назад не стало донецкого украинского поэта, члена Союза писателей СССР, обладателя премии имени Бориса Гербатова, автора книг «Переборення», «На межі чекання» и других – Владимира Кочергина.

Стихи его выросли из беды.

Так заманчиво голубела
Гладь пруда возле самых ног.
Прыгнул я... И прошила тело
Боль, как будто стальной клинок.
Захлебнулась верба от крика:
«Покалечился, покале...»
А поэзия, словно лекарь,
Удержала меня на земле.

Неожиданная, как всякая беда, она обрушилась на девятнадцатилетнего парня, жёстко и бескомпромиссно поставив страшный диагноз: неподвижность. За плечами – школа, профтехучилище, год работы на заводе, в настоящем – кровать и четырёхугольник окна, впереди – безысходность и отчаяние. Врагу не пожелаешь... Боль физическая и душевная станут постоянными спутниками его жизни. А вот безысходность и отчаяние Володе помогли преодолеть поспешившие

на помощь люди: родственники, друзья, соседи по посёлку и, конечно же мама, которой он посвятит свои самые проникновенные строки...

В 1967 году ребята из пролетарского райкома комсомола принесли ему недавно вышедшую автобиографическую книгу Владислава Титова «Всем смертям назло», герой которой оказался в схожей ситуации и всему вопреки стал писателем. Книга и её герой поразили Володю, он понял, что это его путь и стал пробовать писать стихи. Через два года послал подборку в газету «Радянська Донеччина». Стихи начинающего автора опубликовали. Сейчас кого-то может удивить то, что русскоязычный человек, никогда до этого не писавший стихов, выбрал для себя украинский язык. Но для нас, его сверстников, в этом не было ничего удивительного. Преподавание в наших школах украинского языка и литературы было на таком уровне, что, общаясь, мы легко переходили с языка на язык, а некоторые и писали на двух языках...

Благодаря публикации о Володе узнали и стали бывать у него члены литобъединения при газете «Комсомолец Донбасса» (кстати, в этой газете, вышла большая статья Ольги Шепитько «Войди в огонь, в котором я горю» о творчестве Кочергина и много лет постоянно печатались его стихи). Неоднократно в его доме проходили выездные заседания литобъединения при местном отделении Союза писателей (руководители Борис Радевич и Елена Лаврентьева). Приходили в его дом донецкие и киевские журналисты и поэты. Часто бывали у него и мы с моей женой, поэтом Светланой Куралех и нашим другом, украинским поэтом Петром Свенцицким. Приносили книги, продукты, оставляли какие-то небольшие деньги семье. Но главное – слушали Володины стихи. Хвалили за удачные, о неудачных тоже не молчали. Особенно полезны были советы Петра. Володя никогда на критику не обижался. Постепенно из его стихов уходили штампы, рыхлая описательность, общие места, и всё напряжённее становилась мысль, всё ярче образность... Смеем надеяться, что и мы тоже внесли в это свою скромную лепту.

Однажды явился к нему бывший земляк, московский поэт Владимир (фамилию не упомяну) с целью перевести стихи Кочергина на русский язык. Переводы напечатали в центральной прессе. Они, увы, оказались слабее стихов... И тогда, обидевшись за Кочергина, я попробовал переводить его сам. Это был мой первый переводческий опыт, который вскоре пригодится мне при переводах с украинского замечательного поэта Леонида Талалая. А до того у меня на свет появились

около 40 переводов Володиных стихов – почти все они опубликованы на страницах газеты «Комсомолец Донбасса». Некоторые из этих переводов – перед вами.

Владимир Авцен

Песня

Опалило сердце жаром,
Обожгло слезою.
«Туман яром, туман яром,
Туман долиною...»
Ой, да не туман то –
Матери кручина:
Как ушёл Иванко,
Так навеки сгинул.
Уж давно окопы
Поросли травой,
Смыло кровь и копоть
Шумных лет водою.
Но течёт кручина,
Течёт-оживает,
Как туман долину,
Сердце обнимает.
То дохнёт пожаром,
То плеснёт волною:
«Туман яром, яром,
Туман – долиною...»

* * *

Как грохочет гроза!
Как сгущается мгла!
Липа руки свои
Аж до туч подняла.
Потемнела в саду
Сочных трав акварель
И опять прилетел
Странный тот журавель.
Он призывно кричит,
Он над садом кружит,
И от крика его
Сон из хаты бежит.
Что за дивный огонь
В нём бурунит весна?
Не синица – с руки
Не берёт он зерна.
Хоть проси – не проси,
Хоть расплясья внизу.
Прилетел из грозы,
Улетает в грозу.

* * *

Поезд отозвался за леском,
Суета и крики на перроне,
И, склонившись спелым колоском,
Ты целуешь мамины ладони.
От заката в небесах пожар,
И шумят днепровские пороги,
И горит подсолнечника шар
На меже надежды и тревоги.

* * *

Сгорают листья,
Как под сердцем радость.
Прохладой потянуло
От земли...
И проплывают н
Над притихшим садом,
И пропадают в небе
Журавли.
А мама,
Провожая их глазами,
Тревожится,
Что труден их маршрут.
Встают воспоминанья
За плечами
И по земле
Солдатами идут...

* * *

Пройдут года, нелёгкие года,
И вёсны отцветут в садах тюльпанами...
И день придёт, подступит день, когда
Я возвращусь домой тропой памяти.
Вот хата. Сад. Трава. На ней – роса.
И запах снега от крахмальной скатерти.
И так струятся нежно небеса
В глазах у матери.

* * *

Сияет день, пронизанный стрижами,
Мальцы щебечут в луговой траве,
Бумажный змей, раскрашенный цветами,
Парит в непостижимой синеве.

Ребятче счастье на незримой нити –
Планетам дальним радостный привет.
Чем больше света и тепла в зените,
Тем меньше в небе места для ракет.

Обелиски

Давно пришили б молнии к земле
Небесный свод, что от неё так близко,
Когда б её держали на себе
Атланты, а не плечи обелисков.

* * *

На небе ни звезды.
Всё ниже тучи.
Исчез за горизонтом отчий дом.
Сломались вёсла,
Волны круче, круче,
И – лодка перевёрнута вверх дном.
Пустынный берег.
Тьма черней, чем ворон,
Спасенья нет от ветра и песка.
Конец пути.
И обступает враг –
Заклятый враг – неверье и тоска.
И всё же я,
Очнувшись на рассвете,
Латаю лодку из последних сил.
А глянет солнце –
Даже быстрый ветер
Не сможет перегнать моих ветрил.

Сонет

Я одолел печали и невзгоды,
Сумел свои сомненья превозмочь,
Усталости отбросил панцирь прочь
И не прошу пощады у природы.

Грохочет бой. Дымятся неба своды.
Ночные птицы ранят криком ночь.
Когда совсем становится невмочь –
Огромное над миром солнце всходит.

Пока держу оружие в руках,
Покамест неразлучен дух с мечтою –
Не властен надо мною ночи страх,

Душа взмывает чайкой золотою
И реет в озарённых небесах,
Над бурей смеясь и над бедою.

* * *

Свиданья чьи-то, чьи-то встречи
Живут в тиши моей души.
Меня минуя, что ни вечер
Девчонка весело спешит.
Куда летит она мечтами?
Кому несёт синь глаз своих?
А между нами... между нами
Тропинки удлинённый миг.

* * *

И снова вечер у дверей.
И шёпот. И ветра чубатые.
И белый конь судьбы моей
Уже гарцует возле хаты.
Пар дышит из ноздрей шальных
И тает в синеве высокой...
А ночь летит на вороных,
Всё ближе, ближе, ближе
Цокот.

* * *

Едва одну перешагну беду,
Как на моём пути преграда снова.
Но я к тебе, любимая, приду,
В твой мир, как в сад, уверенно войду –
Ведь нет преграды для любви и слова.

Перевод с украинского Владимира Авцена

Фото из архива Е. В. Васильевой

Владимир ОРЛОВ (1930–1999)

СЕКРЕТ КОРОЛЯ...

«Кто знает, что такое слава?»... В «весёлые» 90-е прошлого века в Донецке при Рутченковском хлебозаводе открылся магазин, в котором можно было, если было за что (!), приобрести вкусно пахнущую – с пылу с жару – продукцию. Однажды заглянув туда, я обнаружил на стене рукотворный плакат:

*Каравай земли и неба
На твоём столе.
Ничего сильнее хлеба
Нету на земле.*

Расул Гамзатов

Народный дагестанский поэт мог бы порадоваться такой любви к его творчеству, но строки эти к нему не имеют никакого отношения. Они изъятые из стихотворения совсем другого замечательного автора – симферопольского поэта Владимира Орлова. Стих называется «Колосок, и ему как-то особенно «везёт». Лезу в Интернет, чтоб на всяк случай не перевернуть по памяти текст и обнаруживаю милую песенку «Каравай земли и неба» в исполнении детского хора на до боли знакомые слова. Слова-то знакомые, а вот автор... не Орлов. Догадываюсь, что над текстом песенки банально указано имя композитора, и хочется верить, что у него не было дурных намерений, и автор текста не упомянут по случайной небрежности. Однако такие вещи отнюдь не безобидны и чреваты дальнейшей путаницей. Некто в комментариях к песенке интересуется, где взять к ней ноты. Заполучив их он, не подозревая подвоха, будет считать полным автором песни совершенно

другого человека! В одном случае стихотворению по незнанию приписывают чужое авторство, в другом – по небрежности не указывают автора текста песни... Отсюда полшага до плагиата, с чем, кстати, столкнулись после ухода Владимира Орлова его родственники. Подозреваю, что подобные вещи бывали и при жизни поэта. Не случайно же он как-то горько пошутил:

В защиту плагиатора

Плагиатор –
Он не дилетант:
Он не уворует,
Что попало!
В общем, если
Что-нибудь пропало,
Вы должны гордиться:
Вы – талант!

...Вот собирався рассказать о знакомстве с Владимиром Орловым, искромётное творчество которого полюбил когда-то раз и навсегда, а пришлось сперва говорить о совсем других вещах.

Я познакомился с ним в начале 70-х прошлого века. Он был в самом расцвете творческих и физических сил, брызжащий остроумием и лучащийся тем внутренним светом, который исходит от особо одарённых людей. Ему с лёгкостью давались различные литературные жанры – юмор, ирония, сатира, лирика для взрослых и детей; он виртуозно притворялся то Бёрнсом, то в Хайямом, сочиняя стихи за них; был, на мой взгляд, одним из лучших людоведом и душелюбом Евг. Сазоновым – вымышленным персонажем с 16-й полосы «Литературки». Не случайно в 1988 году Владимир Орлов был удостоен премии «Золотой телёнок» «Литературной газеты» («Клуба 12 стульев»). Его стихи становились песнями, превращались в мультики, его пьесы для детей шли во многих театрах страны, в том числе и в Донецком театре кукол. Завлитом там служила моя жена Светлана Куралех. Именно в кукольном я впервые его и увидел живьём, и с тех пор не пропускал ни одного спектакля по его пьесам, писал на них рецензии в местную прессу, а о его стихах сподобился рассказать в столичном «Литообозе». Созданное Орловым превращалось, разумеется, и в книги (вышло около пятидеся-

сяти!). Одну из них «Прочтите взрослым» (издательство «Таврия») Володя, будучи у нас в гостях зимой 1984-го, написал мне. Но он бы не был Орловым, если б не скаламбурил с именем моей супруги:

*Всё, что хочу сказать при Свете,
Я не могу сказать при свете.*

В 2004 и в 2005 годах во втором и в третьем номерах «Семейки» я опубликовал мои любимые детские и взрослые стихотворения поэта. В этом выпуске в разделах для взрослых и детей я снова с радостью обращаюсь к его весёлым, едким, ироничным, нежным, мудрым стихам.

Владимир Авцен

Секрет короля

Жил один король на свете,
Правил кашей и борщом.
Не катался он в карете,
А, как все, ходил пешком.

Восседал он не на троне,
А на старом чурбаке,
Не в сверкающей короне –
Просто в белом колпаке.
Был морщинистым,
Седым.
В общем, был
Немолодым.

Мы спросили:
– Как смогли вы
Год за годом,
День за днём,
Столько лет без перерыва
Оставаться королём?

И король ответил с блеском:
– Тут секрет простой, друзья, –
В нашем деле королевском
Пересаливать нельзя!
Недосол наш – на столе,
Пересол – на короле!

Дым

Вы от меня шарахались
Нередко,
Но не ругаю я
Свою судьбу,
Хотя за то, что
Я бываю едким,
Мне вылетать приходится
В трубу.

Свадьба

Тра-та-та,
Тра-та-та!
Вышла мышка
За кота!
Но она,
Наверное,
У него не первая.

Встреча

– Как поживаете? –
Грустно спросила
Дырка от бублика
Дырку от сыра.

– Я, дорогая,
Осталась одна,
И никому я теперь
Не видна!

– Вот и меня,
Если кто-то встречает,
То совершенно
Не замечает!

– Как же нам быть? –
Обреченно спросила
Дырку от бублика
Дырка от сыра.

– Думаю, чтобы
Спасти положение,
Новое надо
Искать окружение.
Мы ведь бываем
Заметны для глаз,
Ежели есть
Окружение у нас!

Жалобы водяного

Среди ночи тревожно и тяжело
Водяной застонал вдалеке.
– Что с тобою случилось, бедняжка?
Аль чего не хватает в реке?
– В энтой речке хватает всего,
Только нет одного – аш два о!

Разговор

Кто-то ночью
Под кустом
Говорили о том,
О сём.
Утром этот разговор
Повторял
Соседский бор.
Видимо, у кустика
Сильная акустика!

Удивительная лошадь

Удивительная лошадь
В нашем городе живет,
Удивительная лошадь:
Молча ест и молча пьет,
Молча ходит на работу
И ночами молча спит...
Видно, лошадь знает что-то,
Если так она молчит.

Удав

– Мы все друзья,
И все мы братья, –
Сказал удав,
Раскрыв объятья.

Совет

Говорит рысенку
Рысь:
– Ты, сынок,
Жевать учись!
Кто кого
Пережует,
Тот того
Переживет.

Стволы и сучья

Горят стволы,
Теплом обогревая,
Неслышно раскаляясь
Добела.
А сучья,
В небо искрами стреляя,
Трещат всюду,
Но не дают тепла.

Берегите женщину

Губят нас
Различные причины.
Чтоб себя от них
Предостеречь,
Берегите женщину,
Мужчины,
Чтоб она могла
Вас уберечь!

Переводчик о переводах

Переводя со всех народов,
Не зная горя и забот,
Из всех на свете переводов
Люблю почтовый перевод!

Из «неизвестных рубай Омара Хайяма

* * *

Соседи ближе мне день ото дня,
Они теперь мне вроде как родня.
Спасибо вам, строители, за то, что
У них секретов нету от меня!

* * *

Не страшен пес, что лает и рычит
И цепью за оградой стучит.
Опасен тот, кто хвостиком виляет
И до поры до времени молчит.

* * *

От мудрого совета не беги:
Врагов на всякий случай береги.
Когда друзья становятся врагами,
Друзьями нам становятся враги.

* * *

Когда поэт поэту угрожал,
Я до утра молился и дрожал, –
Спасибо тебе, Господи, за то, что
Ты дал ему перо, а не кинжал!

Любой творец плоды своих резцов
Кому-то продает в конце концов.
Бездарность ничего создать не может –
И продает поэтому творцов.

Читатель, не прощай мне чепухи,
Ругай за все огрехи и грехи:
Чем хуже отношение к поэту,
Тем лучше получаются стихи.

Валерий ГОЛЬШЕЙДЕР
(1957–2022)

ЗОЛОТОЙ ФОТОГРАФ

Скоропостижно скончался вуппертальский фотохудожник Валерий Гольшейдер.

Из его фамилии Гольшейдер по чьему-то недосмотру выпали две буквы. По правилам должно быть ГольДшНейдер, что означает Золотой портной. Про то, какой он портной, ничего сказать не могу, а вот фотограф он и впрямь золотой и человек такой же. Я по возможности избегаю слова «был» – оно с ним пока плохо вяжется...

Я знаком с Валерой очень давно, лет, наверно, 20 – целую иммигрантскую жизнь. Однажды, услышав о нём от одного человека нелесную оценку и зная того, кто говорит, понял: Валера – человек хороший, надо подружиться. С тех пор

мы постоянно общались по поводу и без. Совместно с вдохновительницей и активной участницей проекта Ольгой Зуськовой сделали несколько двуязычных информационных календарей о Вуппертале с его замечательными фотоработами. Валера, глядя на мои потуги с текстами, подначивал: «Кому они нужны? Люди всё равно слова не читают, смотрят только картинки!» Вообще он шутил постоянно, хорошо чувствовал слово, любил анекдоты – мы могли подолгу ими друг дружку веселить. Первого апреля по-доброму разыгрывал друзей, меня в том числе. С его слов знаю, что он на полном серьёзе сообщил руководительнице местного «Клуба без маски», что её детище по приказу властей закрывают. На вопрос почему, объяснил, что за название – не может существовать такой клуб в наше пандемийное время! Ну и, конечно, все 10 лет Валера – неизменный фотохроникер наших Вупперлиткафе, за что ему огромное спасибо. Правда, иногда ему за его хорошее от меня, неблагодарного, влетало. Дело в том, что я не выношу, когда читаю стихи перед публикой, чтобы меня снимали. Валера в таких случаях обижался: «Это ж моя работа! Я должен снимать». – «А это моя работа! – возражал я. – Мне щелчки камеры мешают токовать!» Дважды я за это на него отрывался. Один раз прямо на Вупперлиткафе, второй раз у меня дома, когда наш старший товарищ Эммануил Маркович Коган, у которого мы часто все вместе чаёвничали, пришёл с Валерой ко мне в гости с ответным визитом. Эммануил Маркович захотел послушать мои песни. Едва я открыл рот, как Валера извлек из кофра свою неизменную камеру и принялся со всех сторон меня общёлкивать. Я попросил мне не мешать. Валера на минуту затих, но вскоре принялся за своё. И тогда Отелло (в смысле я) рассвирепело, отшвырнуло гитару в сторону и уселось со скорбной миной на диван. Что сделал Валера? Он тут же щёлкнул меня, разобиженного... Ну что с этим взрослым ребёнком поделаешь?! Я расхохотался, взял в руки гитару и продолжил петь. Кстати, говорят, то мое фото – лучшее...

Сейчас о нем много говорят заслуженно хороших слов. Он и, вправду, – очень тёплый, светлый, добрый человек и надёжный друг. Кстати о дружбе. Когда-то я написал на него несколько дружеских эпиграмм.

Про Валеру Гольшейдера:

Немцам

Вот вам один из тех примеров,
Не след о коих забывать,
Каких прекрасных может херров
Вам иммиграция давать!

Клиентам

Гольшейдер – мастер высший класс,
И от него клиенты в шоке:
Годами делает для вас
Из «Г» конфетку – в фотошопе!

Дамам

О нём прошёл в народе глас,
По правде, несколько фривольный:
Мол, если он снимает вас,
То остаётесь вы довольны...

Увы, увы, уже не снимает и никогда не снимет.

И знаете, о чём подумалось? Хорошо, что в его фамилии пропущены две буквы! Потому как Гольдшнейдеров на свете много, а фотохудожник Валерий Гольшейдер – такой один...

Владимир Авцен

Не стало нашего дорогого, бесценного, незаменимого Валерия Гольшейдера. Я не знаю, как мы будем жить дальше без этого человека, без его доброго сердца, открытой души, неиссякаемого таланта и творческой энергии. Такие люди всегда на вес золота. И терять их – невосполнимая утрата. Светлая память!

Марина Хурина

Ушел из этой жизни дорогой и всеми любимый человек.

Говорят, что незаменимых людей нет. Это демагогия чиновников. В реальной жизни всё по-другому. Невосполнимая утрата постигла всех нас.

Валерий Александрович Гольшейдер был тем стержнем, вокруг которого происходило множество важных событий. Как великолепный художник-фотограф он оставил после себя большое творческое наследие. Ему было подвластно всё в жанре художественной фотографии. Многие писатели обязаны ему иллюстрацией своих книг. Много лет нас радовали его

высокохудожественные календари, многочисленные фотоэкспозиции и выставки. А сколько хороших фотохудожников воспитал Валерий в своей жизни. Он по праву носил звание заслуженного работника просвещения Украины.

Страшная болезнь за очень короткое время прервала все его многочисленные творческие планы.

Валера был настоящим, преданным другом и единомышленником. С ним было как-то тепло и уютно. Мы могли часами вести беседы на самые разнообразные темы и не уставали. С тоской Валера вспоминал времена, когда ещё не было цифровой фотографии, а была обычная фотоплёнка и химреактивы. Когда при съёмке фотограф полагался на собственный опыт и знания, а не на программу, заложенную в процессоре. По утверждению Валеры настоящий фотохудожник, имея ящик из-под макарон и кусок фотопленки, может сделать великолепную фотографию. Ведь главное найти сюжет, выстроить оригинальную композицию, правильно выставить освещение и объяснить задачу «объекту» съёмки. Потом фотография тщательно обрабатывается. Здесь в полной мере проявлялось мастерство Валеры.

Технический прогресс принёс в нашу жизнь много возможностей. Теперь все, у кого есть смартфон, считают себя фотографами и выкладывают в интернет десятки тысяч изображений, зачастую уродливых и бессмысленных. А сделать из фотографии настоящее произведение искусства дано уже очень немногим...

Пока мы все будем помнить Валерия и его добрые дела, – он будет жить.

Жить в наших умах, в наших сердцах.

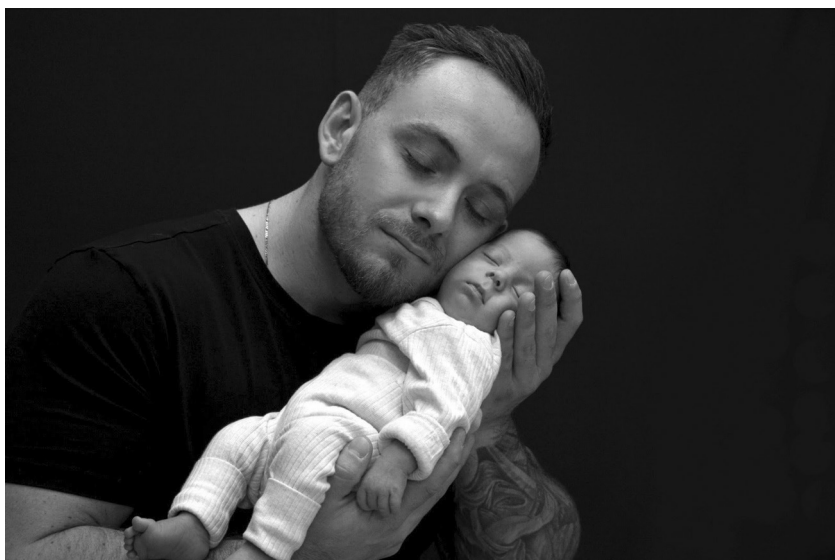
Светлая и вечная память!

Искреннее соболезнование семье, друзьям и товарищам!

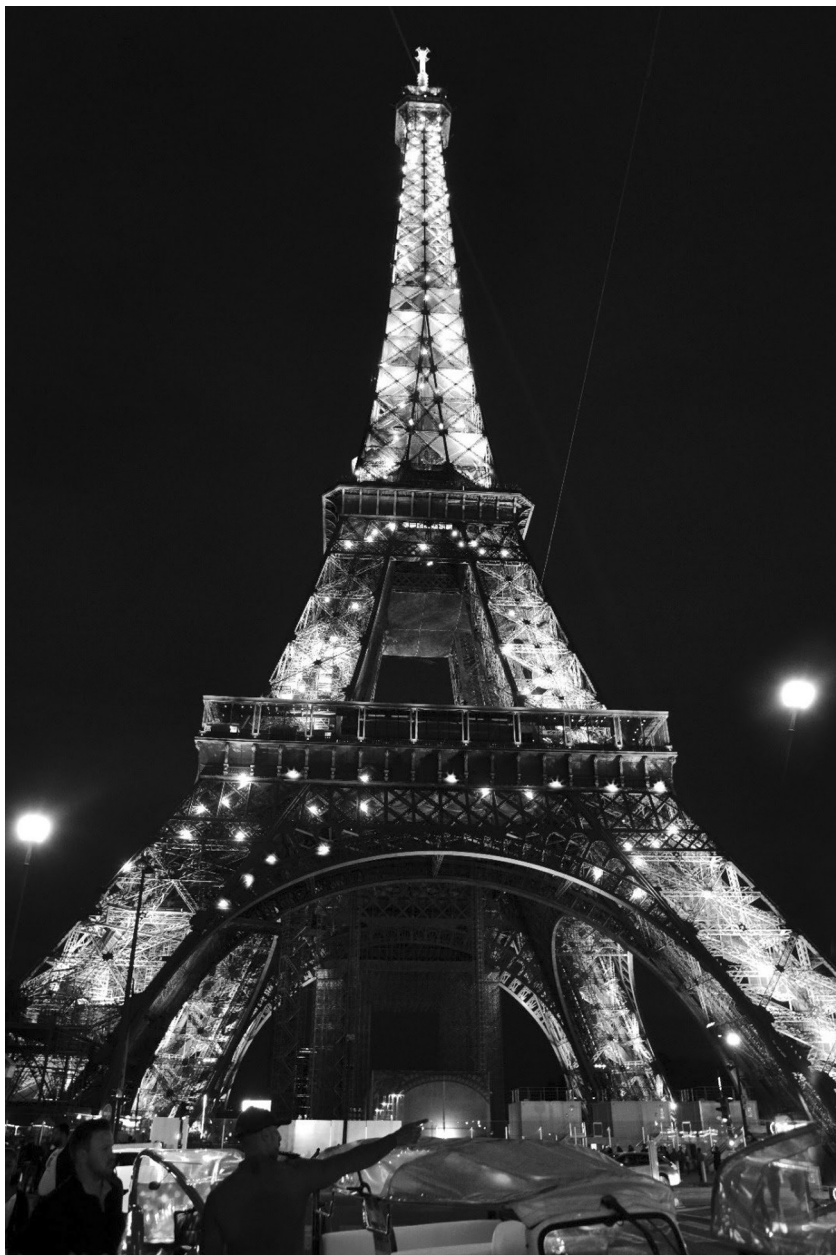
Михаил Розумов

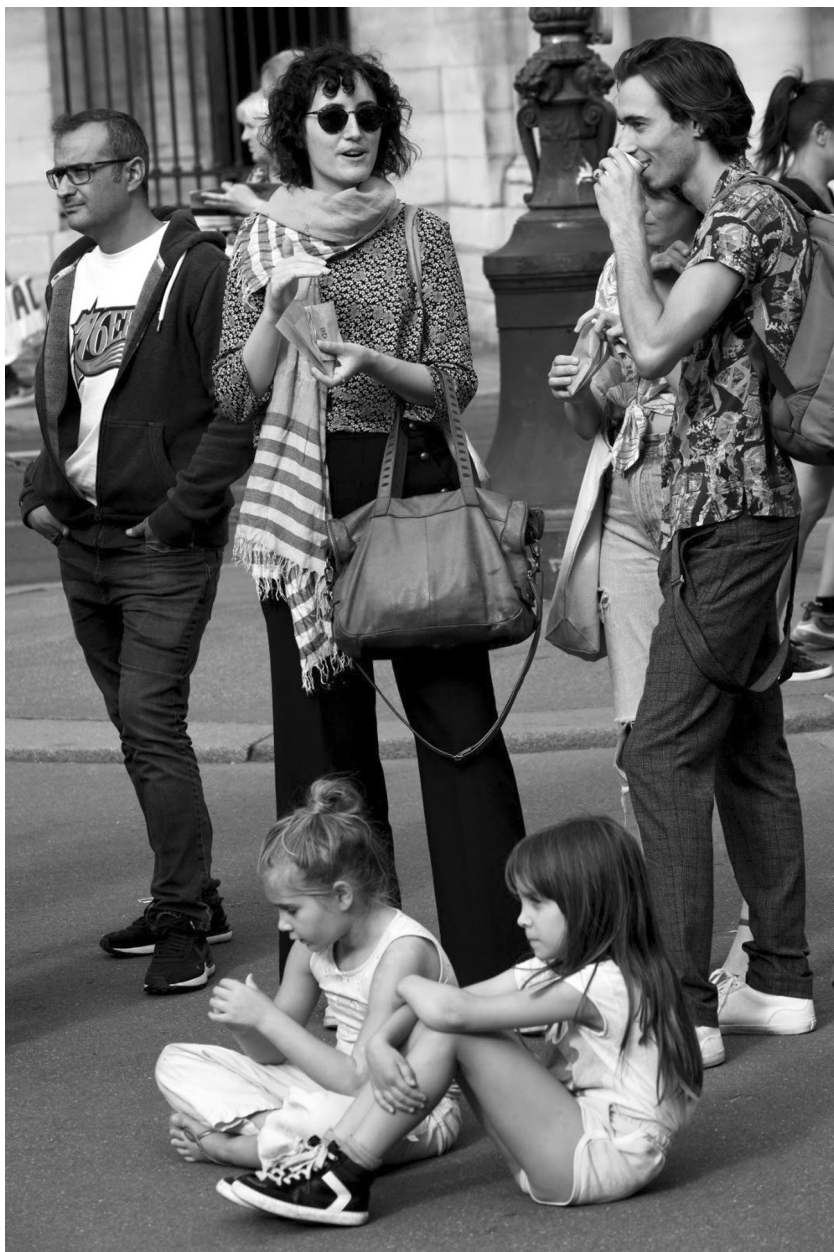

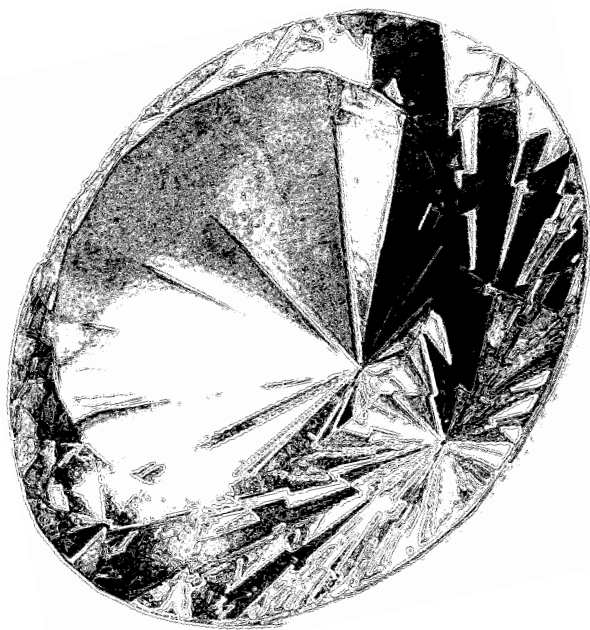

Лёд
и пламень

Семён РИЦ

Вупперталь

РАССТРЕЛЯННАЯ НА ВЗЛЕТЕ ЖИЗНЬ
(Документальный рассказ. Журнальный вариант)

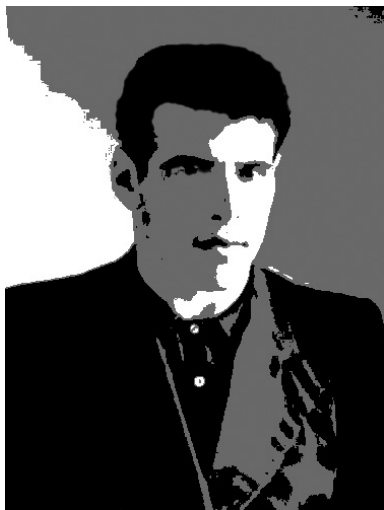
*«Неуважение к предкам – есть первый признак
безнравственности».*

А.С. Пушкин

Взрослая тайна

Многие дети, родившиеся, как я, после Великой победы сорок пятого, зачастую никогда не видели своих бабушек и дедушек. Особенно дедушек...

Родители моего отца, выходцы из еврейского местечка близ Белорусского города Полоцка, были эвакуированы в 1941 году

Семен Моисеевич Айнбиндер
(1902 – 1938)

в Горький. Благодаря этому они избежали страшной участи, оказавшихся под немцами белорусских евреев. Бабушку Марьясю я помню хорошо, а вот дедушку Нахмана Моисеевича Рица (1892 – 1960) – довольно смутно. Я знал лишь, что он работает переплётчиком и часто болеет. Но одну встречу с ним моя детская память сохранила до мельчайших подробностей. Однажды меня, шестилетнего, папа привёл к дедушке, лежащему в постели с закрытыми глазами.

– Дедушка спит? – спросил я.

Услышав мой голос, дедушка приоткрыл веки и что-то произнёс на непонятном мне языке. После чего к нему подошли мои двоюродные братья Лосины — старший Сёма и мой одноклассник Боря, — понимавшие в отличие от меня идиш. Положив руки на голову старшего внука, дедушка стал молиться. Позже папа объяснил мне, что дедушка говорил броху (благословение). Благословив всех внуков, дедушка вновь прикрыл глаза, и тетя Маня, дочь дедушки и мама братьев, отвела нас на кухню. Там бабушка Марьяся обнимала моего плачущего отца. Это был единственный случай, когда я видел папу плачущим... Ночью дедушки Нахмана не стало. После смерти мужа бабушка Марьяся Самуиловна Риц, в девичестве Плаксина (1893–1970), стала жить в семье дочери, помогая Марии воспитывать детей. Баба Юлия, мамина мама, помогала моим родителям поднимать меня, старшую сестру Беллу и младшую Нину, родившейся в год смерти дедушки Нахмана. Частенько в гости к нам приходила бабушкина сестра Нина Евсеевна Шаприцкая, сыгравшую значительную роль в нашей жизни, но об этом чуть позже.

Играя во дворе в войнушку, сверстники хвалились, зачистив сильно приукрашивая, подвигами своих отцов и дедов: «А мой папа ходил в разведку и взял в плен генерала... А мой дедушка убил из пулемёта сто немцев...». Мне в таких случаях приходилось помалкивать, о чём я сильно сожалел. Мой папа рождения 1928 года по малолетству, а дедушка Нахман по состоянию здоровья участие в войне не принимали. Но у меня ведь должен быть ещё один дедушка – мамин отец, и раз его нет с нами, то уж он-то обязательно воевал и пал смертью храбрых... Когда я спросил об этом, то мама сказала, что мой дедушка Семён Моисеевич Айнбиндер умер до начала войны, а бабушка Юлия уточнила, что в память о деде я ношу его имя... На мой вопрос, почему умер дедушка, мне обещали рассказать когда-нибудь потом и перевели разговор на что-то малозначительное. Я почувствовал, что от меня что-то скрывают и по-

лез с этим вопросом к маминому брату, дяде Феликсу, но и от него получил такой же уклончивый ответ. Сжалилась бабушкина сестра Нина:

– Сёма, у вас, у детей, есть свои тайны? Вы же ими с нами не делитесь? Ну вот... А это – взрослая тайна. Вырастете – узнаете.

Прошли годы, мы выросли, но никто нам тайну так и не открыл. В Москве проживали бабушкины брат и сестра Лев Евсеевич и Рахиль Евсеевна Шаприцкие. В 1974 году, будучи у них в гостях, я попробовал что-то выведать о Семёне Моисеевиче. Но они в один голос заявили, что ничего не знают, так как ещё до войны переехали из родного Гомеля в первопрестольную. Через два года, когда я снова у них гостил, Вера, супруга Льва Евсеевича, взяв с меня слово, что я её не выдам, сообщила:

– Лёва как-то рассказывал, что твоего деда арестовали в 1936 году, и с тех пор родственники ничего о нем не слышали.

Вернувшись, домой я спросил маму:

– Почему вы скрываете, что дедушка Семён репрессирован?

– Кто тебе сказал такую чушь?

– Никто, просто предположил, – выкрутился я, чтобы не подставить тетю Веру.

– Не вздумай поделиться своими фантазиями с бабушкой и дядей Феликсом, – попросила расстроенная мама.

Я пообещал и на время оставил свои расспросы.

Поиски истины

Но переехав из России в Германию в конце прошлого века, я вновь вернулся к вопросу, который не давал мне покоя. В помощники взял Интернет, и однажды поисковая система выдала:

Айнбиндер, Семен Моисеевич.

Дата рождения: 1902 г.

Место рождения: Гомель.

Пол: мужчина.

Национальность: еврей.

Место проживания: Гомель.

Дата расстрела: 5 июня 1938 г.

Мера пресечения: арестован.

Дата ареста: 1936 г.

Обвинение: контрреволюционная троцкистская деятельность.

Осуждение: 23 апреля 1938 г.

Осудивший орган: тройка при УНКВД по Дальстрою.

Приговор: ВМН¹.

Дата реабилитации: 1965 г.

Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Магаданской обл.

Трудно передать, что испытал я, читая этот документ... Мало того, что ни за что ни про что сгубили человека, так ещё оказалось, что он посмертно реабилитирован в 1965 году, о чём его родственники не были уведомлены!

В 2007 году к поискам материалов о своём прадеде подключился живущий в России Роман Айнбиндер. Человек более современный и продвинутый, чем я, он просто-напросто отправил соответствующий запрос в ФСБ России. И получил ответ в виде десятка фотокопий.

Трагическая судьба нашего с Ромой предка, которого подобно миллионам таких же, как он, преступно вычеркнули из жизни, побудила нас рассказать его историю и тем самым восстановить светлую память о нём.

¹ Высшая мера наказания.

ИИ-2

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
по Магаданской области

от. 40.2010 № 10/4221

г. Магадан

АЙНБИНДЕРУ Р.М.
ул.Новая, д. 29, кв.17
г.Нижний Новгород, 603000

Уважаемый Роман Михайлович!

Направляем в Ваш адрес копии документов архивного уголовного дела №Р-13931 в отношении Вашего прадеда, Айнбиндера Семена Моисеевича.

Приложение: копии документов, всего на 10 листах.

Врио начальника Управления

М.Ю.Евдокимов

Детство, отрочество, юность

Фамилия Айнбиндер происходит от слова «aynbinder», которое в переводе с идиша означает «переплетчик». По-видимому, первый носитель фамилии Айнбиндер занимался переплетным делом. А первое упоминание этой фамилии относится к началу 60-х годов XIX века. Известно, что ратманами¹ городского магистрата г. Гомель были избраны *Шевель Аръевич Айнбиндер* и Цаля Лейбович Гезенцвей.

Девятого марта 1902 года в семье кустика Мойши (Мовши) Айнбиндера и его супруги Софии (Соси) родились близнецы

¹ Ратман (нем. Ratmann, от Rat – совет и Mann – человек) – должностное лицо в органах местного самоуправления.

Саул и Симон (Семён). Из скудных сведений, что поведала мне мама о своем отце известно, что один из близнецов (Саул) вскоре, после рождения, умер. С четырех лет Семён пошел учиться в Хедер (начальная еврейская религиозная школа). Закончив учёбу в Хедере, Семён некоторое время работал рядом с отцом помощником переплетчика. После революции под влиянием новых веяний Семен устраивается на одно из городских предприятий учеником слесаря. В 1919 семнадцатилетний юноша вступает в ряды Красной армии. В течение двух лет проходил службу рядовым. После армии вернулся домой и поступил на курсы всеобща. Получив специальность слесаря-механика, устроился на завод «Пролетарий». В 1923 году Семён Моисеевич был принят в Российскую коммунистическую партию (большевиков). В марте 1926 года Семён женится на Яхне (Юлии) Шаприцкой. Юлией Яхна стала после эвакуации из Белоруссии в Россию в 1941 году. В декабре 1926 года у молодых супругов родилась дочка Соня, а в ноябре 1927-го – сын Феликс. Семён трудился на заводе, Юлия вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием отпрысков. Дети со временем пошли в школу, жизнь потихоньку налаживалась...

Аресты

В августе тридцать шестого Семён Моисеевич был арестован по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности и отправлен на три года в исправительный лагерь. Приближалась эра большого террора... Отбывал наказание, заключенный Айнбиндер Семен Моисеевич, на прииске «Разведчик», входивший в структуру (Севвостлаг) – Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь Дальстроя. Основной задачей заключенных была добыча золота. Через него в разное время прошли такие известные люди как Евгения Гинзбург, Осип Мандельштам, Сергей Королев...

В 1938 году последовал второй арест. Из обвинительного заключения явствует, что он себя «виновным не признал, но изобличается по показаниям обвиняемых». Не было и «вещ-доков» по делу. Тем не менее, следственное дело по обвинению Айнбиндера Семёна Моисеевича было направлено на рассмотрение тройки при УНКВД.

Выписка из акта:

1938 года “_5_” _июня_ г. Магадан

На основании решения тройки НКВД по «ДС», приговор приведен в исполнение – расстрелян: Айнбиндер Семён Моисеевич.

Начальник управления НКВД по «ДС»

ст. лейтенант госуд. безопасности Комендант управления по «ДС»

печать подписи

На момент казни Семёну Моисеевичу было 36 лет...

Реабилитация

Роман обратился с запросом о судьбе прадеда в ФСБ и выяснилось, что Айнбиндер Семён Моисеевич был 15 февраля 1965 года постановлением Президиума Магаданского областного суда посмертно реабилитирован.

Об этом факте семье Семёна Моисеевича, живущей с клеймом родственников врага народа, сообщить не удалось. Супруга Юлия Евсеевна Айнбиндер (Шаприцкая) умерла в 1991 году, так и не узнав ни о трагической участи мужа, ни о посмертном признании его невиновности. Как только Роман получил документы из ФСБ, он незамедлительно сообщил об этом Соне и Феликсу – дочери и сыну прадеда. Между арестом в 1936 году и известием о реабилитации прошло более семидесяти лет! Увы...

-2-

5. *гиперал* 10.65.
Вход № 034
иу. 75

стел
1/10-65
042

В ПРЕЗИДИУМ МАГАДАНСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

ПРОТЕСТ
/ в порядке надзора /

Постановлением тройки УНКВД при Дальстрое от 23 апреля 1938 года осужден к расстрелу АЙНБИНДЕР Семен Моисеевич, 1902 года рождения, уроженец гор. Гомель, еврей, с низшим образованием ч.член ВКПб, ранее судим 28 сентября 1936 года особым совещанием при НКВД СССР за КРД на 3 года лишения свободы.

Решение тройки приведено в исполнение 5 июня 1938 года. АЙНБИНДЕР признан виновным в том, что он, отбывая наказание в Севвостлаге, состоял членом контрреволюционной группы, проводил среди заключенных антисоветскую агитацию.

Постановление тройки подлежит отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям:

АЙНБИНДЕР виновным себя не признал. Обвинение против него было построено на показаниях обвиняемых по другим делам.

Однако показания этих лиц не могут служить объективными доказательствами, т.к. они крайне поверхностны и неубедительны. Фамилия АЙНБИНДЕР, как члена контрреволюционной группы в этих показаниях называется в списке среди других заключенных и конкретные факты их преступной деятельности не приводятся.

Других доказательств, к моменту рассылки дела тройкой, не имелось. Проведенной в настоящее время дополнительной проверкой, установлено, что АЙНБИНДЕР осужден необоснованно, поскольку никаких достоверных доказательств его преступной деятельности не добыто.

Учитывая изложенное, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года,

ПРОШУ:

Постановление тройки УНКВД по ДС от 23 апреля 1938 года в отношении АЙНБИНДЕРА отменить и дело, за отсутствием состава преступления, производством прекратить.

Приложение: Дело № 41876 /подлежит хранению в I-м следотделе УООП /.

ПРОКУРОР МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
3 КЛАССА

иу. 75

1/10-65.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

ПРЕЗИДИУМА МАГАДАНСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

15 февраля 1965г. г.р. Магадан

Президиум Магаданского областного суда

В составе: председательствующего — Варфоломеева
 членов — Крекина, Георгиевского и Филиппова
 с участием прокурора области — Сахно
 при секретаре — Дорониной

Рассмотрев дело по протесту прокурора Магаданской области на постановление тройки УНКВД по Дальстрою от 23 апреля 1938г., которым Айнобиндер Семен Моисеевич, 1902 г. рождения, уроженец г. Гомеля, еврей, судим в 1936г. особым совещанием при УНКВД СССР за КРТД на 3 года лишения свободы, меру наказания не отбывший, приговорен к расстрелу.

Постановление тройки приведено в исполнение 5 июня 1938года.

Заслушав доклад члена суда Васильева и заключение прокурора области Сахно, поддержавшего ^{внесенный} протест, президиум

У С Т А Н О В И Л :

Айнобиндер признан виновным в том, что он, отбывая наказание в Севвостлаге, состоял членом контрреволюционной группы и проводил среди заключенных антисоветскую агитацию. В протесте прокурор области просит постановление тройки отменить и дело в отношении Айнобиндер производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Протест прокурора подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Айнобиндер виновным себя не признал.

Обвинение против него было основано на показаниях обвиняемых по другим делам,

Однако, показания этих лиц не могут служить доказательством, т.к. они крайне поверхностны и необидительны.

Фамилия Айнобиндер, как члена контрреволюционной группы, в этих показаниях называется в списке среди других заключенных, но конкретных фактов их преступной деятельности не приводится.

Других доказательств вины Айнобиндер в деле не имеется.

-2-

Требования норм уголовно- процессуального законодательства при расследовании и рассмотрении дела по обвинению Айнбиндер не соблюдались.

Принимая во внимание изложенное и руководствуясь ст.379 УПК РСФСР, президиум

П О С Т А Н О В И Л:

Постановление тройки УНКВД по Дальстрою от 23 апреля 1938г. в отношении Айнбиндер Семёна Моисеевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в действиях осужденного состава преступления.

Протест прокурора области удовлетворить.

Председательствующий - Варфоломеев

С подлинным верно,
член суда

/Васильев/.

Потомки

Семен Моисеевич Айнбиндер прожил короткую жизнь, всего тридцать шесть лет, но память о нём хранили и, надеюсь, будут хранить его потомки, в которых, несмотря ни на что, течет его кровь. Поэтому считаю своим долгом перечислить здесь всех родственников, так или иначе связанных с фамилией Айнбиндер:

Дети:

София Семеновна (Белоруссия, Россия, Израиль).

Феликс Семёнович (Белоруссия, Россия).

Внуки:

Белла (Россия, Израиль).

Михаил (Россия).

Семён (Россия, Германия).

Нина (Россия, Израиль).

Правнуки:

Евгений (Россия, Израиль).
Евгения Риц (Россия).
Роман (Россия).
Людмила (Россия, Израиль).
Лена (Россия, Израиль).

Валерия (Россия,
Германия, Бельгия).
Яна (Россия,
Германия, Бельгия).
Илья (Россия).

Праправнуки:

Рахель (Германия, Бельгия).
Ханна (Германия, Бельгия)
Николь (Израиль).
Маян (Израиль).
Хаим-Шолом (Германия,
Бельгия).
Аарон (Германия, Бельгия).
Иосиф (Германия, Бельгия).
Израиль (Германия,
Бельгия).
Ариэль (Израиль).

Никита (Россия).
Меер (Германия, Бельгия).
Мордехай (Бельгия).
Эфраим (Бельгия).
Наоми (Бельгия).
Шалом (Бельгия).
Софи (Израиль).
Мариэль (Израиль).
Давид Слободер (Бельгия)
Двора Дашевская
(Бельгия)

*Соавтор данного повествования
Роман Михайлович Айнбиндер с семьёй.*

Владимир АВЦЕН
Вуйперталь
Алексей ХУРАЛЕХ
Донецк

НЕЗАЖИВШАЯ РАНА: ОНИ СПАСЛИСЬ ОТ РАССТРЕЛА В МАРИУПОЛЕ, НО СМОГЛИ ЛИ ВЕРНУТЬСЯ К ЖИЗНИ?

20 октября 1941 года, 80 лет назад в посёлке Агробаза неподалёку от Мариуполя начались массовые расстрелы евреев. По разным данным, в те дни погибло от 8 до 15 тысяч человек. Спаслись единицы. Среди них посчастливилось оказаться моим родственникам – Борису Авцену, его сестре Рахили и брату Исааку, которые в ту пору были совсем молодыми людьми.

В начале октября 1941 года 1-я танковая армия Клейста, прорвав фронт, окружила в районе Бердянска 9-ю и 18-ю советские армии, всего около полумиллиона человек. Стало понятно, что Донбасс не удержать. Была объявлена эвакуация. В первую очередь вывозились госпитали, промышленные предприятия, семьи руководящих работников. Евреи были предоставлены своей судьбе. Кто-то, бросив всё, поспешил уехать любыми путями. Кто-то остался, не веря официальной советской пропаганде, описывавшей зверства фашистов. Многие помнили немецкую армию 1918 года, которая вела себя тогда вполне цивилизованно и культурно. Мысль о том, что в середине 20 века людей будут убивать по национальному признаку, не укладывалась в голову.

Но выбирать, и то недолго, могли только евреи Сталино, Горловки, Краматорска. У Мариупольских евреев времени не было. Немцы захватили город 8 октября, утром, когда в исполкоме шло совещание по планам эвакуации. Дальше всё развивалось стремительно. Уже 15 октября евреям было при-

казано явиться к казармам 238-го полка в центре города для регистрации. Предписано было взять запас продуктов на четыре дня и ценные вещи. Пустили слухи, что евреев отправляют в Палестину, в Иерусалим. Многие, устав от начавшихся притеснений и грабежей, восприняли приказ с облегчением, считая, что хуже не будет. Евреев продержали в здании полка несколько дней – говорили, что надо дожидаться окончания выходных. На самом деле, немцы ждали приезда из Бердянска зондеркоманды 10-а.

20 октября, в понедельник евреев собрали у выхода из казармы. Пожилым и женщинам с детьми предоставили грузовики. Остальные пошли пешком. Идти предстояло около восьми километром на восток, к посёлку Агробаза. Там, для обороны от немцев, были выкопаны противотанковые рвы глубиной около шести метров. Благодаря машинам, старики и дети оказались на месте раньше остальных. Их расстреляли первыми.

Остальных убивали по мере того, как подходили колонны. Евреев заставляли раздеться, забирали ценные вещи и подводили к краю рва.

*Евреи
Мариуполя
у казармы в
центре города.
20 октября
1941*

Для зондеркоманды 10-а это была крупнейшая на тот момент её «акция». Убивать за один день столько людей им ещё не доводилось. Под вечер немцы устали, а колонны евреев всё продолжали и продолжали подходить. Поэтому решено было отложить всё на следующий день. Уцелевших евреев, среди которых были Борис, Исаак и Рахиль, загнали в большой колхозный сарай, ворота заперли, ко входу подкатили тяжёлую телегу. На улице выставили охрану из местных полицаев, которые почти сразу перепились.

Ночью запертым в сарае людям удалось отодвинуть приставленную к воротам телегу – немцы по недосмотру поставили её не поперёк, а вдоль ворот. Образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Удивительно, но большинство приговорённых к смерти остались в сарае. Борис, Исаак и Рахиль оказались в числе тех, кто отважился на побег. Рано утром Борис успел зайти домой, забрать немного еды и вещей. Остальные ждали его на кладбище, возле могилы родителей. Там, на кладбище, они поклялись друг другу, что, если спасутся, всегда будут вместе.

Остаться в Мариуполе было невозможно. Решили идти на север, в Ворошиловград (нынешний Луганск), где тогда стояли наши войска. Шли днём, ночевали в стогах или прямо под открытым небом. Проситься на ночлег в дома боялись – за пойманных евреев немцы обещали награду, а за укрывательство полагался расстрел. Еда быстро кончилась. Спасались тем, что выменивали вещи и взятые с собой ценности на продукты.

В дороге дважды смерть прошла совсем близко. Один раз мимо на машине проехал немецкий офицер. Офицер высунулся из окна, закричал «Юдэ-юдэ!», махнул рукой и поехал дальше. Второй раз местный мальчишка подвёл к ним здорового полицая с винтовкой. Мальчик заподозрил, что оборванные странники – евреи и захотел положенной награды. Но полицай не признал в них евреев и отпустил. Скорее всего, пожалел: внешность у всех троих была характерная, ошибиться было трудно.

Когда линия фронта была уже совсем рядом, Борис, Исаак и Рахиль всё-таки решились попроситься на ночёвку в дом на окраине деревни. Здесь им по-настоящему повезло: хозяева оказались связаны с партизанским подпольем и помогли переправиться через линию фронта. Но там всех троих едва не расстреляли свои: армейская контрразведка приняла их за немецких шпионов. Никаких документов при них не было, рассказ о спасении звучал фантастично. Оперативник показал Борису последний номер «Правды», где сообщалось, что все евреи Мариуполя расстреляны фашистами. После всего пережитого погибнуть так казалось горькой насмешкой судьбы. Но в последний момент перед расстрелом их узнал сосед по Мариуполю, который служил в военной части кашеваром. Сосед сумел убедить начальство, что это – свои.

Борис, Исаак и Рахиль сдержали клятву: всю жизнь они прожили в Мариуполе, в одном доме. Никто из них так и не создал семью. У каждого на это были свои причины. Но, возможно, произошедшее тогда оказалось настолько страшным, что жить нор-

мальной жизнью – жениться, воспитывать детей – после всего пережитого они так и не смогли.

*Евреи Мариуполя
по пути к месту
расстрела в
поселке Агробаза.
20 октября 1941*

Волна

и

камень

Борислава АВЦЕН

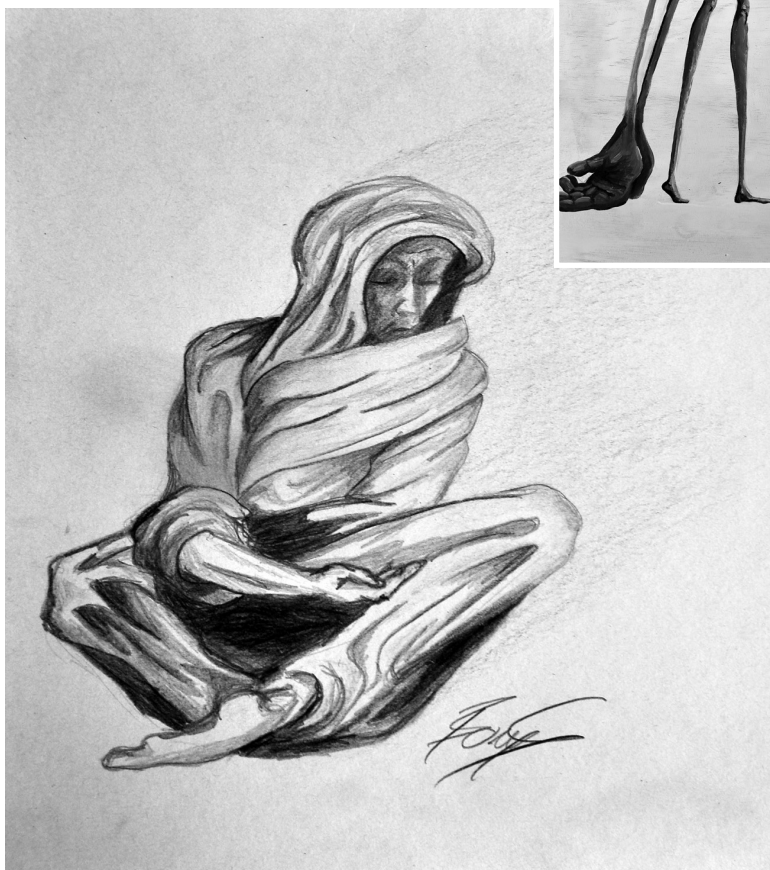
Вупперталь

В 2002 году восьмилетним ребёнком приехала с родителями в Германию. В детстве посещала кружок рисования (руководитель – художница Лидия Эпштейн), и эта страсть осталась у неё на всю жизнь. Окончила гимназию и университет. Работает социальным педагогом. Тяга к искусству осталась до сих пор, и Борислава, используя навыки художника, освоила мастерство переплёта книг и проводит проекты с детьми и взрослыми по ручному производству тетрадей и книг.

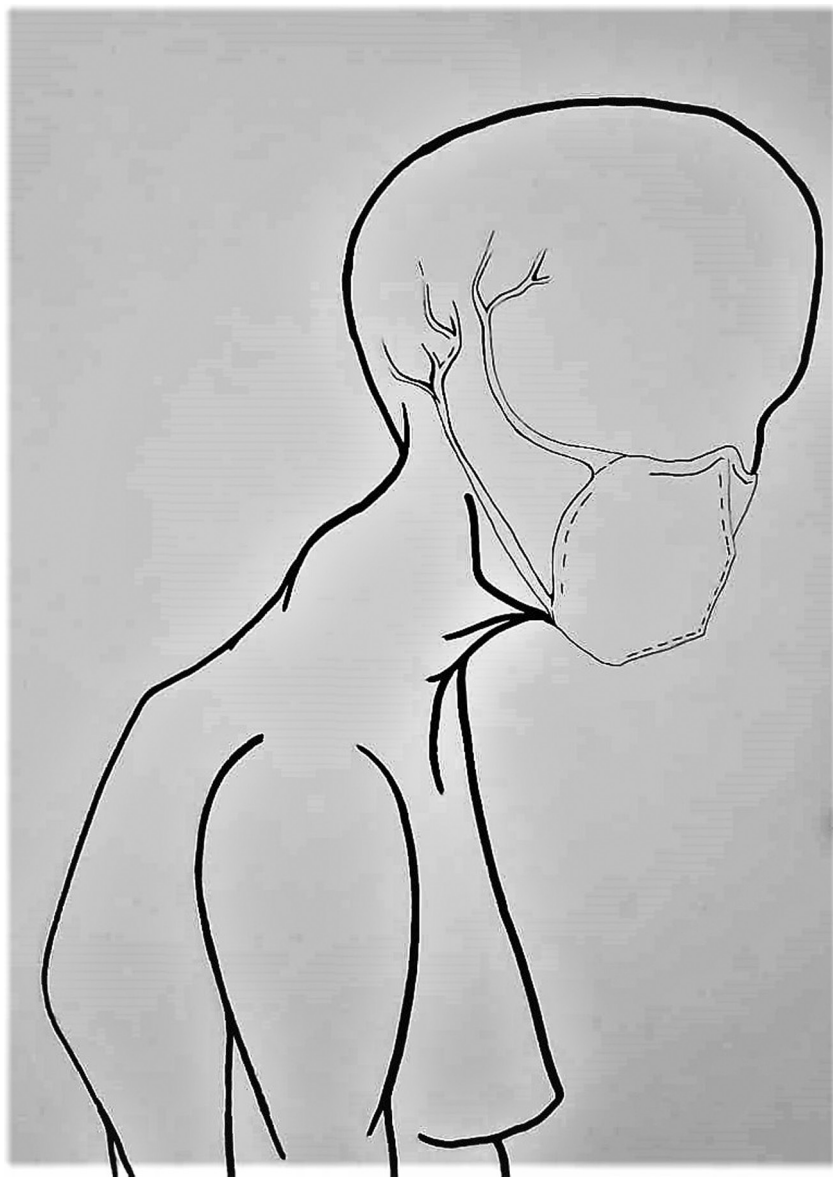
Ознакомиться с работами Бориславы Авцен можно в инстаграме: [xborysx](#) и на её сайте [borysart.com](#)

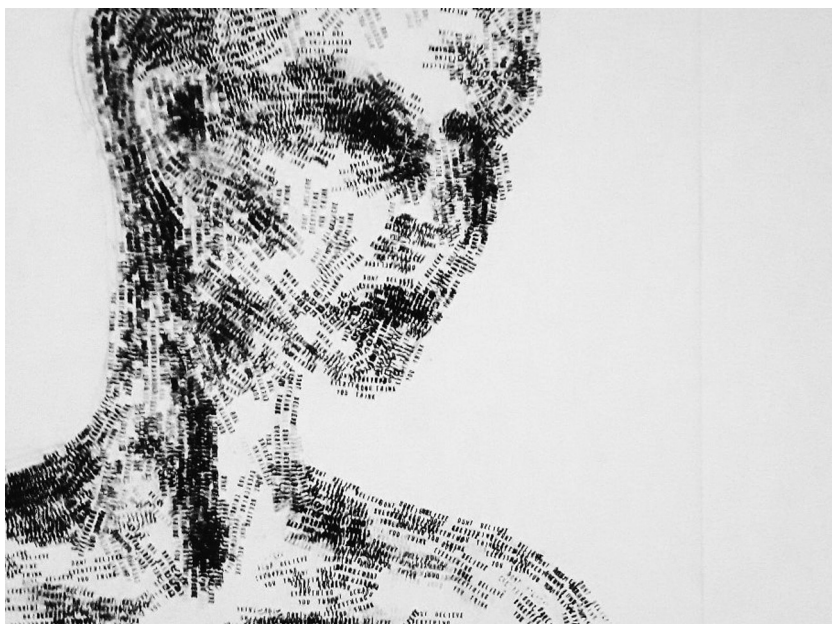

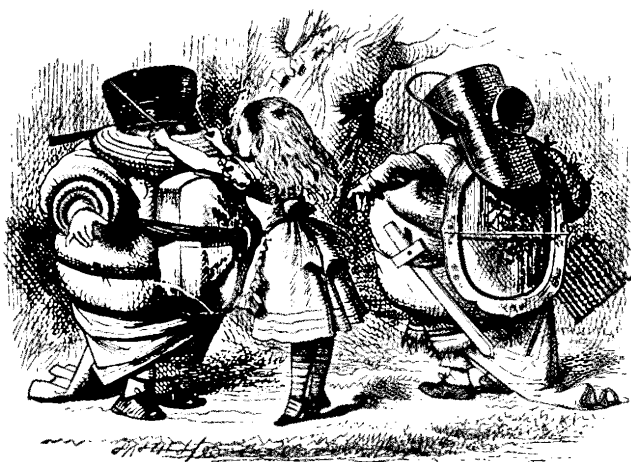

Porys.

Они сошлись

Редьярд КИПЛИНГ
(1865 – 1936)

КРАБ, КОТОРЫЙ ИГРАЛ МОРЕМ¹

*пересказали с английского
Рената Муха и Вадим Левин*

Это было давным-давно и даже немного раньше, в дни, когда всё на земле начиналось с самого начала и даже само начало начиналось сначала.

В тот день, моя девочка, Главный Волшебник встал пораньше, чтобы привести в порядок сушу и море. Он налил воды в реки, посыпал свежим песком берега, аккуратно разложил камни вокруг моря, а вокруг лесных полей посадил леса.

И сказал зверям:

– Теперь можете играть.

– Во что играть? – спросили звери.

– А я покажу, – ответил Главный Волшебник, потому что настало Время-Учиться-Самой-Первой-из-Первых-Игр.

Он подозвал Слона, вернее – Пра-пра-пра-пра-Слона, от которого произошли все слоны на земле, и сказал:

– Ты играй в слона.

И Пра-пра-пра-пра-Слон стал играть в слона.

Он подозвал Пра-пра-пра-пра-Корову и сказал:

– Ты играй в корову.

И Пра-пра-пра-пра-Корова стала играть в корову.

Он подозвал Пра-пра-пра-пра-Бобра и Пра-пра-пра-пра-Черепаху и велел ему играть в бобра, а ей в черепаху.

¹ Сказка вошла в издание: Редьярд Киплинг: Сказки слово в слово. – М.: Октопус, 2013 г. (Серия: Золотая серия).

Так он подзывал к себе зверей и объяснял каждому Самую-Первую-из-Первых-Игр.

А к вечеру, когда все устают и начинают капризничать, появился Человек.

– Со своей дочкой?

– Конечно, со своей собственной, самой любимой дочкой, и его Маленькая Девочка сидела у него на плечах.)

Он появился и сразу спросил:

– Что это за игра, Главный Волшебник?

– Это Самая-Первая-из-Первых-Игр, с неё начинаются все игры. Ты, Человек, для неё уже слишком умный. Тебе будет неинтересно.

– Да, я слишком умный для этой игры, – согласился Человек, – пусть уж в неё играют звери. Только смотри не забудь: научи их, чтобы слушались меня.

Так они разговаривали, а тем временем Пау Амма, Краб (вернее – Пра-пра-пра-пра-Краб, который ещё не научился играть, потому что его очередь учиться ещё не подошла) боком-боком – отполз к морю и скрылся в нём со словами:

– Как бы не так! Пусть он учит других, а я не стану слушаться Человека. Такая игра не для меня. Я лучше уйду на дно моря и там придумаю себе игру сам.

Никто не видел, как он уполз. Только Маленькая Девочка видела, потому что сидела на плечах у Папы. Но она ничего не сказала.

А Главный Волшебник показывал игру всё новым и новым зверям, и скоро все они уже знали, во что им играть. Тогда он снял передник, умылся и пошёл по земле поглядеть, правильно ли звери играют.

Сначала, моя девочка, он пошёл на Север и увидел, что там новенькой землёй (а эту землю Главный Волшебник сам приготовил ему ещё с утра) играет Пра-пра-пра-пра-Слон.

А играет он так: вонзил огромные бивни в новую гладкую землю и бегает по этой земле, и взрывает её своими бивнями, и топчет своими слоновьими ногами.

– Кун? – спросил Пра-пра-пра-Слон, и это означало: «Ну, как я играю? Правильно?»

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник, и это означало: «Правильно, правильно! Не беспокойся». И он дунул на борозды, которые взрыл Пра-пра-пра-Слон, и они стали Великим Гималайским хребтом, а не веришь – посмотри на карту.

Потом Главный Волшебник отправился на Восток и увидел, что там зелёной лесной поляной (а эту поляну – ты помнишь? – Главный Волшебник сам приготовил ей ещё с утра) играет Пра-пра-пра-Корова, и играет она так: выщипала всю траву на поляне, огляделась, слизнула своим огромным языком сразу весь лес вокруг поляны и легла на соседнюю лужайку, чтобы не торопясь его прожевать.

– Кун? – спросила она, вставая.

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и дунул на выщипанную поляну, где паслась Пра-пра-пра-Корова, и на лужайку, где она лежала. И поляна стала Великой Индийской пустыней, а лужайка пустыней Сахарой, а не веришь – посмотри на карту.

Дальше Главный Волшебник направился на Запад и увидел, что там широкой и глубокой рекой (а эту реку – ты не забыла? – Главный Волшебник сам приготовил ему ещё с утра) играет Пра-пра-пра-Бобр, а игра у него такая: валит самые толстые деревья и перегораживает запрудой реку.

– Кун? – спросил Пра-пра-пра-Бобр.

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и дунул на поваленные стволы и неподвижную воду, и они стали знаменитыми Флоридскими болотами (эвергледами), а не веришь – посмотри на карту.

После этого Главный Волшебник отправился на Юг и увидел, что там свежим жёлтым песком (а этот песок – ты, конечно, помнишь! – он сам приготовил ещё с утра) играет Пра-пра-пра-Черепаша: роет берег задними лапами и отшвыривает песок и камни подальше в море.

– Кун? – спросила Пра-пра-пра-Черепаша.

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и дунул на песок и камни, и то, что улетело далеко в море, стало прекрасными островами Суматра, Ява и Целебес, а то, что упало поближе, – Малайским архипелагом, а не веришь – посмотри на карту.

* * *

Прошло какое-то время, и вот однажды Главный Волшебник встретил на берегу реки Перак Человека.

– А, это ты, Человек! – сказал Главный Волшебник. – Ну, что, все звери слушаются тебя?

– Все, – ответил Человек.

– И вся земля?

– И земля.

– И всё море?

– А вот море – нет, – ответил Человек. – Раз в день и раз в ночь оно врывается в реку Перак и поворачивает речную воду, и гонит её против течения обратно в лес, и она разливается вокруг моего дома и даже заливают порог и стены, так что в моём доме теперь всегда сыро. А ещё один раз в день и один раз в ночь море отступает назад, уводит с собой всю речную воду, и в реке остаётся один ил, а моё каноэ лежит кверху дном. Это ты придумал морю такую игру?

– Нет, – сказал Главный Волшебник, – это какая-то непонятная игра, и она мне не нравится.

– Смотри, – крикнул в это время Человек, и Главный Волшебник увидел, что море стало подниматься и поднялось выше прибрежных камней, и морская вода хлынула в устье реки Перак, а речная вода побежала от неё вверх и разлилась, затапливая тёмные леса на мили и мили вокруг, и докатилась до жилища Человека, и окружила его дом со всех сторон.

– Ну, нет. Это никуда не годится, – сказал Главный Волшебник. – Ставь своё каноэ на воду. Посмотрим, кто это играет морем.

И они сели в каноэ, и Маленькая Девочка села с ними. А Человек взял крик – такой кинжал, который изогнут, как месяц, и блестит, как месяц, – и они поплыли по реке Перак.

Как раз в это время море отхлынуло и потянуло их каноэ за собой – в устье реки. И их лодка понеслась
мимо Пинджанга, Селангора, Кланга,
Клинга, Малакки, Паданга, Буданга
до самого острова Битанг, –
как будто её тащили на верёвке. Там Главный Волшебник встал
в каноэ во весь рост и крикнул:

– Эй вы, звери, птицы и рыбы, которых я нянчил, когда
всё начиналось с самого начала, и даже немного раньше;
которых я научил играть в Самую-Первую-Игру! Кто из вас
играет морем?

И все звери, и птицы, и рыбы ответили в один голос:

– Это не мы, Главный Волшебник.

– А кто же?

– Этого мы не знаем. Мы играем так, как ты научил нас
когда-то. И наши дети так играют, и дети наших детей тоже.
Никто из нас не играет морем.

В это время над морем взошла полная Луна, и Главный Вол-
шебник крикнул Горбатому Рыбаку, тому, что сидит на Луне,
плетёт сеть и надеется, что когда-нибудь в неё попадётся Земля:

– Эй, Лунный Рыбак, уж не ты ли играешь морем?

– Нет, – ответил Рыбак, – я плету сеть, в которую когда-ни-
будь поймаю Землю. Морем я не играю.

И он снова взялся за свою работу.

А ещё на Луне есть Крыса, которая тоже трудится над се-
тью. Только Старик плетёт сеть, а Крыса её перекусывает, и
работа у неё продвигается так же быстро, как у Старика.

– Эй, Лунная Крыса, так, может быть, ты играешь морем? –
крикнул Главный Волшебник. И Крыса ответила:

– Мне хватает забот и без моря, я едва успеваю за Стариком.

И она снова принялась за свою работу. Вот тогда-то Малень-
кая Девочка протянула к Главному Волшебнику свои смуглые
ручки в браслетах из белых ракушек и сказала:

– Послушай, Главный Волшебник, когда Папа разговаривал
с тобой, а я сидела у него на плечах, и всё начиналось с самого

начала, и звери учились играть, – так вот тогда один непослушный зверь не подождал, пока ты объяснишь его игру, а уполз в море.

И Главный Волшебник сказал:

– До чего мне нравятся маленькие дети, которые всё замечают и не задают никаких вопросов. Ну-ка, расскажи, что это был за зверь?

– Он круглый и плоский, – ответила Маленькая Девочка, – глаза у него на палочках, он ходит боком – вот так! – А на спине у него панцирь.

– До чего мне нравятся маленькие дети, которые всегда говорят правду! Теперь я знаю, куда делся Пау Амма. Ну-ка, дайте мне весло!

И он взял весло, но грести ему не пришлось, потому что вода всё ещё несла их мимо островов, и вскоре они оказались у места, которое называют Пусат-Тасек – Самая-Середина-Моря. Там на дне есть глубокая яма – до Самой-Середины-Земли. В этой яме растёт Волшебное Дерево Пау Джанги, а на нём – волшебные орехи-двойшки.

Тут Главный Волшебник опустил руку в тёплую морскую воду по самое плечо и между корнями Волшебного Дерева Пау Джанги нащупал Краба Пау Амму и положил ладонь на его широкую и твёрдую спину. И Краб шевельнулся под его ладонью, и вода всколыхнулась в море, как она колышется в корыте, если поболтать в нём рукой.

– Ага, – сказал Главный Волшебник, – теперь я знаю, кто играет морем. – И он окликнул Краба:

– Ты что это творишь, Пау Амма? Что за игру ты придумал?

– Ничего я не творю, – ответил Пау Амма из глубины. – И ни во что не играю. Один раз в день и один раз в ночь я выхожу поесть. А ещё раз в день и раз в ночь я возвращаюсь обратно. И оставь меня в покое.

Тогда Главный Волшебник сказал:

– Послушай, Пау Амма, когда ты выходишь из этой ямы, морская вода устремляется в Пусат-Тасек, и так много моря

уходит сюда, что оголяются берега всех островов. И умирают маленькие рыбки, и Раджа Мойянг Кейбан, Король Всех Слонов, стоит по колено в грязи. А когда ты возвращаешься в свой Пусат-Тасек, воды моря уходят оттуда и затопляют половину маленьких островов, и окружают дом Человека, и Раджа Абдуллах, Король Крокодилов, глотает противную солёную воду.

Тогда Пау Амма засмеялся и сказал из глубины:

– Вот уж не знал, что я такая важная особа. Раз так – буду выходить семь раз в день.

– Послушай-ка, что я тебе скажу, Пау Амма, – ответил Главный Волшебник. – Когда было Время-Учиться-Самой-Первой-из-Первых-Игр, я собирался дать тебе хорошую, лёгкую игру. Ты тогда убежал, а теперь ты чересчур большой для таких детских игр. Но мне всё-таки хотелось бы тебя чему-нибудь научить. Поднимайся, если не боишься, – поговорим.

– А чего мне бояться? – сказал Пау Амма и поднялся на поверхность моря. Луна осветила его, и все поняли, что ничего такого большого они не видели до сих пор. Потому что Пау Амма был Краб Крабов, Король. Не просто краб, а Король Всех Крабов. Одним краем своего огромного панциря он коснулся берега Саравака, а другим – берега Паханга. И он был выше, чем дым от трёх вулканов. А когда он поднимался сквозь ветви Волшебного Древа Пау Джанги, он задел большой орех-двойшку (волшебный орех с двойными зёрнышками: кто съест его, снова становится молодым), и Маленькая Девочка увидела, что орех, покачиваясь, плывет рядом с каноэ. Она вынула его из воды и стала выковыривать мягкие ядрышки своими маленькими золотыми ножницами.

– Ну, – сказал Главный Волшебник, – не покажешь ли ты нам какое-нибудь чудо, Пау Амма, чтобы мы увидели, что ты и в самом деле важная особа?

Пау Амма вытаращил глаза, задрогал ногами. Но никакого чуда не получилось, только по воде пошла рябь. Потому что краб, даже если он Король, это всё-таки только краб – и ничего больше.

– Да, Пау Амма, не такая уж ты важная особа! – засмеялся Главный Волшебник. – А теперь я попробую.

И он шевельнул левой рукой, одним только мизинцем левой руки – и – представь себе, моя девочка! – произошло чудо: твёрдый сине-чёрно-зелёный панцирь Пау Аммы спал с него, как кожура с кокосового ореха. И Пау Амма стал весь мягкий. Мягкий, как маленькие крабы, которых ты непременно увидишь, если побываешь на берегу моря. Так-то, моя девочка.

– Вот вам и важная особа, – сказал Главный Волшебник и повернулся к Крабу:

– Ну что, Пау Амма, может быть, попросить Человека, чтобы он порезал тебя своим крисом? Или позвать Раджу Кейбана, Короля Слонов, чтобы он проткнул тебя бивнями? Или послать за Раджой Абдуллахом, Королем Крокодилов, чтобы он перекусил тебя пополам?

И Пау Амма сказал тогда:

– Я больше не буду. Отдай мне мой твёрдый панцирь, и я опять спрячусь в Пусат-Тасеке и только раз в день и раз в ночь буду выходить оттуда, чтобы поесть. Но Главный Волшебник ответил:

– Нет уж, Пау Амма, панцирь я тебе не отдам. Ведь ты ещё подрастешь, станешь ещё сильнее, ещё больше зазнаешься и, чего доброго, забудешь своё обещание.

Тогда Пау Амма сказал:

– Что же мне делать? Я такой большой, что могу спрятаться только в Пусат-Тасеке. А если я выйду куда-нибудь такой мягкий, меня съедят акулы и крокодилы. Но если я буду сидеть в Пусат-Тасеке и бояться выйти за едой, – я умру от голода.

И он замахал ногами и заплакал.

– Ну вот, – сказал Главный Волшебник, – теперь он плачет. А когда было Время-Учиться-Самой-Первой-из-Игр, он не послушался и убежал. Ладно, перестань хныкать, Пау Амма. Хочешь, я совершу чудо – и за каждым кустиком водорослей, в каждой ямке, под каждым камешком в каждом море ты смо-

жешь прятаться, как в своём Пусат-Тасеке. Ты и твои дети, и дети твоих детей. Ну как, больше не будешь обижаться?

– Ещё не знаю, – ответил Пау Амма. – Это, пожалуй, неплохое чудо, но как же тогда Человек? Ведь если бы не он со своими разговорами, ты в тот день не забыл бы обо мне, и мне бы не надоело ждать, и я бы не убежал в море, и ничего этого со мной не случилось бы. Он разве не сделает для меня какое-нибудь чудо?

И Человек сказал:

– Хорошо, Пау Амма, я совершу чудо – и суша тоже станет для тебя домом. И ты сможешь прятаться не только в море, но и на земле. Ну как, доволен?

– Ещё не знаю, – ответил Пау Амма. – И это неплохое чудо. Но остаётся ещё Маленькая Девочка. Она видела, как я убежал, и никому не сказала. А если бы она сказала тогда Главному Волшебнику, что я убегаю, он позвал бы меня, и я бы вернулся, и ничего этого со мною не случилось бы. Она для меня не сделает никакого чуда?

И Маленькая Девочка сказала:

– Смотри, Пау Амма, я ем орех! Он очень вкусный. Хочешь, я совершу чудо и дам тебе мои ножницы: видишь, какие они острые. Если у тебя будут эти ножницы, ты сможешь целыми днями щёлкать орехи, когда выйдешь на сушу. И ещё ты сможешь этими ножницами вырыть себе Пусат-Тасек, когда поблизости не окажется ни ямы, ни камня. А если земля будет слишком твёрдой, ты сможешь влезть на дерево, если у тебя будут эти ножницы. Ну что, теперь тебе не обидно, да?

– Не знаю, – ответил Пау Амма, – я ещё не решил. Это, конечно, тоже хорошее чудо, но всё равно ваши чудеса мне ни к чему, если я такой мягкий. Лучше отдай мне мой панцирь, о Главный Волшебник, и я буду играть в какую захочешь игру!

И Главный Волшебник сказал:

– Так и быть, я отдам тебе панцирь, Пау Амма. Хотя я уже вижу, что из этого всего получится: ты станешь слишком храбрым, если сможешь бегать и под водой и на суше. А если ты ещё научишься лазать по деревьям, щёлкать орехи и копать ямы

своими ножницами, ты станешь слишком жадным, Пау Амма. И всё-таки я отдам тебе панцирь. Но только на одиннадцать месяцев в году. На двенадцатый ты снова будешь становиться мягким. Ты и твои дети, – чтобы вы не забывали о Человеке, который умеет творить чудеса, и не переставали слушаться его. Договорились?

Тогда Пау Амма подумал ещё немного и сказал:

– Ладно уж, делайте ваши чудеса.

И тут Главный Волшебник совершил чудо. Он совершил его правой рукой, всеми пятью пальцами правой руки. И – представляешь, моя девочка! – Пау Амма начал уменьшаться. И он делался всё меньше, и меньше, и меньше, пока не стал совсем маленьким зелёным крабиком, который плавал вдоль каноэ и кричал тоненьким голосом:

– А ножницы! А ножницы!

Маленькая Девочка вынула его из воды, подержала на смуглой ладошке, а потом посадила на дно каноэ и дала ему свои ножницы. И он стал размахивать ими, и открывать, и закрывать, и щёлкать, и сказал:

– Я могу колоть орехи и есть их, я могу рыть ямки, я могу лезть по деревьям, я могу жить на суше и могу устроить себе Пусат-Тасек под каждым кустиком водорослей. Я и не знал, что я такая важная особа! Кун?

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и засмеялся.

А маленький Пау Амма перекатился через борт каноэ и поплыл. И был он такой крохотный, что мог бы спрятаться в тени сухой травинки на земле и пустой ракушки в море.

– Ну как, вам понравилось творить чудеса? – спросил Главный Волшебник.

– Да, это очень интересно, – ответил Человек, – но чудеса чудесами, а как мы будем возвращаться? Знаешь, сколько грести до Перака? По-моему, было бы гораздо лучше, если бы вода сама несла нас домой.

– Неплохая мысль, – сказал Главный Волшебник. – Эй, Лунный Рыбак, подтяни-ка нашу лодку к Пераку!

– Э, нет, – сказал Человек. – Сейчас-то, когда ты с нами, он нас подтянет. А мне ведь каждый день выезжать в море рыбачить. Вот сделал Пау Амму маленьким, теперь пускай Лунный Рыбак играет морем два раза в день!

Тогда Главный Волшебник снова засмеялся и сказал:

– Пайя кун! – что означало: «Ты прав. Так и сделаю, не беспокойся!»

И тут Лунная Крыса перестала перекусывать сеть, и Лунный Рыбак опустил сеть до самого моря и потянул всё глубокое море вдоль берега

мимо Буданга, мимо Паданга,
мимо Малакки, Клинга и Кланга,
мимо Селангора, мимо Пинджанга

в устье реки Перак.

– Кун? – спросил Лунный Рыбак.

– Пайя кун! – ответил Главный Волшебник. – Только смотри, не забывай всегда дважды в день и дважды в ночь тянуть море, чтобы Человеку не приходилось грести. И его детям тоже. Да не тяни слишком сильно, а то и тебе попадёт, как Пау Амме.

Потом они поднялись по речке Перак домой, а дома пошли спать, моя девочка.

* * *

А вот теперь слушай внимательно!

С того самого дня и до сих пор Луна всегда тащит и тащит море то вверх, то вниз. И получается то, что мы называем приливами и отливами.

Иногда Лунный Рыбак тянет чуть-чуть сильнее, чем нужно, и поднимает воду так высоко, что случаются весенние разливы. А иногда он тянет чуть слабее, чем следует, и тогда вода стоит совсем низко.

Но обычно Лунный Рыбак осторожен, ведь он помнит, что сказал ему Главный Волшебник. Так-то.

А как же Пау Амма?

Если ты выйдешь на берег, моя девочка, то увидишь, как маленькие дети Пау Аммы роют себе маленькие Пусат-Тасеки под каждым камешком, под каждой травинкой – в песке, на дне моря. А есть такие страны, где крабы в самом деле живут и на суше, лазают по пальмам и едят орехи – точно так, как обещала Маленькая Девочка.

Но раз в год все пау аммы должны сбрасывать свою броню и на целый месяц делаться мягкими, чтобы не забывать, какие чудеса может творить Человек.

Конечно, их легко ловить в такое время, но это нехорошо. Хотя нельзя не признать, что их дедушка Пау Амма вёл себя очень глупо и грубо в давние-давние времена и ещё немного раньше.

Но ведь внуки Пау Аммы в этом не виноваты. И если им не очень нравится, когда кто-то вынимает их из маленьких пусат-тасеков и несёт домой в консервных банках, и они из-за этого щипают кого-то своими клещами-ножницами, то так кому-то и надо. Правда?

Где скрывался Пра-пра-Краб

Вадим Левин,

подражание Редьярду Киплингу

В экваториальных водах,
В океанской глубине
Находил покой и отдых
Пра-пра-Краб
На пра-пра-дне.

Не терпел он ярких красок,
И, когда страдал в жару,
Он спускался в Пусат-Тасек –
Великанскую нору.

Говорят, что нет на свете
Места тише, чем на дне.
Но проверить слухи эти
Не дано тебе и мне.

И доныне теплоходы,
Океанские суда
Не заходят в эти воды
Ни за что и никогда.

Лишь тайфуны да цунами
Иногда гуляют там
И волшебными огнями
Плещут волны по ночам.

Я мечтал со школьной парты
В эти воды заглянуть.
Только нет на свете карты,
Где туда показан путь.

Манфред ШЮБЕР
(1880–1933)

СКАЗКИ
(перевод с немецкого Елены Ханен)

ПОЧТОВАЯ ПОВОЗКА

Медведь по имени Тобиас Муффельфель, праздно сложив лапы на животе, сидел возле своей берлоги. Полакомившись хрустящим печеньем, которое испекла его жена, медведь погрузился в сладкие мечты о грядущей зимней спячке. Каждый, кто знает и любит зимнюю спячку, поймёт Тобиаса Муффельфеля.

Его дети играли тыквой в футбол, а фрау Муффельфель, как обычно, пекла хрустящее печенье. Она надела большой белый фартук и нахлобучила на голову чепчик, ведь это ужасно неприятно, если дым от печи проникнет в мех. Никто, кроме фрау Муффельфель, не мог печь такое вкусное печенье. Что за удовольствие было смотреть, как она месит лапами тесто и выводит когтями затейливые рисунки!

Разделавшись с печеньем, фрау Муффельфель вытерла лапы о фартук и вышла из берлоги.

– Тобиас, – сказала она, – у нас закончился мёд. Ты должен добыть новый мёд. Иначе я не смогу испечь хрустящее печенье.

Тобиас безразлично сморщил нос и недовольно зарычал.

– Ни у кого в округе нет мёда, – сказал он. – Как же я его добуду?

– Но ты же мужчина, Тобиас, – ответила его жена, – изобрази чего-нибудь.

Тобиас обхватил голову лапами и стал думать. Думал очень долго.

– Я знаю, что мне делать, – произнёс он наконец. – Я смастерю почтовую повозку и стану возить пассажиров из одного

конца леса на другой. А за проезд они будут платить мёдом. Ну, разве это не изобретение?

– Я не знаю, что такое изобретение, – сказала фрау Муффельфель.

– Но ты же сама только что сказала: я должен сделать изобретение, – удивился Тобиас Муффельфель.

– Ты же мужчина, Тобиас, – произнесла фрау Муффельфель. – Я думала, ты сам знаешь, что такое изобретение.

– Тогда это опеделённо изобретение, – заключил Тобиас и начал из полого бревна мастерить почтовую повозку с четырьмя колёсами. Изнутри он аккуратно выложил карету мхом и сеном, чтобы было удобно и красиво.

Потом он написал на кусках бересты большие объявления о своём новом предприятии и расклеил их на деревьях по всей округе. И действительно, в день первой поездки объявилось несколько пассажиров. Это были лис, утка, лягушонок, муха и гриб-рыжик. Тобиас недоверчиво оглядел компанию и спросил:

– У вас есть мёд? Если мёда нету, я вас не повезу.

Все стали уверять, что непременно отдадут мёд, только сейчас у них его при себе нет, поскольку эта поездка объявлена так внезапно!

Тобиас Муффельфель с этим согласился. Он разрешил пассажирам сесть в повозку и хотел уж было ехать, но тут фрау Муффельфель сказала:

– Тобиас, у тебя собрались такие пассажиры, которые питаются друг другом, а если они по дороге друг дружку съедят, то никакого мёда ты не получишь!

– Верно, – согласился Тобиас Муффельфель и громко объявил: – в почтовой повозке есть друг друга запрещается!

Потом медведь впрягся в повозку, и они тронулись в путь. Пассажиры завели разговор о целях поездки. Лис ехал к своему двоюродному брату, волку, чтобы вместе с ним поохотиться. Утка направлялась к соседнему пруду, чтобы, наконец-то, наговориться вдоволь с родственниками. Лягушоноку надо было уладить кое-какие дела в правительстве. На голове у него

красовалась маленькая корона – он был голубых королевских кровей. Муха оказалась в повозке по причине своего легкомыслия, а гриб-рыжик – вообще без причины.

Пассажирам, которые вызывали друг у друга аппетит, не следует ехать вместе. Лис понял это первым. У него разгорелся такой сильный аппетит на утку, что даже слюнки потекли. К тому же он сегодня из-за спешки плохо позавтракал.

– Я не вынесу этого! – воскликнул лис и выскочил из повозки. Только из-за своего аппетита.

Вскоре из повозки вылетела утка. Она не могла больше видеть лягушонка. Утке было проще идти пешком, чем сидеть рядом с тем, кому место у неё в желудке, а не в повозке.

Через некоторое время у лягушонка, который и так был зелёный, позеленело в глазах. Рот у него начинал сам открываться при взгляде на муху, и он тоже выскочил из повозки – исключительно из-за аппетита.

Медведь Тобиас ничего не заметил. Ему лишь показалось – повозка полегчала, но он решил, это потому, что у него стало больше сноровки. Он остановился и громко объявил:

– Первая остановка! – и заглянул внутрь.

Муха к тому времени тоже улетела, и в повозке один-единёшенек сидел гриб-рыжик.

– Все вышли, – пояснил он, – потому что у них разыгрался аппетит друг на друга, и они не могли этого больше выносить. Муха улетела оттого, что она легкомысленная. Один я остался, чтобы поддержать ваше предприятие.

– Авы, собственно, кто такой?! – рявкнул Тобиас Муффельфель.

– Я профессиональный гриб, – дружелюбно ответил рыжик.

– Заплатить за проезд можете? – спросил Тобиас.

– Нет, не могу, – ответил гриб-рыжик. – Я, вообще-то, поехал без какой-либо причины.

– Вот как! – сказал Тобиас Муффельфель, – Экая неслыханная наглость от пигалицы с писклявым голоском! Вот я вас сейчас вытряхну из повозки и посмотрю, как вы на своих коротких ножках засемените назад.

– Ну и что, – ответил рыжик. – Я профессиональный гриб, и преспокойно останусь здесь. Дождусь тёплого дождичка, потом детками обзаведусь. А на всё остальное мне плевать.

Тут Тобиас Муффельфель в сердцах разбил почтовую повозку и, расстроенный, отправился домой.

До берлоги было ещё далеко, когда Тобиас увидел бегущих ему навстречу медвежат.

– Папа! – громко плакали медвежата, – Мы больше не можем играть в футбол. У нас нет теперь мяча!

– Почему это у вас нет мяча? – сердито спросил Тобиас Муффельфель.

– Мы его съели! – ответили малыши.

И Тобиас Муффельфель залепил каждому по звонкому подзатыльнику.

– Тобиас, – сказала фрау Муффельфель, – ты выглядишь, будто тебя всего моль поела. Сдаётся мне, не надо тебе больше делать изобретения.

Можно и медведю делать изобретения. Не надо только всех подряд сажать в свою повозку – иначе в конце концов в ней не останется никого, кроме какого-нибудь гриба-рыжика.

ВЕЛИКИЙ МИГ

Птица сидела в клетке и печально смотрела в окно. Это была певчая птица, живущая в очень культурной стране, по крайней мере, таковой эта страна себя считала.

В голубой дали виднелись горы.

«Там находится юг, – думала птица. – Я летала туда однажды. Всего лишь раз».

Птице казалось, что синеющие на горизонте горы очень близко. Тоскуя, она прижималась к прутьям клетки.

– Эти горы так близко от меня, – говорила она. – Если бы у клетки не было прутьев! Если бы дверца открылась – один-единственный разочек! И настал бы великий миг... Несколько взмахов крыльями, и я уже там, за синими горами.

Высоко в небе летят журавли. В осеннем воздухе раздаётся их печальное курлыканье – печальное и зовущее. Они зовут на юг.

И вот журавли уже скрылись за голубыми горами.

Маленькая птица бьётся о прутья клетки.

Наступила зима, и птица успокоилась. Падал снег, синие горы стали серыми. Путь на юг скрывал холодный туман.

Прошло много зим и много лет. Горы становились то синими, то серыми. Перелётные птицы прилетали с юга и улетали на юг. А маленькая птица сидела в клетке в ожидании великого мига.

И вот однажды ясным, солнечным осенним днём дверь клетки распахнулась. Её не заперли по рассеянности. Нарочно люди не оставили бы клетку открытой.

Великий миг настал! Птица дрожала от радости и волнения. Осторожно и смущённо выпорхнула она из клетки и села на ветку ближайшего дерева. Всё вокруг выглядело странно. Так непривычно и необычно. В голубой дали виднелись голубые горы.

Но теперь горы казались очень далёкими. Слишком далёкими для крыльев, которые за долгие годы в клетке отвыкли от полётов. Но она должна, должна улететь! Великий миг настал!

Птица собрала все силы, всё мужество и широко расправила крылья, расправила для полёта на юг, за синие горы. Но... ей удалось перелететь лишь на другую ветку. Долгие ли годы сделали её крылья немощными – или же нечто другое, отчего они вдруг ослабли? Она не знала. Голубые горы стали далеки, слишком далеки для неё. И птица, тихо вспорхнув, вернулась в клетку.

А высоко в небе летели журавли. В осеннем воздухе раздавалось их печальное курлыканье – печальное и зовущее. Они звали на юг. И вот уже скрылись за голубыми горами.

Маленькая птица склонила голову и спрятала её под крыло.

Великий миг был позади.

МАЙСКАЯ СКАЗКА

Жил-был майский жук, который, как и полагается майскому жуку, родился в мае. Светило солнце, так ярко и золотисто, как оно светит лишь раз в году, когда на свет появляются майские жуки. Однако, майскому жуку это было безразлично.

– Солнечный свет нельзя съесть, – сказал жук самому себе, – и поэтому он меня не интересует.

Майский жук пересчитал свои ноги сначала с левой стороны, потом с правой и сложил их вместе. Полученное число ему явно понравилось, и он стал думать – а не попробовать ли отправиться в путь? Или это будет слишком обременительно? Три часа жук думал, потом снова пересчитал свои ноги и начал потихоньку ползти вперед, конечно же, медленно-медленно, чтобы не переутомиться. Хорошее самочувствие – превыше всего!

Вдруг он натолкнулся на нечто мягкое, настолько мягкое, что посмотреть на него нужно было непременно. Оно лежало на траве и выглядело как бархатный жилет, имело четыре маленькие лопаточки, а глаз у него совсем не было. Майский жук, который никогда раньше не видел кротов, удивился необычайно, пересчитал опять по-быстрому свои ноги и возмущённо со всей силы толкнул бархатный жилет. Крот в изумлении отпрянул.

– Вы с ума сошли? – заорал крот. – Какая неосмотрительность!

Майский жук захохотал. Разозлившийся крот был очень смешон.

– Знаете, – дерзко ответил жук, – тому, кто представляет из себя всего лишь бархатный жилет с четырьмя лопаточками и совсем без глаз, следует лучше молчать.

– Что за чушь вы несёте! – прошипел крот, задыхаясь от ярости. – Вы исключительно грубый субъект!

И с этими словами крот скрылся в земле, а майский жук, очень довольный собой, продолжил путь. Наконец под вечер он добрался до пруда, где на камне сидела большая старая ля-

гушка, совсем зелёная и совсем мокрая, и читала при свете луны газету «Болотные вести».

Наглый майский жук уселся на спину увлечённой читательницы и начал легонько, но настойчиво щекотать её усиками. Лягушка закинула лапку за спину и почесалась, не отрываясь при этом от газеты – ведь в «Болотных вестях» публикуются такие интересные статьи, что жалко отвлекаться от чтения. Но майский жук настырно продолжал щекотать. Лягушка, разозлясь, оглянулась и с укором посмотрела на нарушителя спокойствия. Лягушка регулярно читала «Болотные вести» и поэтому была очень образована, и конечно же, сразу узнала в этом невоспитанном существе майского жука.

– Сегодня первое мая, – сказала она спокойно, – в газете написано, что должны появиться эти странные создания. Ничего не поделаешь.

И она вернулась к чтению, лениво почёсываясь, когда её щекотал майский жук. Бедная лягушка чесалась бы ещё очень долго, если бы майский жук не прекратил её щекотать. Но тут произошло нечто интересное – вокруг пруда зазвучал хор нежных голосов. Множество маленьких эльфов, в белых одеждах, с крошечными коронами на белокурых головках, взявшись за руки, водили свои хороводы и пели. Лягушка не обращала на них внимания, про хороводы она уже читала в «Болотных вестях» в разделе «Местные новости». Но майский жук ничего об эльфах не знал и пополз, торопясь изо всех сил, посмотреть поближе на странные существа, что так странно поют тонкими голосками.

Эльфы испуганно разлетелись в стороны, только одна эльфийка осталась стоять на месте, уставившись на необычное существо.

– У тебя шесть ног! – воскликнула она. – Ты, наверное, заколдованный принц, которого я давно его жду, чтобы подарить мою маленькую корону.

Майский жук посмотрел на свои шесть ног, пошевелил смущённо усиками и ничего не сказал.

«Это определённо заколдованный принц, – подумала эльфийка, – у него шесть ног, он смущённо шевелит усами и он ничего не говорит». И она спросила майского жука:

– Хочешь на мне жениться?

Но майский жук понял, что его спрашивают о том, не хочет ли он чего-нибудь, и ответил:

– Жрать я хочу! – и улёгся на спину.

«О, как он однако сильно заколдован!» – подумала эльфийка и принесла ему еду, самую вкусную, которая была в эльфийском королевстве.

Когда жук насытился, эльфийка села рядышком и стала терпеливо ждать, когда заколдованный принц расколдуется. И после того, как колокольчики прозвонили полночь, эльфийка подумала, вот, сейчас это произойдёт, и собралась уже дарить маленькую корону. Но майский жук не слышал звона колокольчиков и не заметил золотую корону, он лежал на спине и спал. Это было ужасно скучно – шли дни и ночи, он ел невообразимо много, а как только колокольчики звонили полночь, сразу засыпал. А бедная эльфийка всё ждала и ждала.

Но однажды ночью произошло нечто чудесное: майский жук зашевелился, вытянул все шесть ножек, задвигал усиками и вдруг распустил крылья.

«Заколдованный принц начал расколдовываться», – решила эльфийка и ужасно обрадовалась. Но пока она радовалась, майский жук улетел, зацепив своей неуклюжей ногой золотую корону, которая разлетелась на тысячи осколков. Эльфийские короны так хрупки!

И вот у бедной эльфийки нет ни заколдованного принца, ни маленькой короны, которую она ему собиралась подарить. Она закрыла лицо руками и горько заплакала. Её плач был таким печальным, что лягушка оторвалась от своих «Болотных вестей» и с сочувствием посмотрела на неё.

– Да, да, – произнесла лягушка со вздохом, – сегодня последний день мая, так написано в газете, и эти странные существа уходят. Ничего не поделаешь.

Она задумчиво перелистнула страницу – для лягушек это дело нетрудное, у них всегда влажные пальцы, – и снова уткнулась в газету.

И даже крот вылез из земли и и сказал:

– Это был исключительно грубый субъект!

Но майский жук не был ни грубым субъектом, ни заколдованным принцем, а всего лишь обыкновенным майским жуком. Не надо было эльфийке ожидать от него сказочных чудес, не стоило дарить ему свою маленькую корону.

И что же стало с маленькой эльфийкой? Добрый Бог взял её на небо и превратил в ангела, дал два маленьких крыла и одарил нимбом вместо разбившейся короны.

МАМА

На чердаке в ящике для сена лежит кошка-мама с двумя котятами. Котяткам несколько дней от роду, они совсем беспомощные, их маленькие лапки разъезжаются в стороны, они слепые и тычутся непропорционально большими головами в мягкий мех мамы-кошки. Очень странно выглядят. Но для кошки они прекраснейшие существа на свете – это же её дети. Дочка – с чёрно-серыми полосками, как и она сама, настоящая красавица (скажем без ложной скромности!), сыночек – весь в отца, пёстрый, в элегантных белых панталончиках, в белых носочках и с белым пятнышком на носу. О, как проникновенно умел петь его отец! В начале марта по вечерам они вдвоём так складно выводили дуэтом чудесные песни.

Неудивительно, что котята с разъезжающимися в стороны лапами и большими головами получились такими роскошными. Любому ясно, что кошки – верх совершенства, но кошкины дети – создания, каких ещё свет не видывал! Кошка-мама горделиво потягивалась и, мурлыча, любовалась своими крошками.

Тихо и спокойно на чердаке. Место для котят самое что ни на есть подходящее. В корзине, тёплой, устланной сеном, ко-

тята могут ползать, резвиться, карабкаться по стенам и познавать новый мир, полный удивительных вещей. В окно приветливо заглядывает майская луна, освещающая обширную площадку для игр. Но самое главное – здесь могут водиться мыши, а значит, есть возможность для обучения и тренировки кошачьих талантов.

– Пожалуй, мне стоит посмотреть, есть ли тут мыши, – сказала кошка. – Малыши спят, и ненадолго отвлечься не повредит. Уход за детьми – дело утомительное, кроме того, я сильно проголодалась.

Она быстро облизала котят, тихонько вылезла из ящика, принялась и неслышно, на цыпочках отправилась гулять по чердаку. Охота на мышей – дело азартное и возбуждающее. Не слышится ли откуда-нибудь тихий шорох? Не пахнет ли мышами? Здесь ли едва уловимый запах, который кошачий нос безошибочно узнаёт? Ещё несколько осторожных шагов бархатных лапок (больше никто так ходить не умеет!) – и вот кошка уже возле мышинового гнёздышка, а в нём – два голеньких малыша.

«Дети?» – удивилась кошка и подумала, что не стоило красться неслышно на бархатных лапках, они же не умеют бегать и к тому же слепые. Проку от них мало, на один зуб. Но чуточку подкрепиться всё же стоит...

Она собралась их схватить. Но какой-то неведомый голос произнёс:

«Они не могут ни бегать, ни видеть, совсем как твои дети, и совершенно беспомощные, а их мама, наверное, погибла. Они такие же, как твои детишки, когда тебя нет рядом. Да, они мыши, но они же маленькие, очень маленькие мышата, это дети – ты ведь знаешь, что такое дети?»

Это был голос материнской любви, и этот голос зазвучал в ней – голос всеобщей любви, голос души...

«Ты же знаешь, что такое дети?» – спрашивал голос.

Кошка наклонилась, осторожно захватила зубами маленького мышонка и перенесла в свою корзинку для сена. Потом

она вернулась и перетащила второго малыша. Она положила их возле животика и накормила своим молоком и мышат, и котят.

Маленькие мышата были холодные, они едва не замёрзли насмерть, но теперь согрелись, зарывшись в мягкий мех кошки-мамы. Они почти умирали с голоду, но теперь мирно спали, вдоволь насытившись. Мышата были спасены мамой, и они даже не подозревали, что эта мама была кошкой. Откуда им это знать? Они были слепые и беспомощные. Теперь их защищала бархатная кошачья лапа.

Котята подросли, и мышата подросли, у всех вскоре открылись глазки, и первое, что они увидели, была мама, одна мама на всех, и одна на всех огромная материнская любовь.

Они были детьми, они играли друг с дружкой, а майское солнце заглядывало в окно и играло вместе с ними. И однажды солнце соткало золотой нимб над головой кошки-мамы.

Это правдивая история. Она коротка, но одновременно очень велика. На простом чердаке маленькое существо дало начало новому миру. Так будет не всегда, ещё долго-долго не случится подобного. Но великое событие уже произошло. Законы старого мира сильны и трудны, но они будут меняться шаг за шагом, потому что всеобщая любовь даст силы земной душе. Медленно, очень медленно, будет рождаться из старого мира новый мир, что уже произошло на простом чердаке, а люди об этом и не узнали. Люди так мало знают, и меньше всех знают те, которые считают себя всезнающими. Они, к слову, не знают, умеют ли звери молиться. Но я верю, что и звери могут в трудную минуту взывать к силам, что есть над нами. И если кошка будет молить, то и её услышит Матерь Божья.

Майское солнце знало то, что не знали люди. Поэтому и соткало золотой нимб над головой кошки-мамы.

Елена БУДАНЦЕВА

Кирият Моцкин

Март

Солнце в розовом платочке,
Хорошо, светло кругом,
И лучи, как молоточки,
По сосулькам бом, бом, бом...

Прогулка

Дождь, дождь,
Музыкант весёлый,
Тук-тук –
Барабанит соло
На стекле оконном с самого утра,
Ну а мне из дома выходить пора.

Кап-кап –
Мокрые дороги.
Топ-топ –
промочила ноги,
Только я простуды не боюсь,
Шлёпаю по лужам и смеюсь.

Тук-тук –
Капельки-дождейки.
Шлёп-шлёп –
Мимо паутины,
Что развесил хитрый паучок:
Спрятался под листик – и молчок!

Небесная штопка

Бабушка-молния
Штопала тучку.
Тихо ворчала:
– Ох, эта внучка,
С ветром вчера
Поиграть попросилась
Да за дремучую ель
Зацепилась,
И из прорехи –
Ну просто беда –
Льётся и льётся
Потоком вода,
Облаком чтобы
Не стала она –
Тучке небесная
Штопка нужна.

Дарья СТРАННИК

Вуппирталь

СКАЗКА ДЛЯ ПРОФЕССОРОВ

Встретились однажды профессор Умник и профессор Всезнайка. Были они оба седовласые и в белых халатах. Умник носил очки с толстыми линзами, чтобы лучше видеть и учёно выглядеть. У Всезнайка была аккуратная борода, которую он любил поглаживать с серьёзным выражением лица.

– Я – самый умный! – похвастался профессор Умник и поправил очки.

– Зато я знаю всё! – гордо ответил профессор Всезнайка и погладил бороду.

– А сколько пальцев у тебя на руке? – хитро спросил Умник.

– Это очень просто! – сказал Всезнайка, украдкой пересчитав пальцы сначала на левой, а потом, для надёжности, на правой руках. – Пять! А вот скажи мне, как называется то, что лежит у тебя под головой, когда ты спишь?

– Ха! Это же подушка! – воскликнул Умник после некоторых размышлений.

После этого профессора поняли, что они оба ужасно умные. В знак уважения коллеги долго трясли друг другу руки.

С тех пор они частенько встречались за чашкой учёного чая и обсуждали умные заумности, разные разности и новейшие новости научного мира. Славно ладили Всезнайка и Умник, но однажды всё-таки чуть не поссорились. А вышел спор из-за динозавров, вернее, из-за одного из них – грозного тираннозавра.

– Тираннозавры хищники! Они охотились на других динозавров. Поэтому у них огромные челюсти и сильные ноги, – утверждал Умник.

– Тираннозавры падальщики! Они могли есть только то, что найдут: мёртвых животных или остатки чужой добычи.

Для охотников они слишком медленно двигались и не могли схватить добычу своими короткими передними лапами, – возражал Всезнайка.

Долго они спорили. А затем ещё дольше дулись друг на друга, потому что Умник обозвал профессора Всезнайку «Зазнайкой», а Всезнайка обозвал профессора Умника «Заумником».

Потом они, конечно, помирились, но правды так и не узнали. А дело было так...

Когда-то во время мелового периода – это такое учёное слово для «давным-давно» – жил-был маленький тираннозавр по имени Рекс. На самом деле он был ростом почти с двухэтажный дом, но всё равно считался маленьким, потому что всё вокруг было огромным – деревья, хвощи, папоротники, другие животные и родители Рекса. Своих маму и папу тираннозавров он любил, но побаивался и звал просто тиранами. Они были очень строгими родителями.

– Не капризничай! – говорила мама. – Ешь своего гадрозавра.

– В нём когти, – отнекивался маленький Рекс.

– Тогда кусочек цератопса?

– Бээ, рога в зубах застревают.

– Есть ещё вчерашний брахиозавр...

– Слишком жёсткий! – кривился Рекс.

Да, со стороны могло показаться, что он очень капризный ребёнок. Но на самом деле Рекс просто ужасно жалел бедных динозавров. Он хотел дружить с травоядными, а не есть их.

Но папа-тираннозавр был азартным охотником. Не раз он хвастался за столом, как вместе с товарищами поймал очередную добычу.

– Мы – охотники! Поэтому у нас такие острые зубы и сильные ноги.

Рекс только печально вздыхал.

А мама-тираннозавр была великолепной хозяйкой и очень гордилась секретным рецептом приготовления травоядных, который достался ей по наследству от её бабушки.

– Мы – хищники с чутким нюхом, чем свежее еда, тем полезнее!

Рекс сжимал челюсти и отказывался есть.

Когда папа собрался взять Рекса в первый раз с собой на охоту, маленький тираннозавр набрался мужества и сказал:

– Не хочу! Не хочу охотиться! И не хочу есть других динозавров!

Мама прижала лапки к груди и заплакала, а папа в бешенстве сбил хвостом ближайшую пальму и проорчал:

– Вон из моих угодий! Иди к травоядным и жуй зелёную жвачку.

Рекс так и сделал, потому что иногда был послушным динозавриком. Правда, зелень ему не понравилась, хоть он и проглотил пучок-другой из вежливости к пасшимся в подлеске аламозаврам. А кушать хотелось очень – ведь он ещё рос, чтобы стать большим под стать миру вокруг.

Так бегал он по лесу и пробовал на зуб всё подряд, что не шевелилось. Со временем тираннозаврик научился по запаху находить вкусные и сытные вещи.

– Вот для чего мне нужны сильные ноги и чуткий нюх! – сказал Рекс.

Сначала все его боялись и, завидев, кричали:

– Спасайтесь!

Но быстро поняли, что Рекс – тираннозавр особенный, и стали ему помогать. Сильнее всех тираннозаврик подружился с птерозавром по имени Крылатый. Он был отличным рыбаком и часто угощал товарища рыбкой.

Рекс защищал новых друзей и мешал родственникам охотиться. Тираннозавры проголодались, задумались, а потом многие последовали примеру маленького соплеменника. Он, впрочем, за время этой сказки сильно вырос.

Как жаль, что все динозавры вымерли, прежде чем смогли рассказать эту историю профессорам Умнику и Всезнайке.

Эдвард Лир
(1812–1888)

Стол и стул
перевод с английского Татьяны Лешкевич

I

Стулу Стол сказал однажды:
– Если б знал ты, как неважно
Без ходьбы и без дороги
Поживают мои ноги!
Мы б пошли и погуляли,
И немножко поболтали!
Ведь такое может каждый!
Стулу Стол сказал однажды.

II

Резко Стул Столу ответил:
– Как ты, глупый, не заметил,
Что не можем мы ходить?
Не о чем и говорить!
Но, вздохнув, ответил Стол:
– Я бы всё-таки пошёл,
Ног ведь поровну у нас,
Не пойти ль на двух сейчас?

III

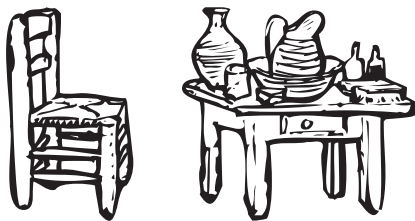
И отважились они
В городе гулять одни,
С громким топаньем весёлым,
Радуюсь, как новосёлы.
И воскликнул вдруг прохожий:
– Ну на что это похоже?!
Разгулялись Стол и Стул,
Кто бы их домой вернул!

IV

Но спустившись по аллее
К замку, что внизу белеет,
Заблудились вдруг они:
Ведь гулять пошли одни.
Но удача велика –
Мышку, Утку и Жука
Встретили. Те, слава богу,
Показали им дорогу.

V

И один другому рад
Прошептать: – О, милый брат!
Преотличная прогулка!
Провожатым дали булку,
Те её сжевали враз
И вовсю пустились в пляс,
На Столе, потом на Стуле,
Пока крепко не заснули.

Владимир ОРЛОВ

Зимняя ночь

Подморозило дороги,
Стало тихо на земле.
Мишка греется в берлоге,
Белка греется в дупле.
Под сосною спят метели,
Греясь в лунном серебре.
Дети греются в постели.
Ветры греются в трубе.
Сны летают по соседству,
Незаметны и тихи.
И тихонько, возле сердца,
Согреваются стихи.

Снежная песенка

Метет за окошком
Вечерний снежок.
Скорей одеялом
Укройся, дружок!
Метель
Каруселью
Кружится.
Крылом укрывается
Птица.
Ежонок укрылся
Осенним листом
Пушистая белочка –
Теплым хвостом.
А мишка
Своей косолапой,

Своею лохматою
Лапой.
Кусты и деревья
Уснули кругом –
Укрылись они
Голубым серебром.
Лишь серому волку
Не спится,
Он по лесу ходит
И злится.
А знаешь, дружок,
Почему он сердит?
Он ищет того,
Кто еще не укрыт!
А ты одеялом
Укройся
И серого волка
Не бойся!

Кто в доме живет?

Кто-то утром
Сказал у ворот:
– В этом доме
Никто не живет!
Целый год
В нем никто не живет.
Он пустует уже
Целый год!

– Что вы! –
Кто-то чирикнул
На крыше.
– Что за чушь! –
Зашушукались мыши.

– Это свинство! –
Добавил сверчок.
– И нахальство! –
Сказал паучок.

– Как не стыдно! –
Раздался в кадлушке
Голосок возмущенной
Лягушки. –

Если в доме
Никто не грохочет,
И кричать
И ругаться не хочет,
То выходит,
Уже целый год
В этом доме
Никто не живет?

Дикобраз

Повстречался как-то раз
Дикобразу дикобраз,
Поглядели друг на друга –
и присели от испуга.
– Фу! – сказали дикобразы. –
Что за дикие проказы!
Страх находит на зверей
От заросших дикарей!
Днем и ночью нет покоя!
Дикобразие какое!

Осьминог

Осьминог для всех – чудовище.
А для мамы он – сокровище.

Ночная встреча

Еж фонарик не включил
Из лесной гнилушки
И на елку наскочил
Ночью на опушке.

– Извини! –
Промолвил еж,
Еле сдерживая дрожь.

– Извини и ты, сосед! –
Елка скрипнула в ответ.

– Как твои иголки? –
Еж спросил у елки.
– Все целы!
– А как твой нос?
– Целый! –
Ежик произнес.

– Что ж ты ходишь, ежик,
Ночью без дорожек?
– Я в нору хотел пройти,
Вдруг – иголки на пути.

– Проходи в свою нору,
Я иголки уберу.

...Еж и елка при ночной
Встрече на опушке
Не сказали ни одной
Колкости друг дружке.

Мирная беседа

Непогода за окном.
Мы беседуем втроем.
Я сказал:
– Метель аукает,
Видно, города не знает.
Пес добавил:
– Вот мяукает!
Кот ответил:
– Завывает!
Посидели,
Помолчали,
Головами
Покачали.
Я сказал:
– Не выйти в город!
Мне кивнули
В знак согласия.
Кот сказал:
– Собачий холод!
Пес ответил:
– Котовасия!
Так в согласии
И в мире
Мы беседуем
В квартире.

Ворона

– Кра! –
Кричит ворона. –
– Кража!
Караул!
Грабеж!
Пропажа!
Вор прокрался
Утром рано!
Грош украл он
Из кармана!
Карандаш!
Картонку!
Пробку!
И красивую
Коробку!
– Стой, ворона
Не кричи.
Не кричи ты,
Помолчи.
Жить не можешь
Без обмана –
У тебя ведь
Нет кармана.
– Как?! –
Подпрыгнула ворона,
И моргнула
Удивленно:
– Что ж вы раньше
Не сказали?!
Кар-р-раул!
Кар-р-ман!
Укр-р-рали!

Друг для друга

Если колючка
Вонзилась вам в пятку,
Сразу же делайте
Все по порядку:
Не занимайтесь
Делами пустыми –
Быстро идите
В любую пустыню.

Там на любом
Караванном пути
Можно спокойно
Верблюда найти.
Ногу ему протяните,
Как другу,
И окажите друг другу
Услугу.

Съест он колючку
С доставкой на дом,
Ногу окинёт
Признательным взглядом.
Вы же спокойно
Идите обратно:
Вам хорошо,
И верблюду приятно!

 Семейный альбом

Алла ПСРАХТЕНБЕРГ

Херне

Я родилась в 1957 в Молдавии в Тирасполе. Окончила библиотечное отделение Культпросветучилища и филфак пединститута. С 20 лет заведовала библиотекой на большом заводе. После замужества переехала в город Бендеры, где 12 лет возглавляла профсоюзную библиотеку. В апреле 1993 года с семьёй приехала в Германию и уже через 2 года трудилась первым русскоязычным социальным работником в Херне и округе. Мне было поручено организовать при АВО две русскоязычные группы: для женщин и для тех, кому за 50. Одновременно работала в первой группе продлённого дня в одной из школ города. К сожалению, этот мой трудовой договор в Германии длился всего лишь год. Однако наша женская группа просуществовала больше двадцати лет, многие её участники до сих пор поддерживают со мной и между собой тёплые отношения. В 1998 году мы с друзьями задумали под эгидой АВО и Европейского фонда проект для иммигрантов. 20 участников из бывшего Советского Союза два года проходили практику на предприятиях для инвалидов в городах СРВ и одновременно учились. По окончании нам были вручены дипломы, и девять участников проекта получили постоянное место работы. Двенадцать лет я была руководителем группы инвалидов и организатором их производственного процесса в Дортмунде.

В 2006 году с моими немецкими друзьями организовала в Херне общественно полезное немецко-русское общество «Mir-Frieden». Цель его – улучшить взаимопонимание и сближение между немецко- и русскоговорящими людьми, проводя с ними всевозможные культурно-просветительские мероприятия, позволяющие лучше узнать и понять чужие традиции, религию и культуру.

У меня взрослая дочь и любимая 12-летняя внучка.

Литературу полюбила в школе, посещала городское литературное объединение, пробовала свои силы в написании стихов и небольших зарисовок. После переезда в Германию начала писать на немецком языке, пытаясь объяснить моим новым немецким друзьям, почему мы эмигрировали в Германию; рассказать им о Гражданской войне 1992 года в Молдавии, ужас которой моя семья, увы, ощутила на себе»; о том, как жили раньше и какие мы, приехавшие из бывшего Советского Союза, на самом деле. А также – о нашей непростой интеграции в новой поначалу чужой стране, которая теперь стала для нас почти второй родиной. В 2018 году я участвовала в женском проекте «1.001 история». По его материалам была издана книга, в которой впервые напечатан мой рассказ на немецком языке. В последнее время я снова пишу прозу на русском.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Жанночка

Когда детсадовские подготовишки – «Космонавты» – пошли первого сентября в школу, в освободившееся помещение перевели малышей из группы «Анютини глазки».

Трёхлетняя Жанночка вечером восторженно рассказывала маме:

– Мама, а мы сегодня в детском саду на винитазах сидели!
– На чём, на чём сидели? – не поняла мама.
– Ну как ты не понимаешь?! Раньше мы сидели на горшках, а теперь на винитазах. Они такие большие, и моя подружка Зинка чуть туда не провалилась.

Переодеваясь перед уходом домой из садика, рассказывает маме о своём новом друге.

– Стасик такой хороший. Он сегодня за обедом и мою котлетку съел, и свою.

Мама:

– И ты этому рада?

Дочка:

– Ну, конечно! Ведь воспитательница ничего не заметила и не ругала меня за то, что я плохо ем.

Вика

Виктории два с половиной года. Мама никак не может отучить её засыпать без соски. Прабабушка из Италии передала для правнучки красивые маленькие серёжки. Девочке они очень понравились. Мама готовит дочку к тому, что для серёжек придётся прокалывать ушки.

– Ты же не будешь бояться? Ты же у нас большая девочка?

– Да, я уже большая. Скорее прокалывайте!

– А вообще-то нет, ты ещё маленькая, – хитрит мама. – Без соски вон не засыпаешь...

Вика слегка поколебалась, потом вскочила, собрала все свои соски... и выбросила их в мусорное ведро. Это был по-настоящему взрослый поступок. И очень женский...

Трёхлетняя Вика не может заснуть. Бабушка затягивает колыбельную:

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

Внучка возмущённо: «Бабушка, эту песню тебе петь нельзя! Она мамина».

– А как ты думаешь, кто пел её твоей маме, когда она была маленькая? – поинтересовалась бабушка.

Вика сильно удивилась, узнав, что её мама тоже была маленькой, и ещё больше, что бабушка – мамина мама. Но с тех пор слушала колыбельную с удовольствием.

У Виктории в садике было две воспитательницы, но когда однажды бабушка поинтересовалась, как их зовут, то в ответ услышала: «Лиза». Стало ясно, что это – её любимая воспитательница. И не удивительно: ведь Лиза и на гитаре играла, и пела красиво... Родители, забирая детей домой между тремя и четырьмя часами пополудни, нередко наблюдали, как Лиза в кругу детей разучивала с ними песни под гитару.

Как-то папа пришёл за Викой и увидел её в кругу детей с игрушечной гитарой в руках. Дочка по поручению временно отлучившейся Лизы разучивала с малышами песню к Новому году. Но повторяла один и тот же куплет – других слов она пока не знала...

Отец попробовал увести дочку домой. Но не тут-то было!

– Нет, папа, Лиза сказала сидеть!..

Пришлось искать любимую воспитательницу и просить, чтобы та разрешила Вике покинуть «ответственный пост».

После этого случая папа купил гитару и попытался научить-ся играть. Наверное, чтобы заслужить у дочери такой же, как у Лизы, авторитет.

Позвонила бабушка:

– Вика, приходи ко мне в гости!

Внучка:

– У меня нет времени.

Бабушка:

– Завтра воскресенье, может, ты всё же найдёшь для меня время?

Внучка озабоченно, подражая кому-то из взрослых:

– Нет бабушка, не могу, у меня термiны¹...

¹ Termin (нем.) – встреча.

Илюша

Четырёхлетний Илюша любил разбирать всё, что ему попадалось под руку. «Будущий изобретатель», – гордилась бабушка. Всё бы ничего, но, к сожалению, когда раскуроченное пытались снова собрать, оставались лишние детали... Поэтому взрослые запрещали «изобретателю» прикасаться к дорогим вещам.

В то воскресенье в доме собрались гости. Сидели за столом на кухне. Когда обед подходил к концу, Илюшин папа решил всех сфотографировать. И тут началось... Сын начал просить у папы фотоаппарат. Это был в те времена очень дорогой «ФЕД 3». Папа его не дал.

Малыш громко заплакал, упал на пол и стал сучить ногами. Мама попыталась уговорить папу уступить ребёнку, но тот был неумолим. Илюша орал всё громче и громче. И тут у сестры Илюшиной мамы появилась идея, как это прекратить. Она предложила гостям не обращать внимания на ребёнка и перейти в гостиную. Все так и поступили. Угадайте, что было дальше?

Илюша затих, а потом явился в гостиную, лёг на пол и, рыдая, принялся колотить по нему ногами. Ну конечно, какой смысл реветь без зрителей?

Мариночка

Во дворе дома – деревянная горка с большой площадкой наверху. Семилетняя Наташа часто играла там со своим младшим братом и соседской трёхлетней Мариночкой. В тот день Наташа учила малышей играть в шашки. Когда Маринка пришла домой, мама поинтересовалась:

– Ну, что вы делали во дворе?

– Мы сидели на уборке с Маташей и играли в пишашки, – читалась девочка.

У пятилетней Маринки красивые густые, рыжие, вьющиеся волосы. Как-то они гуляли с мамой в парке, и их остановили молодые цыганки.

Одна, чтоб завязать разговор, спросила:

– Тётенька, вы что же своей дочке волосы красите?

На это мама Марины, не задумываясь, на полном серьёзе ответила:

– Ну конечно... А заодно и химическую завивку делаем!

Ирочка

Шестилетняя Ирочка приехала с мамой в гости к своей тёте в Германию. По-немецки говорить не умела. Тётя выучила с ней жизненно важную фразу: «Ich verstehe nicht» (Ихь ферштее нихт) – я не понимаю.

Как-то маме с тётей понадобилось ненадолго уйти, и Ирина осталась одна на хозяйстве. Ирочке наказали: в квартиру никого не впускать и к телефону не подходить. Сначала всё шло хорошо. Девочка рисовала в альбоме принцесс в красивых платьях. Но тут резко зазвонил телефон. Вначале Ирочка терпеливо выполняла наказ и к телефону не подходила. Но телефон всё звонил и звонил... И малышка не выдержала, схватила трубку. Там заговорили по-немецки. Ира честно ответила:

– Никого нет дома.

В трубке опять что-то произнесли на непонятном языке. Тогда Ира собрала всю свою волю в кулак и закричала:

– Ничего не ферштею!

И ещё громче:

– Не ферштею!!!

Таня

Семилетняя Таня две недели гостила с мамой у дяди Бори в Германии. Дядя взял отпуск, организовал им двухдневную поездку в Париж, каждый день водил российскую племянницу в бассейн и в Макдоналдс. Перед отъездом пошли покупать подарки. Накупили много чего. Долго искали тёплую курточку, но не смогли найти Танин размер. Решили купить взамен тёплый свитер. Но тут мама увидела в витрине подходящую куртку за 80 евро... Дядя Боря шепнул жене, что, мол, дороговато, да и таких наличных у него сейчас нет. Таня это услышала и начала канючить: «Ну пожалуйста, ну пожалуйста! Я о такой мечтала всю жизнь. Все в классе обзавидуются...» Дядя Боря вздохнул: «Ладно. Пойду в банк, сниму деньги». Племянница была на седьмом небе от счастья, а вечером рассказывала своему папе по телефону, как в этой Германии всё здорово и просто. Захотел что-то купить, идёшь себе в банк и берёшь денег, сколько хочешь. Она же не слышала, как вечером в спальне жена выговаривала дяде Боре, что из-за его родни они влезли в долги, и теперь придётся не один месяц погашать минус на их банковском счёте...

Дела семейные...

Дедушка спрашивает у четырёхлетнего внука по телефону:

– Ну, что там мама с папой делают?

Внук:

– Да они на кухне югаются (ругаются).

У десятилетнего Артура в гимназии первый день нового учебного года. Он взволнован.

– Мама, мама, что мне сегодня надеть?!

Мама вся в утреннем стрессе, не знает, как ей всё успеть и не опоздать на работу,

– Ой, да надевай, что хочешь, твои вещи в шкафу. Поглаженные.

– Мамочка, что с тобой случилось? У нас в семье уже отменили матриархат?

Мама раздражённо:

– Ой, да делайте вы что хотите?!

Сын изумлённо:

– А папа тоже теперь может делать всё, что захочет?!

